

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Лаборатория социально-экономических исследований Алтайского края

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр социально-экономических исследований и региональной политики

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: в фокусе – Алтайский край

Коллективная монография

Под редакцией д.с.н. А.М. Сергиенко

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

УДК 316.346.32-053.6(571.150)+314.727(571.150)

ББК 60.542.15+60.546.2

М 576

Рецензенты: д.с.н. А.Я. Троцковский, ИЭОПП СО РАН; д.с.н. С.Г. Максимова, АлтГУ

М 576 Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край [Текст] : коллективная монография / А.М. Сергиенко, О.Н. Колесникова, Ю.А. Перекаренко, Л.В. Родионова, О.А. Снегирева, Е.В. Тарасова ; под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.
ISBN 978-5-7904-2336-9

Коллективная монография подготовлена в рамках исследования по проекту «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края, проект № 17-13-22007-ОГН (2017–2018 гг.).

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Алтайского края в рамках НИР №17-13-22007-ОГН\18.

В монографии изложены методологические основы и результаты исследования миграции сельской молодежи Алтайского края с использованием триангуляции современных методов сбора и анализа данных (количественных и качественных опросных методов, математико-статистического анализа и др.). Представлены результаты анализа демографических и миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х годов, выявлены территориальные очаги напряженности. Описаны изменения в социально-экономическом развитии сельских территорий с начала 2000-х годов. Выявлены особенности динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи, ее социального положения и активности. Рассмотрены образование, занятость и другие драйверы миграции и реэмиграции сельской молодежи. Дана оценка государственной политики, а также практик социальной поддержки молодежи в сельских сообществах с позиции их влияния на миграцию. Представлены предложения по совершенствованию государственной политики в области улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции из региона.

Монография представляет интерес для специалистов, работающих в области регионального и сельского муниципального управления, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, представителей сельского бизнеса и общественных организаций, а также всех тех, кому небезразлична судьба сельских сообществ Алтайского края и страны в целом.

УДК 316.346.32-053.6(571.150)+314.727(571.150)

ББК 60.542.15+60.546.2

ISBN 978-5-7904-2336-9

© Коллектив авторов, 2019 г.

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2019 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (А.М. Сергиенко).....	5
Раздел I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	10
Глава 1. Миграция сельской молодежи как объект исследования (О.А. Снегирева, А.М. Сергиенко).....	10
Глава 2. Методика исследования динамики и механизмов миграции сельской молодежи аграрного региона (А.М. Сергиенко).....	31
Раздел II. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ, ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ.....	42
Глава 3. Демографическая ситуация в регионе и территориальные очаги напря- женности (Е.В. Тарасова, Л.В. Родионова).....	42
Глава 4. Демографические процессы в Алтайском крае: тренды, риски и пер- спективы (Л.В. Родионова).....	70
Глава 5. Трансформации в сфере доходов жителей региона (А.М. Сергиенко, Ю.А. Перекаренкова).....	92
Глава 6. Социально-экономические изменения в сельской местности региона с начала 2000-х гг. (А.М. Сергиенко, О.А. Снегирева, А. Wust).....	110
Раздел III. МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	134
Глава 7. Динамика и причины реальной и потенциальной миграции сельской молодежи (А.М. Сергиенко, О.А. Снегирева).....	134

Глава 8. Демографическое состояние и образование сельской молодежи, их влияние на миграцию (А.М. Сергиенко, О.Н. Колесникова, Л.В. Родионова, О.А. Снегирева).....	157
Глава 9. Сельский рынок труда и миграция молодежи (А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, О.А. Снегирева).....	187
Глава 10. Изменение территориальных характеристик социального положения и активности сельской молодежи (О.А. Снегирева, А.М. Сергиенко).....	203
Глава 11. Оценка материального положения и социального самочувствия сельской молодежи (А.М. Сергиенко, О.Н. Колесникова, О.А. Снегирева).....	214
Раздел IV. КЛЮЧЕВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ОЦЕНКА ИХ ВЛИЯНИЯ.....	239
Глава 12. Практики социальной поддержки молодежи в сельских сообществах (А.М. Сергиенко).....	239
Глава 13. Государственная политика по сокращению миграции сельской молодежи: оценка результативности и направления совершенствования (А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, Е.В. Тарасова, О.А. Снегирева).....	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова).....	288
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	309
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	324

ВВЕДЕНИЕ

Сельско-городская миграция традиционно рассматривается как закономерный глобальный процесс урбанизации. В последние десятилетия этот процесс усиливается под влиянием «разбухающей» глобализации, растущих международных и национальных рынков, следствием чего являются социально-экономические трансформации в сельских сообществах. Причем среди российских ученых и практиков можно встретить немало сторонников даже более жесткой урбанизации и более интенсивной миграции из села в пользу формирования крупных метрополий, чем протекающие в настоящее время. По их убеждению, внедрение новых технологий в сельском хозяйстве уже привело к формированию значительной части избыточного сельского населения, а консервация такой ситуации наносит непоправимый ущерб экономике России, потере ее конкурентоспособности¹.

В то же время в научной литературе и на различных общественно-политических дискуссионных площадках встречаются прямо противоположные оценки, обосновывающие растущие вызовы и угрозы продовольственной и в целом национальной, геополитической безопасности страны как следствие массового оттока сельского населения, в первую очередь молодежи, особенно в аграрных регионах. Данная позиция усиливается и объявленным Президентом РФ стратегическим приоритетом пространственного развития страны, тесно связанным с вопросами устойчивого социально-экономического развития сельских территорий и социально-демографического воспроизводства сельских сообществ².

---

¹ «У нас в сельской местности проживает условно «лишних» 15 млн человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности в селе по большому счету не нужны...» (цит. по статье: «Собянин: производительность труда в Москве в 2,5 раза выше среднего значения по России» / ТАСС. Информационное агентство России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4759068>).

² Из послания Президента РФ к Федеральному собранию 1 марта 2018 г.: «Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России... Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий» (цит. по: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/> docu-

С начала 2000-х гг. в регионах России произошел существенный сдвиг в государственной политике в направлении аграрного развития и поддержки социально-экономического развития села. Так, в Алтайском крае реализуются федеральные и региональные программы устойчивого развития сельских территорий и ряд других программ и проектов, направленных на решение отдельных социально-экономических проблем сельской молодежи (по содействию занятости и поддержке малого предпринимательства, обеспечению семей жильем, стимулированию рождаемости и пр.). Вместе с тем это пока не привело к заметным эффектам в решении проблемы миграции молодых сельян даже при улучшении их социального положения. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий уже в настоящее время затруднено нехваткой молодых квалифицированных кадров. Продолжающийся отток сельской молодежи может привести к кардинальной проблеме социального воспроизводства сельских сообществ и, как следствие, к формированию ситуации («точки невозврата»), когда данные процессы уже невозможно будет остановить.

Предлагаемая читателю коллективная монография представляет результаты многолетнего исследования проблем миграции сельской молодежи, основанной на анализе ее социального положения и активности. С этой целью на примере Алтайского края как одного из самых крупных аграрных регионов страны коллективом авторов было проведено исследование масштабов и динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи, драйверов формирования и ключевых механизмов сокращения с начала 2000-х гг. Особое внимание обращено на специфику изменений процессов миграции сельской молодежи в Алтайском крае на фоне регионов Сибирского федерального округа и России в целом на разных этапах экономического развития, а именно: в период экономического роста (2001-2007 гг.), глобального экономического кризиса и двух последующих лет, значительно отразившихся на показателях уровня

---

ment/cons_doc_LAW_291976/). Выбранному приоритету пространственного развития страны соответствуют и национальные проекты, их целевые показатели и задачи, зафиксированные в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204 (см., например: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>).

жизни населения (2008-2011 гг.), а также современного периода так называемой глобальной турбулентности.

Авторский коллектив опирался в своих выводах не только на данные переписей населения России и другие данные статистики Росстата, но и на результаты многочисленных социологических опросов сельского населения и экспертов, проведенных в Алтайском крае сотрудниками ИЭОПП СО РАН с начала 2000-х гг. и отражающих различные этапы состояния экономики и социальной сферы. Кроме того, для формирования объективной основы исследования использовались результаты анализа федеральных и региональных законов, стратегических документов, программ и проектов, касающихся проблем социального положения и активности сельской молодежи. Такое исследование стало возможным благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования и науки Алтайского края (проект №17-13-22007-ОГН, 2017-2018 гг.).

Предлагаемая читателю коллективная монография состоит из четырех разделов, один из которых отражает теоретическое представление и методологию исследования миграции сельской молодежи, а в остальных содержатся эмпирические результаты, завершающиеся авторскими рекомендациями по совершенствованию государственной политики улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции.

Первый раздел книги посвящен теоретико-методологическим и методическим аспектам анализа миграции сельской молодежи как объекта социологического исследования. Здесь рассматриваются понятия сельской молодежи как территориально-демографической группы, ее социального положения и его изменения. Раскрывается сущность миграции сельской молодежи, описываются различные теории и методологические подходы к исследованию миграции. В результате авторы определяют теоретико-методологические основания анализа миграции сельской молодежи, учитывающие специфику данной группы. Это позволило представить оригинальную методику изучения динамики, факторов формирования и механизмов сокращения миграции сельской молодежи

на примере Алтайского края, акцентированную на комплексное измерение социального положения и активности данной социальной группы.

Второй раздел начинается с анализа демографической ситуации в регионе и сельских муниципальных районах. Выделены территориальные очаги напряженности, дана характеристика трендов, рисков и перспектив демографических и миграционных процессов. Кроме того, в данном разделе проанализированы изменения в сфере доходов жителей региона с начала 1990-х гг., социально-экономические изменения, произошедшие в сельской местности Алтайского края с начала 2000-х гг., определяющие во многом масштабы и характер миграционных процессов.

В третьем разделе читателю предстоит познакомиться с результатами анализа динамики и причин реальной и потенциальной миграции сельской молодежи Алтайского края. Отдельная глава посвящена результатам исследования демографического состояния и образования сельской молодежи, их влияния на миграцию. Представлена типология сельских районов края по уровню и динамике социально-экономического развития с начала 2000-х гг., отражающая комплекс территориальных характеристик социального положения и активности сельской молодежи, которую авторы предлагают рассматривать как инструмент формирования дифференцированных политик. Здесь также рассмотрено взаимовлияние сельского рынка труда и миграции сельской молодежи, дана оценка изменения ее материального положения и социального самочувствия.

И, наконец, в четвертом разделе обобщены результаты социологического исследования практик социальной поддержки молодежи в сельских сообществах. Внимание фокусируется на характеристике масштабов, динамики и факторов развития практик сельского бизнеса, общественных организаций и семейно-родственных сетей, их влияния на миграцию и реэмиграцию сельской молодежи. Дается оценка результативности государственной политики по улучшению социального положения и сокращению миграции сельской молодежи. В завершение авторы представляют комплекс рекомендаций по совер-

шенствованию государственной политики, позволяющих получить эффект не только для улучшения социального положения сельской молодежи, но и сокращения ее миграции.

Авторский коллектив выражает свою признательность декану факультета социологии Алтайского государственного университета Ольге Николаевне Колесниковой за высокое качество организации сбора социологической информации в 2017 г., интервьюерам-студентам данного факультета, проявившим ответственность и искреннюю заинтересованность в получении качественной социологической информации.

Коллектив авторов благодарит всех руководителей и специалистов органов местного самоуправления сельских территорий Алтайского края, а также представителей сельского бизнеса, выступивших экспертами в данном исследовании, всех респондентов – сельских жителей и городскую молодежь, принявших участие в выборочных опросах.

Авторский коллектив монографии:

д.с.н. А.М. Сергиенко – введение, гл. 1, 2, 5-13, заключение;

А. Wust (Германия) – п. 13.2;

к.с.н. О.Н. Колесникова – п. 8.2, 11.2;

к.с.н. Л.В. Родионова – гл. 3, 4, п. 8.2, гл. 9, п. 13.3, заключение;

к.и.н. Е.В. Тарасова – гл. 3, п. 13.3;

магистр экономики Ю.А. Перекаренко – п. 5.2;

магистр социологии О.А. Снегирева – гл. 1-2, п. 6.2, п. 7.1, 7.4, гл. 8, п. 9.3, гл. 10, 11, п. 13.2, 13.3.

Раздел I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Глава 1. МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миграционные процессы и явления, влияющие на них факторы описаны во многих работах исследователей. Спецификой современных отечественных исследований является акцент на изучение внешней миграции, тогда как внутренней миграции, в том числе сельско-городской, внимание уделяется довольно редко, несмотря на актуальность последней, обусловленной демографическим спадом, неравномерным распределением трудовых ресурсов на территории государства, необходимостью обеспечения роста экономики и др.¹

Теоретико-методологический фундамент нашего исследования во многом был заложен в трудах Новосибирской экономико-социологической школы под руководством Т.И. Заславской. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР было проведено крупное по задачам и масштабам (на большом массиве статистических и социологических данных) исследование миграции сельского населения на примере Новосибирской области, теоретические положения, методика и многие результаты которого являются актуальными и в настоящее время².

Различные аспекты жизнедеятельности сельской молодежи, ее социального положения и миграционной активности отражены в работах отечественных исследователей Т. Бояк, П. Великого, Е. Вознесенской, С. Дакировой,

---

¹ Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Серия: Миграционный барометр в РФ. – С. 6.

² Заславская Т.И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 205–277; Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации / отв. ред. Т.И. Заславская. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. – 192 с.; Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – М.: Мысль, 1970. – 348 с.

Г. Габидуллиной, Ф. Зиятдиновой, Н. Матвеевой, С. Решетниковой, И. Слепенкова, Г. Чередниченко, Г. Широкаловой и др.¹ В своих выводах мы опираемся также на труды современных российских исследователей (З.И. Калугиной, Т.Г. Нефедовой, А.М. Никулина, О.П. Фадеевой и др.), акцентирующих внимание на анализе трансформационных процессов в сельских сообществах и миграции сельского населения как их проявлении и следствии, влияния на их развитие государственной политики, различных практик самоорганизации, взаимодействия сельских жителей². В трудах западных исследователей аграрно-сельской социологии (Z. Bednarikova, M. Bavorova, F. Cartmel, A. Furlong, S. Pavis и др.) внимание сконцентрировано на анализе глобальных и региональ-

---

¹ См.: Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). Улан-Удэ, 2007. 478 с.; Великий П.П., Дакирова С.Т. Влияние смыслов относительной депривации на жизненные планы сельской молодежи // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2014. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iagpran.ru/datas/users/48fc5c6bdbfeecc6b4b9f7933c339ea0.pdf> (дата обращения: 01.02.2017); Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие: из села в город // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 75-91; Габидуллина Г.Р. Актуальные проблемы сельской молодежи // Вестник Башкирского университета. – 2006. – № 4. – С. 174-176; Дерябина О.Н., Широкалова Г.С. Специалисты для села и село для специалистов // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 26-39; Ельчанинов П.М. Проблемы трудовой занятости сельской молодежи // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 133-135; Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 199 с.; Матвеева Н.А. Образование как цель и фактор социализации сельских школьников: противоречия использования ресурса // Образование и общество. – 2011. – № 6. – С. 70-74; Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; Сушко П.Е. Сельская молодежь Ближнего Севера: основные типы и характеристики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. – 2015. – Вып. № 3 (50). – С. 106-112; Чередниченко Г.А. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий): монография. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 392 с. и др.

² См.: Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей; под общ. ред. А.М. Никулина. – М.: Дело, 2012. – 228 с.; Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический ракурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.; Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: URSS, 2013, доп. изд. 2014. – 310 с.; Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. – Сер. геогр. – 2015. – № 3. – С. 41-56; Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М., 2010. – С. 128–145; Российское село в условиях глобальных вызовов: коллективная монография / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа: БагСУ, 2014. – 280 с.; Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.; Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 264 с.

ных процессов в сельских сообществах и миграции сельского населения как их проявления¹.

При наличии большого количества работ, посвященных отдельным аспектам оценки социального положения и миграции сельской молодежи, особенностью современной ситуации является фрагментарный характер исследований, не учитывающих комплекса происходящих изменений ее социального положения и активности (лишь отдельные характеристики), а также ключевые факторы и механизмы, воздействующие на эти изменения и определяющие в конечном счете миграционные настроения молодых селян.

1.1. Представление о социальном положении сельской молодежи и его изменении

Сельская молодежь как территориально-демографическая группа.

Сельская молодежь относится к группам, которым П. Сорокин дал название «составные». К таким группам он относил те, что состоят из сочетания двух и более простых группировок, члены которых объединены двумя или большим числом связей и различаются не только по числу простых связей, но и по их ха-

---

¹ См.: Adesiji, G.B. Factors Associated With The Youths' Rural-Urban Drift In Kwara State, Nigeria / G.B. Adesiji, V. Omoniwa, S.A. Adebayo, B.M. Matanmi, J.A. Akangbe // *Interdisciplinary journal of contemporary research in business*. – 2009. – Volume 1. – № 8. – P. 69-77; Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // *Journal of Rural Studies*. – 2016. – № 45. – Pp. 99–111; Cairns D. (Ed.) *Youth on the Move: European Youth and Geographical Mobility*. – Springer, 2010. – 112 p.; Caldwell W., Ball J., Chan Y., Ainley S. *Rural Research Priorities*. – Ontario, 2010. – 62 p.; Cartmel F., Furlong A. *Youth unemployment in rural areas*. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 46 pp.; Chiang Y., Hannum E.C., Kao G. Who Goes, Who Stays, and Who Studies? Gender, Migration, and Educational Decisions among Rural Youth in China // *International Journal of Chinese Education*. – 2012. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 106-131; Corriero J., Walker L. *Engaging Rural Youth. Survey Results and Recommendations*. – Toronto: TakingITGlobal, 2004. – 24 p.; Davies A. Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities // *Geographical Research*. – 2008. – № 46. – P. 162-171; Min-Harris C. *Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth* // *Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa* – 2000. – P. 159-186; Nlerum F.E. Youth Restiveness in Niger Delta rural areas: Lesson for Contemporary Nigerian Society // *International Journal of Advancements in Research & Technology*. – 2012. – Vol. 1. – Iss. 7. – P. 1-9; Pavis S., Platt S., Hubbard G. *Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion*. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 403 pp.; Shucksmith M. *Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas*. – York: Joseph Rowntree Foundation, 2000; Weinstein S. *Feel These Words: Writing in the Lives of Urban Youth*. – State University of New York Press, 2009. – 189 p.

рактеру¹. Сельская молодежь является, с одной стороны, демографической (точнее, возрастной), а с другой – территориальной группой. Изучать сельскую молодежь как территориально-демографическую группу – это значит рассматривать ее на пересечении демографической и социально-территориальной социальных структур посредством выделения в территориальной группе сельского населения молодежи.

Сельская молодежь является частью и молодежи в целом, основным группообразующим критерием которой выступает возраст. В отечественной социологической традиции одно из наиболее ранних определений понятия «молодежь» принадлежит В. Лисовскому, рассматривавшему ее как поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих общеобразовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемых обществом к усвоению и выполнению социальных ролей².

В социологии молодежи используются различные варианты периодизации молодежного возраста. Так, В. Павловский полагал, что молодежный возраст колеблется от 13-14 до 29-30 лет и делит весь молодежный возраст на четыре подгруппы: от 13-14 до 16-17 лет – старший школьный период, от 16-17 до 20-21 года – период гражданского становления, от 20-21 до 25-26 лет – первый молодой гражданский возраст, от 25-26 до 29-30 лет – второй молодой гражданский возраст³. По мнению А. Мудрика, в молодежном возрасте можно выделить три подгруппы: 15-17 лет – ранняя юность, 18-23 года – юность, 23-33 года – молодость⁴. В официальных нормативно-правовых документах также представлены различные возрастные границы молодежи. Например, в проекте Федерального закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» к молодежи отнесены граждане в возрасте от 14

---

¹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии; под общ. ред. Л.В. Пеняевой. – М.: Наука, 1994. – С. 62.

² Лисовский В.Т. Социология молодежи. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1996. – С. 7.

³ Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический проект, 2001. С. 107.

⁴ Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов. – М.: Академия, 2000. – С. 6.

до 25 лет включительно, в Законе Алтайского края «О государственной молодежной политике» – от 14 до 30 лет.

Как отмечают М. Карманов, П. Смелов, Е. Егорова, отсутствие четкой и однозначной интерпретации границ возрастного интервала молодежи при ее исследовании с позиций статистики не позволяет получить точную оценку количественных размеров данной группы населения, а также затрудняет возможности проведения сравнительного статистического анализа¹. Если для определения верхней границы молодежного возраста обычно используется отметка до 30 лет, то при выделении нижней возрастной границы молодежи используются следующие подходы: 1) в соответствии с действующим гражданским законодательством РФ период несовершеннолетия заканчивается в 18 лет; 2) в соответствии с действующим в РФ трудовым законодательством период трудоспособности членов общества наступает с 16 лет; 3) паспорт, как важнейший документ, удостоверяющий личность гражданина в РФ, выдается в 14 лет².

Мы разделяем точку зрения М. Карманова, П. Смелова, Е. Егорова, О. Золотарева, О. Кучмаева и др. о том, что в прикладных социологических исследованиях указанные выше варианты определения возрастных границ молодежи имеют право на самостоятельность, поскольку аргументированно доказать наличие исключительных преимуществ какого-либо подхода практически невозможно, в связи с чем выбор нижней возрастной границы молодежи зависит не только от цели и задач исследования, но и от его предмета³. В нашем исследовании использован интервал 16-29 лет, что позволяет рассматривать молодых селян как младшую подгруппу сельского населения трудоспособного возраста и, как следствие, проводить сравнительный анализ характеристик социального положения данных подгрупп.

Опираясь на определение села как функционально-территориальной подсистемы общества, формирующей специфическую среду жизнедеятельности

---

¹ Карманов М.В., Смелов П.А., Егорова Е.А., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Методологические вопросы экономико-статистического анализа социально-демографических групп населения. – М.: МЭСИ, 2010. – С. 89-90.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 90.

сельского населения¹, под сельской территориальной общностью, по нашему мнению, целесообразно рассматривать относительно самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, включающую в качестве основных элементов соответствующую группу сельского населения и используемую ею часть жизненного пространства (жизненной среды) сельской местности – территориальные условия жизнедеятельности².

Согласно экономико-социологическому подходу территориальная группа населения представляет собой совокупность людей, объединенных проживанием на одной территории, единством территориальных условий жизнедеятельности, сходством пространственных (территориальных) интересов и поведения³. Согласно логике данного подхода, характеристики элементов других социальных структур (в том числе и демографической) могут выступать в качестве критериев внутренней дифференциации территориальных групп населения. Для комплексного изучения социального положения сельской молодежи, определения его особенностей в сравнении с другими группами более приемлемым является анализ молодых селян как территориально-демографической группы. В таком случае исследователь фокусируется на территориальных группах населения (неотделимых от микросоциальных сред их жизнедеятельности), дифференцируя их по критерию возраста.

Территориальные интересы территориально-демографической группы отражают зависимость удовлетворения ее потребностей от условий микросоциальной среды жизнедеятельности, единой для всех ее жителей, например, молодежи и пенсионеров, что порождает общность их территориальных интересов, специфичных для данной территории с учетом особенностей ее развития. Однако можно выделить и особые территориальные интересы молодых селян –

---

¹ Заславская Т.И. К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 502.

² Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М.: Статистика, 1977. – С. 17.

³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Гл. 12. – С. 301.

возможность полноценного проведения досуга, доступ к качественному образованию и пр. Можно предположить, что территориальные интересы молодежи, проживающей в качественно различных типах территориальных общностей, не будут идентичными, поскольку образуются путем осознания возможности соответствующей территории обеспечить реализацию той или иной потребности. Под территориальной активностью сельской молодежи мы рассматриваем ее реальную (в том числе в форме различных практик) и потенциальную активность (в виде социальных установок), ориентированную на максимизацию удовлетворения соответствующих территориальных интересов.

Социальное положение сельской молодежи. В современной социологии понятие «социальное положение» часто используется в качестве синонима понятий «социальный статус» и «социальная позиция». Между тем разделение понятий социального положения и статуса возможно, поскольку последнее имеет значение ранга, престижа позиции группы и, как следствие, связано с иерархическими различиями соответствующих статусных характеристик. П. Сорокин полагал, что «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям, группам или совокупности групп, взятым за «точки отсчета»¹. По мнению ученого, в одинаковом социальном положении находятся люди, принадлежащие к одинаковым социальным группам и выполняющие практически идентичную функцию в пределах каждой из этих групп, а чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу находятся в социальном пространстве².

Как отмечала Т. Заславская, единого понимания термина «социальное положение» в социологии, несмотря на близость подходов разных исследователей к этой категории, не достигнуто³. По мнению ученого, можно выделить две группы признаков социального положения: 1) функциональные или конституи-

---

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 298.

² Там же. С. 299.

³ Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 212.

рующие (характер и содержание выполняемого труда, участие в управлении производством и обществом и проч.); 2) атрибутивные или внешние, вытекающие из функциональных и играющие некоторую самостоятельную роль в формировании социального положения (уровень образования и материального благосостояния, способ проведения досуга и пр.)¹.

Социальное положение сельской молодежи как территориально-демографической группы рассматривается нами как комплексный феномен, отражающий совокупность характеристик принадлежности группы к элементам двух частных социальных структур – демографической и социально-территориальной. Вместе с тем специфика комплексного исследования социального положения сельской молодежи, по нашему мнению, заключается не только в анализе социальных позиций группы в демографической и социально-территориальной структурах через соответствующий набор характеристик, но и в определении иных характеристик положения, отражающих проецирование других структур (профессионально-должностную, социально-трудовую, семейно-хозяйственную и др.) на группообразующие для сельской молодежи, что соответствует положению концепции экономико-социологической структуры общества о тесной взаимосвязи всех частных социальных подструктур между собой².

Социальная позиция группы рассматривается нами так же, как характеристика, определяющая место группы относительно других групп через совокупность соответствующих социальных различий между ними. Существуют социальные различия, характерные для структурных элементов самой социальной группы, то есть ее дифференциации по различным критериям³. Отсюда следует, что дифференциация социального положения группы может быть как внешней

---

¹ Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 212-213.

² Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Гл. 12. – С. 257, 378.

³ Например, по полу (молодые сельские женщины и мужчины) или сфере занятости (работники АПК и муниципальные служащие и др.).

(по отношению другим группам), так и внутренней (сравнение различных подгрупп). Таким образом, социальное положение группы включает в себя не только совокупность взаимосвязанных и взаимовлияющих позиций членов группы в социальной структуре общества, но и отражает особенности внутренней дифференциации группы по различным критериям и, как следствие, комплекс соответствующих социальных различий.

Социальное положение сельской молодежи – это совокупность характеристик, определяющих ее место в социальной структуре общества и отражающих комплекс социальных различий как результата внутренней и внешней дифференциации позиций группы по различным критериям, в том числе по отношению к другим территориально-демографическим группам¹. Данная характеристика описывает место группы относительно других групп, соотношение которых может быть не только иерархическим. Таким образом, изучению подлежит не «пространство» социальных неравенств, а более широко – «пространство» социальных различий.

Т.И. Заславская условно разделила признаки дифференциации элементов демографической структуры в качестве субъектов демографического поведения на два типа: 1) качества, неотделимые от их носителей, классифицирующие группы как таковые (пол, возраст, состояние здоровья, принадлежность к этнической общности, уровень образования и культуры); 2) признаки, отражающие положение групп, зависящее от социальной среды и условий жизни (брачное состояние, наличие детей, демографический тип семьи, занятость в общественном производстве, жилищные условия, доходы и пр.)².

Пол, возраст и прочие признаки второго типа не отнесены Т. Заславской к характеристикам собственно социального положения этнодемографических

---

¹ Данные социальные позиции, в свою очередь, отражают комплекс ресурсов, которыми располагают молодые селяне для удовлетворения своих территориальных интересов в местах постоянного проживания.

² Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Гл. 12. – С. 283.

групп как отражающих особенности их демографического поведения¹. В то же время, по мнению ученого, разделение демографических характеристик на описывающие самих людей или же их положение, является условным, поскольку «пол, возраст, национальность, с одной стороны, являются неотторжимыми свойствами человека, с другой – определяют специфику его демографического и социального положения ... отсутствие ясной и значимой грани между разными группами признаков делает целесообразным типологизацию членов общества по всей совокупности этнодемографических свойств»². Мы присоединяемся к данной позиции и полагаем, что демографические характеристики социального положения сельской молодежи как территориально-демографической группы идентифицируют ее как подгруппу с определенными возрастными границами (16-29 лет) территориальной группы населения сельской территориальной общности.

При изучении демографических характеристик социального положения группы нами использована совокупность демографических признаков, определяющих функции представителей группы в процессах воспроизводства населения, а в их состав включены пол, возраст, состояние здоровья, национальная принадлежность, являющиеся неотторжимыми свойствами представителей группы, а также показатели репродуктивного и брачного состояния.

Рассматриваемые характеристики социального положения отражают совокупность социальных различий, а не неравенств, поскольку некорректным является сравнение градаций пола (женщины-мужчины), возраста (например, 16-18 лет и 25-29 лет), национальной принадлежности (например, русские и немцы) на континуумах «лучше-хуже» и «выше-ниже». Однако если рассматривать данные характеристики положения вкупе с другими, отражающими уже иерархическую систему социальных неравенств (уровень дохода, образования и т.д.), то есть создавать «двухмерные» комбинации разных типов характери-

---

¹ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Гл. 12. – С. 283.

² Там же. С. 286.

стик положения, то такой тип дифференциации сельской молодежи (как внутри-, так и внешнегрупповой) уже будет иметь иерархический характер¹.

Социальное положение сельской молодежи рассматривается через совокупность ее социальных позиций по отношению к другим группам, следовательно, позиция группы в социально-территориальной структуре также должна быть описана с помощью определенного набора характеристик, позволяющих определить принадлежность сельской молодежи к какому-либо типу территориальных общностей, выделяемых на основе соответствующих типобразующих признаков².

Совокупность данных признаков или характеристик определена нами в территориальные характеристики социального положения молодых селян, в состав которых, согласно концепции социально-территориальной структуры общества, включены типобразующие признаки соответствующей сельской территориальной общности по уровню социально-экономического развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения: показатели развития сфер здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, общего и дошкольного образования, социально-культурной сферы, потребительского рынка товаров и услуг, сферы доходов и занятости, экономики.

Отличительной особенностью данного типа характеристик социального положения является опосредованный характер их связи с членами группы через микросоциальную среду их жизнедеятельности и возможность дифференциации положения группы лишь за пределами соответствующей территориальной общности. Так, невозможно сравнение сельской молодежи и более старших селян трудоспособного возраста по территориальным характеристикам их поло-

---

¹ Например, наличие детей в молодой семье само по себе еще не свидетельствует о том, что положение ее членов лучше или хуже тех, кто детей не имеет. Речь может идти лишь о дифференциации, разделении сельской молодежи по данной демографической характеристике и об анализе абсолютных и относительных показателей структуры группы. Однако при пересечении данной характеристики репродуктивного состояния с уровнем доходов различия между теми, кто имеет и не имеет детей, могут приобретать иерархический характер.

² Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Гл. 12. – С. 302.

жения в границах одной и той же территориальной общности, поскольку они совпадают. Однако уровень удовлетворенности данными характеристиками и перспективы улучшения прочих характеристик положения в местах постоянного проживания у указанных групп населения уже поддается сравнению, в том числе в связи с различиями в потребностях и интересах разных демографических групп, проживающих в одной территориальной общности: организации досуга, функционирования системы социального обеспечения и проч. Корректным является сравнение территориальных характеристик положения городской и сельской молодежи, а также групп молодых селян, проживающих в качественно различных между собой типах сельских территориальных общностей по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения.

Изменение социального положения сельской молодежи. В данном исследовании предполагается два типа сравнений изменения территориальных характеристик положения сельской молодежи: 1) молодые селяне и городская молодежь (социальные различия между городом и селом); 2) молодые селяне разных типов сельских территориальных общностей (внутренняя дифференциация микросоциальной среды жизнедеятельности сельского населения) по их социально-экономическому развитию, выделение которых не всегда имеет результатом иерархически расположенные их типы.

Принципиальное отличие первичных характеристик социального положения сельской молодежи заключается в том, что они отражают ее место в социальной структуре общества на пересечении группообразующих структур через соответствующие социальные позиции. Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения позволяют описать комплекс социальных различий (в том числе неравенств), возникающих в результате проецирования ряда стратификационных критериев на социальные позиции сельской молодежи в демографической и социально-территориальной структурах. Таким образом, условно вторичные характеристики социального положения также связаны с позициями группы, только данная связь имеет опосредованный характер. Первичные характеристики социального по-

ложения сельской молодежи мы рассматриваем как равнозначные по отношению друг к другу, остальные – сквозь призму первичных, однако лишь собрав их воедино, можно составить комплексное представление о социальном положении сельской молодежи как территориально-демографической группы.

При исследовании изменения социального положения сельской молодежи мы опираемся на теорию социальной мобильности П. Сорокина, которую автор понимал как переход индивида из одной социальной позиции в другую¹. Ученый рассматривал подобные изменения как социальные явления, имеющие тенденцию к флуктуации (случайным колебаниям), интенсивность которой зависит от конкретного периода развития общества. Как и в случае с понятием социальной дистанции, П. Сорокин использовал понятие социальной мобильности применительно к дифференциации индивидов и групп, имеющей стратифицированный характер и, как следствие, его использование при изучении изменения социального положения сельской молодежи, имеет ограничения. Наше понимание социальной мобильности близко к точке зрения Т. Заславской, рассматривавшей проявление социальной мобильности индивидов и групп в изменении их социального положения².

В классическом определении социального процесса П. Сорокина данный феномен рассмотрен как любой вид движения или изменения объекта в течение времени (места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик)³. Опираясь на данное определение, в содержание общего понятия изменения социального положения мы включили не только процессы количественного изменения территориальных, демографических и прочих его характеристик, но и изменения (увеличение или уменьшение) внутри- и межгрупповых социальных различий. Если последние имеют иерархический характер, то есть принимают форму социальных неравенств, то дан-

---

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 373 с.

² Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 211.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 80.

ный вид изменения социального положения группы является ее социальной мобильностью.

Руководствуясь основными положениями концепции социальной мобильности П. Сорокина¹, отметим, что данный конструкт применительно к сельской молодежи может изучаться с позиций ее горизонтального или вертикального типов (в зависимости от значимости вертикальных сдвигов входящих в состав социальной мобильности процессов), а также в контексте ее интенсивности (вертикальной социальной дистанции за определенный период времени) и всеобщности² (относительных или абсолютных показателей членов группы, изменивших свое положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени).

Учитывая особенности демографических характеристик социального положения, при анализе их изменения невозможно применить понятие социальной мобильности³. Пол и этнонациональная принадлежность в подавляющем большинстве случаев остаются неизменными на протяжении всей жизни человека. Изменение возраста, происходящее естественным путем только в сторону увеличения, может быть оценено с позиций удовлетворения территориальных интересов⁴. На групповом уровне измерению поддаются изменение численности, сбалансированность и стабильность половой структуры, стабильность брачного (например, соотношение зарегистрированных и незарегистрированных браков) и репродуктивного состояния (рождаемость, соотношение рождений в зарегистрированном и незарегистрированном браке и др.), стабильность и гомогенность национальной структуры, состояние здоровья (доля инвалидов и др.).

---

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 374.

² Мы считаем допустимым вместо термина «всеобщность» использовать термин «массовость».

³ За исключением случаев пересечения характеристик демографического состояния молодых сельян и некоторых профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик их положения.

⁴ Например, имеет значение изменение объема гражданской дееспособности молодых людей своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Исследование изменения территориальных характеристик социального положения сельской молодежи допускает использование понятия социальной мобильности лишь в контексте иерархических неравенств между сельскими территориальными общностями по уровню социально-экономического развития или между сельскими и городскими общностями. Во втором случае при существенных сдвигах в различиях между сравниваемыми группами¹ изменение территориальных характеристик положения в заданный временной период следует относить к вертикальной социальной мобильности.

Комплексный анализ изменения социального положения сельской молодежи предполагает изучение совокупности его факторов или социальных условий, при которых происходят сдвиги территориальных, демографических и прочих характеристик. Факторы изменения социального положения сельской молодежи можно классифицировать по различным основаниям: по типу характеристик положения (влияющие на изменение территориальных, демографических и прочих характеристик), по степени управляемости (по Т. Заславской, факторы-регуляторы и факторы-условия²) и проч.

В данном исследовании использовано выделение факторов макро- и микроуровня. Среди макрофакторов³ изменения социального положения можно выделить как повсеместно действующие во всех странах вне зависимости от их общественного устройства, так и специфические факторы, действующие в отдельной стране и регионе: социально-экономические условия макросоциальной среды жизнедеятельности, схожим образом влияющие на формирование положения всех территориальных групп населения определенного уровня социально-территориальной структуры общества, соответствующие виды (сферы) государственной социальной политики. Так, важнейшим макрофактором является государственная политика, направленная на улучшение социального положения

---

¹ Например, в результате более высокой интенсивности ухудшения условий микросоциальной среды жизнедеятельности селян и т.п.

² Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 226-231.

³ Макрофакторы воздействуют на изменение характеристик социального положения сельской молодежи «извне» по отношению к соответствующей сельской территориальной общности.

сельской молодежи. Такую политику можно определить как деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, нацеленную на организацию прогрессивных изменений территориальных, демографических и других характеристик положения данной территориально-демографической группы.

Микрофакторами изменения социального положения сельской молодежи являются социально-экономические условия жизнедеятельности соответствующей сельской территориальной общности, территориальные интересы группы и ее территориальная активность, деятельность органов местного самоуправления. Изменение социального положения сельской молодежи само выступает в качестве фактора-условия формирования стратегий ее активности, в том числе и по отношению к микро- и макросоциальной среде их жизнедеятельности.

1.2. Миграция сельской молодежи: теории и концепции, методологические подходы к исследованию

Сущность миграции сельской молодежи и используемые ключевые понятия. В исследовательском сообществе, как известно, отсутствует единое представление о сущности миграции. Встречается несколько десятков ее определений, затрагивающих разные характеристики данного процесса, такие как цель, срок, география перемещения.

Л.Л. Рыбаковский разделил определения данного понятия на три группы: миграция как смесь территориального и социального движения, миграция только как территориальное перемещение населения и миграция без разграничения перемещения и социальной мобильности¹. Разграничив понятия перемещения и переселения, он выделил узкую и широкую трактовку миграции: переселение как смена постоянного места жительства означает реализацию окончательного решения сменить прежнее место проживания, а любое территориальное перемещение независимо от его времени и цели, как более широкое понятие ми-

---

¹ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (выпуск 5). Стадии миграционного процесса: монография. – М., 2001. – С. 19.

грации, включает помимо переселения еще и сезонные, маятниковые, эпизодические перемещения.

Воспользуемся широкой трактовкой и будем понимать под миграцией сельской молодежи любые ее территориальные перемещения, за исключением перемещений внутри населенных пунктов. Мы разделяем широкую позицию Т.И. Заславской о том, что «миграция сельского населения включает перемену места жительства в пределах сельской местности, т.е. переезд из села в село, и миграцию населения из сел в города», а также то, что необходимо учитывать и миграцию городского населения, в том числе бывших сельчан, в сельскую местность¹.

Кроме того, в нашем исследовании будут использованы положения теории трехстадийности миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского, согласно которой, миграция включает связанные между собой три стадии, начиная с формирования миграционных установок и принятия решения о миграции, затем сам процесс переселения и, наконец, приживаемость (адаптация) мигрантов на новом месте жительства как завершающая стадия².

По мнению Т.И. Заславской, Л.В. Корель и других исследователей, миграция населения является одной из форм, каналом социальной мобильности индивидов и групп или изменения их социального положения, средством перехода из одних социальных групп в другие, сопровождаемого изменением ряда элементов социального положения³. Это особенно актуально в отношении сельской молодежи, для которой миграция является важнейшим способом не только горизонтальной, но и вертикальной мобильности.

Мы опираемся на теоретическое представление о сельско-городской миграции, разработанное Т.И. Заславской. В ее трудах, во-первых, выделены урбанизация и другие движущие силы (или причины) миграции, процессы-

---

¹ Заславская Т.И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 205.

² Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (очерки теории и методов исследования). – М.: Наука, 2001. – С. 67–73.

³ Заславская Т.И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 211–213.

катализаторы (в частности развитие массовых коммуникаций, рост образования и культуры сельского населения) и процессы-ингибиторы (изменение характера сельскохозяйственного труда и сближение культурно-бытовых условий жизни городского и сельского населения), функции миграции разделены на инвариантные (повышение географической мобильности населения, изменение его качественного состава и др.) и социально-экономические, а ее факторы – на условия и регуляторы с позиции управляемости данного процесса¹. Во-вторых, показано устройство внутреннего механизма миграции сельского населения, выделены внешние и внутренние стимулы, мотивы к миграции и к стабилизации, обоснован комплексный характер мотивов миграции населения, среди которых стремление улучшить условия труда и возможность получить образование выявлены как основные.

Ключевыми понятиями в данной работе являются миграционные установки и миграционное поведение сельской молодежи. Под миграционной установкой мы понимаем ценностное отношение ее представителей к изменению места жительства, психологически выражающееся в готовности к положительной или отрицательной реакции на это изменение, а под миграционным поведением – совокупность действий и поступков, связанных с территориальными перемещениями и включающих деятельность по подготовке таких перемещений или сознательный отказ от них, сам миграционный акт как таковой, а также адаптационная деятельность в местах вселения. Миграционное поведение сельской молодежи рассматривается нами в качестве одной из стратегий реализации ее жизненных планов как идеализированного отражения будущего жизненного пути молодых людей, представляющего собой обобщенное выражение не только направленности ориентации, но и способов, путей реализации ожиданий в отношении будущего социального положения².

---

¹ Заславская Т.И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 205-277.

² Букин В.П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции // Власть. – 2009. – № 1. – С. 51.

Теории и методологические подходы, используемые в исследовании миграции сельской молодежи. Известными социологическими подходами к изучению миграции, которые мы в той или иной степени будем использовать в своем исследовании, являются позитивистский (представителями которого являются Р. Парк, И.Р. МакКензи, Г. Джером, Е. Ли и др.), ценностный (М. Вебер, Т. Парсонс и др.) и интерпретативный (К. Дэвис, Ю. Арутюнян, Л. Дробижева и др.).

В рамках позитивистского подхода мы опираемся на концепцию pull/push (притяжения-выталкивания) (основные авторы – Г. Джером, Е. Ли), изучающую факторы-условия перемещение людей (выталкивание, притяжение и пути миграции). В качестве условий, выталкивающих молодежь из села и притягивающих их в города, учитываем комплекс факторов, формирующих отношение к местам выезда и въезда (например, привлекательность образа жизни), но внимание сконцентрировано прежде всего на тех условиях, изменение которых возможно со стороны органов власти. Среди последних, например, такие социально-экономические условия, как состояние рынка труда, развитие образования и культуры, комфортность жилья и благоустройство поселения и др. В рамках данного подхода мы акцентируем внимание на изучении глубинных, институциональных основ миграционного поведения сельской молодежи для оценки влияния, оценки социальных последствий и определения эффектов государственной политики по сокращению масштабов миграции.

Использование ценностного подхода, теории социального действия М. Вебера актуально в нашем исследовании при оценке влияния ценностей и других субъективных факторов на миграционное поведение сельской молодежи, описании его различных моделей как проявлений социального поведения (целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного поведения). При объяснении сущности социального действия в своей работе «О некоторых категориях понимающей социологии» М. Вебер подчеркивает, что такое действие имплицитно включает установки и действия других и в сво-

ем развитии ориентировано на них¹, что необходимо учитывать при изучении миграционного поведения сельской молодежи. Миграционные установки и действия сельской молодежи в явной или скрытой форме ориентированы на модели поведения уже уехавшей из села молодежи, на установки родителей и родственников, друзей и других односельчан. Причем по Т. Парсонсу, «без изучения сложных взаимодействий конечных ценностей, идей, установок, норм различного типа друг с другом, а также с наследственностью и средой, конкретная социальная жизнь и действие, как мы их знаем и как рассматривает их Вебер, попросту не интерпретируемы и не мыслимы вообще»².

Интерпретативный подход и концепция социального капитала П. Бурдьё полезны в исследовании миграции сельской молодежи для оценки влияния миграционной системы связей (сетей)³. Сельская молодежь, используя материальные и нематериальные ресурсы, связанные с принадлежностью к различным группам, сетям (семье и родственникам, друзьям и др.), другими словами, социальный капитал, превращают его в другие формы капитала для улучшения или поддержания своего социального положения. В качестве предпосылок нашего исследования использованы положения институциональной концепции моральной экономики американского социального антрополога Дж. Скотта, раскрывающей социальную природу практик выживания, сохранения традиций поддержки в сельских сообществах, основанных на принципе безопасного существования путем перераспределения экономических ресурсов и сетевой поддержки⁴.

Л.В. Корель отмечает, что миграционное поведение обуславливается взаимодействием между внутренней структурой личности (системой ее установок,

---

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

² Цит. по: Завалишин А.Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ): монография. – М.: РУДН, 2008. – С. 65.

³ Зайончковская Ж., Молодикова И., Мукомель В. Методология и методы изучения миграционных процессов. – М.: АдамантЪ, 2007. – С. 259-301.

⁴ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. – М.: Логос, 2005. – 576 с.; Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С. 202-210.

ориентаций, интересов) и внешней средой¹. Формирование намерений мигрировать зависит, с одной стороны, от внешних стимулов, а с другой – от особенностей индивида. В качестве внешних стимулов (факторов) в нашем исследовании выделены прежде всего государственная политика, практики поддержки сельского сообщества (семейно-родственных сетей, сельского бизнеса, местной власти), характеристики социально-экономического развития села; в качестве внутренних – демографические характеристики респондентов, их оценки своего социально-экономического положения и социально-психологического состояния (настроения), а также ряд других.

Важным аспектом рассмотрения миграционного поведения является его территориальность. По мнению Н.Л. Мосиенко, акт миграции является наиболее ярким проявлением территориально ориентированного поведения, а миграционные процессы отражают влияние пространственных и территориальных факторов на жизнь общества². Среди актуальных выводов, имеющих особое значение для понимания причинно-следственных процессов взаимовлияния сельско-городской миграции и развития региона, сделанных Т.И. Заславской и Л.В. Корель еще в 1970-х гг., можно выделить, например, следующее утверждение авторов: «Нельзя утверждать, что региональные особенности передвижения сельского населения обуславливаются в основном нуждами экономики соответствующего района, наоборот, сложившаяся миграция «навязывает» каждому региону определенные условия развития»³. Территориальность как аспект миграционного поведения в нашем исследовании отражена через совокупность характеристик демографического и социально-экономического развития региона аграрной специализации (Алтайского края).

---

¹ Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск, 1982. – С. 17.

² Мосиенко Н.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации / под ред. Е.Е. Горяченко. – Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 39.

³ Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. – 1981. – № 3. – С. 46.

Подробнее о наследии Т.И. Заславской и ее учеников в исследовании миграции сельского населения см. в работе: Троцук И.В. Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – № 3-4. – С. 180-190.

Глава 2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ И МЕХАНИЗМОВ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АГРАРНОГО РЕГИОНА

Исходя из теоретического представления о социальном положении сельской молодежи и его изменении и теоретико-методологических основ исследования ее миграции, в основу методики комплексного анализа динамики и факторов миграции сельской молодежи в аграрном регионе нами положены:

1) анализ изменений миграционной ситуации региона и его сельских муниципальных образований на фоне страны и СФО, миграционных установок и миграционного поведения сельской молодежи;

2) *дифференцированный анализ* количественных изменений его территориальных, демографических и других социально-экономических характеристик социального положения сельской молодежи;

3) *сравнительный анализ* изменения (сдвигов) внутри- и межгрупповых различий между сельской молодежью и другими территориально-демографическими группами, прежде всего сельским населением более старшего трудоспособного возраста;

4) анализ ключевых катализаторов миграции молодежи из села, в том числе семейно-родственных сетей, образования, занятости, оценка влияния социального положения сельской молодежи, в том числе микросреды ее жизнедеятельности (социально-экономического развития села, сельского муниципального района);

5) описание современных практик органов государственной власти, представителей сельского бизнеса и местной власти по улучшению социального положения, поддержке сельской молодежи и оценка их влияния на сокращение ее миграции из села;

б) разработка предложений по сокращению миграции молодежи из села.

В основу изучения изменения территориальных характеристик положения сельской молодежи Алтайского края положен типологический анализ муниципальных районов региона по уровню социально-экономического развития

микросоциальной среды жизнедеятельности населения. Подход, который используется при построении данной типологии, – сопоставление аналогичных (выделение одноименных классов и типов), но независимых типологий, построенных на массиве данных на начало и конец периода.

В основу изучения изменения демографических характеристик положения сельской молодежи Алтайского края положен анализ показателей численности (абсолютные и относительные), половой и национальной структуры, репродуктивного (возрастные коэффициенты рождаемости, число рожденных детей) и брачного состояния, состояния здоровья и репродуктивных установок.

2.1. Методы сбора, обработки и анализа информации

В процессе исследования применялись разнообразные *методы сбора данных*:

- *количественные опросные методы*: квотный выборочный опрос методом полустандартизированного интервью (с использованием анкеты), экспертный опрос методом полустандартизированного интервью (с использованием анкеты);

- *качественные опросные методы*: глубинное полуструктурированное интервью, фокус-групповой опрос.

Для реализации цели и задач исследования используются следующие *методы обработки и анализа информации*:

- *систематизации и классификации* (для оценки значимости практик сельского бизнеса, местных властей и социальных сетей сельского социума, влияния государственной политики в области улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции);

- *факторный, кластерный и типологический анализ* (для формирования типологий сельской молодежи по уровню и динамике социального положения и активности, а также типологий сельских районов, различающихся уровнем и динамикой развития социальной среды жизнедеятельности сельской молодежи);

- *картографирование* (для представления результатов типологизации);
- *дифференцированный анализ* (уровня и динамики социального положения и активности различных групп сельской молодежи);
- *сравнительный анализ* (изменения внутри- и межгрупповых социальных различий между сельской молодежью и сельским населением более старшего трудоспособного возраста, а также городской молодежью¹);
- *корреляционный и другие методы математико-статистического анализа*;
- *вторичный анализ данных социологических опросов*;
- *традиционный анализ документов*;
- *традиционные демографические методы прогнозирования численности населения*.

2.2. Информационная база исследования

Результаты и выводы исследования получены прежде всего на основе серии проведенных нами в 2017 г. социологических опросов:

- во-первых, *квотных выборочных опросов* (в форме полустандартизированного интервью) сельской молодежи 16-29 лет (n=450) и более старшего сельского населения трудоспособного возраста (n=290), проживающего в различных по периферийности сельских районах, различных по людности сельских населенных пунктах Алтайского края, а также городской молодежи 16-29 лет, приехавшей из сельской местности и проживающей в городе не менее 3-4 лет (n=50);
- во-вторых, *экспертных опросов* методом полустандартизированного интервью руководителей и специалистов органов местного самоуправления (n=54) и представителей сельского бизнеса (n=49).

Для проведения опросов нами разработан *инструментарий*, включающий:

---

¹ Для реализации цели и задач исследования опрос городской молодежи дополнительно не проводился. В сравнительном анализе были использованы данные государственной статистики.

- анкеты сельской молодежи и сельского населения трудоспособного возраста 30 лет и старше, анкеты городской молодежи 16-29 лет, приехавшей из сельской местности и проживающей в городе не менее 3-4 лет;

- бланки экспертного интервью с представителями органов местного самоуправления и с представителями сельского бизнеса¹.

Для анализа изменений в масштабах потенциальной миграции, социальном положении и активности сельской молодежи и более старшего сельского населения с начала 2000-х гг. используется *вторичный анализ результатов* ранее проведенных нами опросов:

- *квотных выборочных опросов*: сельского населения (в 2002 г. n=606, в том числе 114 представителей молодежи; в 2008 г. n=1011 (253); в 2011 г. n=500 (121); в 2013 г. n=570 (143); в 2016 г. n=260 молодых селян)²; работников агропромышленных предприятий и фермерских хозяйств в 4 сельских муниципальных районах в 2010-2011 гг. (n=100) и в 2 сельских муниципальных районах в 2016 г. (n=60);

- *экспертных опросов* руководителей и специалистов представителей местной власти, сельского бизнеса и организаций социальной сферы (в 2002 г. n=56; в 2008 г. n=280; в 2011 г. n=84; в 2013 г.).

Дополнением к количественным опросам является проведение индивидуальных глубинных интервью с 15 представителями сельской молодежи и 10 экспертами (представителями местной власти, сельского бизнеса) по процессам и механизмам формирования и сокращения миграции сельской молодежи, а также двух фокус-групповых опросов по оценке масштабов и выявлению факторов реэмиграции студенческой и работающей молодежи в сельскую местность. Помимо этого используются материалы СМИ, прежде всего газеты

---

¹ Основным разработчиком инструментария опросов сельской и городской молодежи, сельского населения 30 лет и старше, экспертных опросов представителей органов местного самоуправления и сельского бизнеса является А.М. Сергиенко. В разработке инструментария также приняли участие О.Н. Колесникова, Л.В. Родионова, О.А. Снегирева, Е.В. Тарасова. Организатором опросов являются О.Н. Колесникова, А.М. Сергиенко.

² Опросы сельских жителей проведены по целевой квотной выборке (по полу, возрасту и статусу занятости респондентов) в селах Алтайского края, различных по численности и удаленности от городов.

«Алтайская нива» (преимущественно интервью с молодыми селянами Алтайского края), официального сайта Правительства Алтайского края и глубинных интервью, собранных нами в экспедициях в сельские районы Алтайского края в 2013-2015 гг., а также результаты ряда ранее проведенных фокус-групповых и других качественных интервью с сельской молодежью в 2015-2016 гг.

Кроме того, результаты исследования базируются на данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., микропереписи 2015 г. и других данных Росстата. Используются результаты анализа федеральных и региональных законов, программ и проектов и других документов стратегического планирования, реализуемых в Алтайском крае (2003-2017 гг.).

В исследовании использована *методика триангуляции* методов сбора данных и их источников. Достоверность и надежность полученных данных обеспечена путем сопоставления результатов выборочных и глубинных опросов сельской молодежи и сельского населения более старшего трудоспособного возраста:

- 1) с данными государственной и муниципальной статистики;
- 2) с результатами ранее проведенных нами опросов сельских жителей в 2002, 2008, 2013 и 2016 гг.;
- 3) с результатами экспертных опросов;
- 4) с материалами СМИ.

Кроме того, верификация результатов осуществлена благодаря использованию множества современных методов математико-статистической обработки данных, в том числе построения группировок, классификаций и эмпирических типологий, анализа таблиц сопряженности признаков (с помощью коэффициентов хи-квадрат, сопряженности Пирсона, Кендалла и др.), корреляционного, факторного, кластерного и дисперсионного анализа и др.

Анализ экспертных оценок проводился на основе методик «плотного» описания, описания социального контекста (с использованием анализа статистических данных и нормативно-правовых документов), аналитической индукции. Для обработки качественных (открытых) вопросов, например, касающихся успешных примеров поддержки сельской молодежи или предложений по со-

вершенствованию государственной политики в области улучшения положения сельской молодежи и сокращения ее миграции из села, применены традиционные методы систематизации и классификации.

Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета обработки социологической информации IBM SPSS Statistics.

Выборка сельской молодежи и сельского населения более старшего трудоспособного возраста в 2017 г.: процедура построения, состав респондентов. Эмпирическим объектом нашего исследования является сельская молодежь в возрасте 16-29 лет. Для сравнительного анализа проведен также опрос сельского населения трудоспособного возраста 30 лет и старше.

В исследовании используется целевая многоступенчатая квотная выборка. Единицей отбора первой ступени является субъект Российской Федерации с аграрной специализацией и высокой долей сельского населения. В результате отбора выбран Алтайский край, он выделяется относительно высокими долями сельского населения (43,7% против 25,7% в России в 2016 г.) и сельского хозяйства, охоты, рыболовства в валовом региональном продукте (20,1% против 5,1% в России в 2016 г.). Общий размер двух выборок составляет 740 сельских жителей, в том числе 450 представителей сельской молодежи.

В качестве единиц отбора второй ступени выбраны сельские муниципальные районы (образования), различающиеся географическим положением и степенью центропериферийности¹. В выборку включены 34 района Алтайского края, удовлетворяющих этим требованиям.

Единицами отбора третьей ступени являются сельские населенные пункты. Требованием к их отбору являлось соответствие структуры опрошенных респондентов, проживающих в поселениях с разной людностью, аналогичной структуре сельского населения Алтайского края по данным государственной

---

¹ В основу отбора районов положено представление о центропериферийной структуре сельской местности, разработанное А.Я. Троцковским и Ю.Ю. Наземцевой. См.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 345-368.

статистики. Особенностью поселенческой структуры исследуемых регионов является крупноселенный дисперсный характер расселения. По данным переписи 2010 г., 62,7% сельских жителей Алтайского края проживало в опросный период в населенных пунктах с численностью более 1 тыс. человек (в среднем по России в таких поселениях проживало в то время 54,8% селян). В опросе приняли участие представители сельской молодежи, проживающие в 48 сельских населенных пунктах с различной численностью до 500 человек (4,7%), от 501 до 1 тыс. (26,8%) и более 1 тыс. (68,8%). В то же время 7,6% опрошенных нами сельских жителей более старшего трудоспособного возраста проживали на момент опроса в селах с численностью до 500 человек, 26,6% – от 501 до 1 тыс. и 65,7% – более 1 тыс. человек. Поскольку тенденция роста крупноселенности сохраняется и молодежь все чаще проживает в более крупных селах, выборка намеренно несколько смещена в сторону респондентов из больших сел (более 1 тыс. жителей).

К единицам отбора четвертой ступени относятся сельские жители трудоспособного возраста, в том числе молодежь в возрасте 16-29 лет. Отбор респондентов проводился в соответствии с заданными квотами по полу, соответствующими характеристикам генеральной совокупности¹.

Основные характеристики состава респондентов двух квотных выборочных опросов представлены в таблице 2.1². Далее остановимся на кратком описании состава опрошенной сельской молодежи.

Половозрастная структура респондентов-представителей сельской молодежи в целом репрезентативна генеральной совокупности, идентична аналогичной структуре сельской молодежи Алтайского края. В обследовании приняли участие: 1) *по полу*: 51,5% мужчин и, соответственно, 48,5% женщин; 2) *по возрасту*: 63,1% представителей младшей молодежи в возрасте от 16 до 24 лет (44,4% – 16-20 лет) и 36,9% – старшей молодежи 25-29 лет (табл. 2.1).

---

¹ Расчет выборок проводился А.М. Сергиенко и Л.В. Родионовой.

² Описание технологии опросов и специфики состава респондентов более ранних исследований см., например: Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – С. 84-89; Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – С. 66-77.

Таблица 2.1

Основные характеристики состава респондентов
(по данным выборочных опросов 2017 г.), %

Характеристики	Сельская молодежь 16-29 лет	Сельские жители трудо- способного возраста 30 лет и старше
Пол		
Мужской	51,5	45,3
Женский	48,5	54,7
Возраст		
Молодежь 16-24 лет	63,1	-
Молодежь 25-29 лет	36,9	-
Лица среднего трудоспособного возраста 30-44 лет	-	50,5
Лица старшего трудоспособного возраста 45 лет и старше	-	49,5
Образование		
Основное общее	11,5	3,1
Среднее (полное общее)	29,5	11,1
Начальное профессиональное	4,2	17,0
Среднее профессиональное и неполное высшее	34,9	40,8
Высшее профессиональное	19,2	28,0
Основное занятие		
Работаю по найму	47,3	79,2
Самозанятый	1,9	3,1
Предприниматель, имеет собственный бизнес	1,6	1,4
Занят только в личном подсобном хозяйстве	1,9	3,8
Студент, учащийся	35,2	0,7
Домохозяйка	3,5	5,5
Безработный, не занятый	7,9	3,1
Пенсионер	0,0	2,8
Военнослужащий и др.	0,7	0,3
Семейное положение		
Женат/замужем	34,5	82,1
Холост/не замужем	61,5	6,6
Вдовец/вдова, разведен(а)	4,0	11,2
Время проживания в данном населенном пункте		
С рождения	72,7	43,9
10 лет и более	15,7	45,3
От 5 до 10 лет	5,1	6,6
От 1 до 5 лет	5,8	3,8
До 1 года	0,7	0,3

Семейное положение и дети. Подавляющее большинство (61,5%) сельской молодежи не состоят в браке (холостые, незамужние), 34,5% семейных (из них 12% – в незарегистрированном браке), остальные 4% разведенные или вдовы (табл. 2.1). Каждый пятый опрошенный молодой селянин (21%) имеет собственных детей (проживающих с ним); среди них преобладают однодетные семьи (58%), 37% – имеют двух детей и 5% – трех и более.

Образование. Профессиональное образование получили более 58% опрошенных нами представителей сельской молодежи (табл. 2.1). Причем высшее образование имеет почти каждый пятый (19%), почти каждый третий – со средним профобразованием (29%) и неполным высшим (6%) и только 4% – с начальным профобразованием. Остальные окончили среднюю школу (29,5%) или 9 классов, получив основное среднее образование (11,5%).

Занятость. В состав опрошенной сельской молодежи по статусу занятости вошло около половины (более 47%) наемных работников (табл. 2.1). Самозанятых, предпринимателей и занятых только в личном подсобном хозяйстве – около 6% респондентов, чуть больше безработных (с соответствующим статусом в центрах занятости и без него) – около 8%. Более трети (35%) составили студенты и учащиеся. Кроме того, в выборку попали домохозяйки и военнослужащие. Таким образом, большинство опрошенной сельской молодежи занято в экономике, из них: около 12% – в сельском хозяйстве, каждый четвертый – в промышленности, строительстве, транспорте и связи и каждый четвертый – в сфере торговли, общепита и бытового обслуживания, около 11% – в сфере образования, 5,5% – в здравоохранении, около 9% – в государственном управлении или местном самоуправлении и 4% – в сфере социального и пенсионного обеспечения.

Время проживания в селе. Подавляющее большинство опрошенных представителей сельской молодежи имеют сельские корни: проживают в своем селе с рождения (72,7%) либо приехали из других сел (табл. 2.1). Еще большая доля респондентов (более 88%) характеризуются глубоким освоением сельского образа жизни, т.е. проживают только в данном селе 10 лет и более. К ним следует

добавить также и тех, кто хотя и проживал только 5-10 лет в данном селе, но приехал из других сел, их оказалось в выборке чуть более 3%. Таким образом, в целом более 90% опрошенных нами молодых селян характеризуются длительным освоением сельского образа жизни, что несомненно отразилось на формировании их ценностей. Лишь 5% опрошенной сельской молодежи проживает в своем селе от 5 до 10 лет, около 6% – от 1 до 5 лет и менее 1% – до 1 года. Среди приехавших в села попавшие в выборку большинство респондентов также проживали ранее в других селах России либо стран ближнего зарубежья (17% всех респондентов против 10% респондентов, приехавших из города или поселка городского типа).

Анализ контроля качества полевых работ показал, что полученный массив данных в целом соответствует квотным требованиям, определенным на этапе расчета выборки, по полу, возрасту, по требованиям представленности респондентов из различных сельских муниципальных образований, различающихся уровнем центропериферийности, и проживающих в селах с различной численностью населения. Уровень достоверности данных превышает 95%.

Характеристики состава экспертов, принявших участие в полуформализованном интервью в 2017 г. Отбор экспертов осуществлен по базам данных экспертов и методом «снежного кома».

Руководители и специалисты органов местного самоуправления. В экспертном опросе приняли участие 54 эксперта, представляющих сельские органы местного самоуправления, расположенные в 32 населенных пунктах (более половины крупных – более 2 тыс. жителей, 16,7% – от 1 до 2 тыс., 20,4% – 501-1000, 7,4% – до 500 человек) 24 сельских муниципальных районов. Среди экспертов: 15 глав сельского совета, 19 заместителей глав сельсовета и 18 специалистов администрации сельсовета. Большинство опрошенных представителей местной власти имеют значительный стаж управленческой деятельности: 21 эксперт работает в данной сфере более 10 лет, 16 – от 5 до 10 лет и столько же – от 1 до 4 лет, в том числе 7 экспертов – 1 год.

Представители сельского бизнеса. В 2017 г. было опрошено 49 руководителей и специалистов предприятий, представляющих сельский бизнес 29 населенных пунктов в 22 сельских муниципальных районах Алтайского края. Большинство данных населенных пунктов (более 70%) относятся к большим по численности (более 1 тыс. человек), причем около 29% – с численностью от 2 тыс. жителей; среди остальных – только 8% являются сравнительно малочисленными (менее 500 человек). Экономическая деятельность самой значительной группы данных предприятий (39%) связана с торговлей, более пятой части – с сельским хозяйством, 15% – со сферой бытового обслуживания, около 7% – со строительством, 4% – со сферой общественного питания, остальные функционировали в сферах лесного хозяйства, промышленности и транспорта (по 2%). Подавляющее большинство (более 90%) этих предприятий относятся к малым.

В финансово-экономическом отношении подавляющее большинство (почти 90%) сельских предприятий, ставших объектами данного исследования, по оценкам их руководителей, находятся в хорошем или удовлетворительном состоянии, причем первых (в хорошем состоянии) почти треть. И только финансово-экономическое положение чуть более 8% предприятий является тяжелым, причем половина из них – на грани банкротства. Подавляющее большинство представителей сельского бизнеса отметили в той или иной степени негативное воздействие экономического кризиса последних лет на положение их предприятия. В основном это воздействие проявилось в снижении доходов предприятия, причем в каждом пятом случае влияние кризиса оценено как значительное, приведшее в отдельных случаях к появлению долгов. Кроме того, кризис отразился на уменьшении зарплаты работников (каждый восьмой эксперт), на сокращении их численности (каждый десятый, хотя только один эксперт оценил данное сокращение как массовое). Основной состав опрошенных представителей сельского бизнеса – достаточно опытные, квалифицированные эксперты. В основном они работают в данной сфере более 10 лет, лишь менее трети – до 5 лет. Большинство имеют высшее, неоконченное высшее или среднее профессиональное образование.

Раздел II. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ, ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ

Глава 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОЧАГИ НАПРЯЖЕННОСТИ

3.1. Динамика численности населения и сдвиги в ее структуре

Численность населения Алтайского края на начало 2018 г. составила 2350,1 тыс. человек, в том числе городского – 1326,4 тыс. человек, сельского – 1023,7 тыс. человек. По рангу показателя численности населения на 01.01.2018 регион сохранил за собой 5-е место среди субъектов Сибирского федерального округа и 21-е место – среди субъектов Российской Федерации.

Алтайский край среди регионов Российской Федерации отличается значительной долей сельских жителей в населении. Так, на 1 января 2018 г. доля сельского населения в регионе составила 43,6% (табл. 3.1), в то время как в России – 25,6%, в СФО – 26,9%.

Таблица 3.1

Доля городского и сельского населения в общей численности населения
Алтайского края на 1 января 2009-2018 гг., %

Наименование показателя	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Городское население	54,5	54,3	54,8	55,2	55,5	55,8	56,0	56,2	56,3	56,4
Сельское население	45,5	45,7	45,2	44,8	44,5	44,2	44,0	43,8	43,7	43,6

По доле сельского населения Алтайский край занимает 12-е место среди 85 субъектов Российской Федерации и 3-е место – среди субъектов СФО. Число

сельских жителей в Алтайском крае в расчете на 1000 горожан составляло 772 человека (в России – 343, в СФО – 368). Жители сел Алтайского края составляют 2,7% сельского населения России и 19,7% – СФО¹.

По территории края население распределено неравномерно. Сельские муниципальные районы существенно различаются по плотности населения. Наиболее плотно заселены Павловский (18,3 человек на 1 км²), Первомайский (15,1) и Бийский (14,6) районы. Наименее заселенными являются Чарышский (1,6 человек на 1 км²), Солтонский (2,4), Угловский (2,5), Солонешенский (2,7) и Ельцовский (2,8) районы².

Как и в целом по России, в структуре населения края по полу женщин больше, чем мужчин, их доля составляет 53,8%. В сельской местности к началу 2017 г. на 1000 мужчин приходилось 1120 женщин. Средний возраст жителей Алтайского края (40,3 года) превышает показатели по Российской Федерации (39,9 года) и СФО (38,4 года)³. Для возрастной структуры характерно снижение доли населения трудоспособного возраста и рост удельного веса населения моложе и старше трудоспособного возраста (что приводит к увеличению демографической нагрузки) – таблица 3.2.

Возрастная структура населения края за период с середины 1990-х гг. перешла из прогрессивной в регрессивную вследствие превышения доли лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения над долей лиц моложе трудоспособного возраста.

Распределение населения Алтайского края по полу и возрасту на начало 2018 г. представлено на рисунке 3.1.

---

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году: (стат. бюл.). – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm.

² Численность населения по муниципальным образованиям Алтайского края на 1 января 2018 года: Стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 7-8.

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 года: (стат. бюл.). – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm

Таблица 3.2

Доля отдельных возрастных групп в общей численности населения края
на начало года, %

Наименование показателя	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Моложе трудоспособного возраста (0–15 лет)	15,8	15,9	16,2	16,6	16,9	17,4	17,9	18,3	18,6	18,9
Трудоспособного возраста	63,5	63	62,2	60,6	59,6	58,5	57,4	56,4	55,3	54,5
Старше трудоспособного возраста	20,7	21,1	21,6	22,9	23,5	24,1	24,7	25,3	26,0	26,6

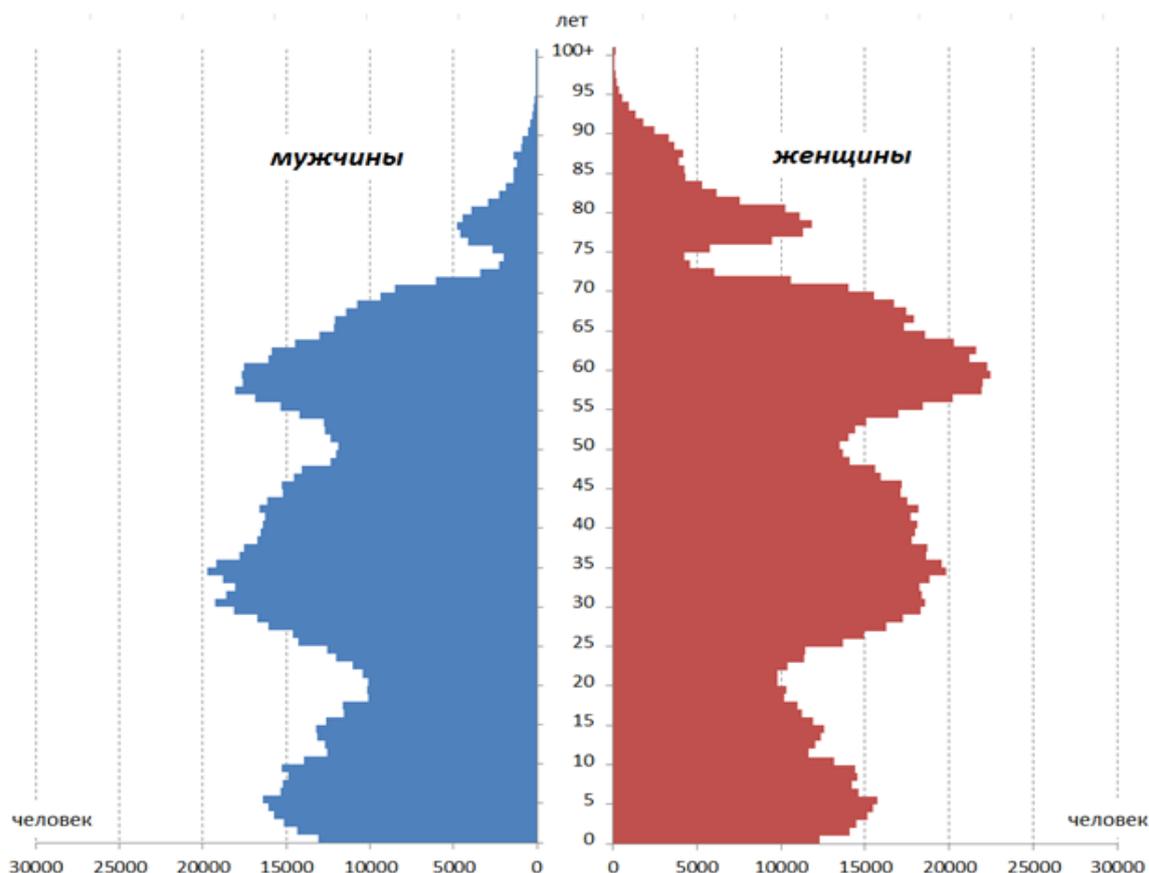

Рис. 3.1. Состав населения Алтайского края по возрасту и полу на 01.01.2018 г.¹

¹ Состав населения по возрасту и полу по городским округам и муниципальным районам Алтайского края: стат. бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 9-11.

Для возрастной структуры сельского населения также все более характерной становится тенденция снижения доли населения трудоспособного возраста и рост доли населения моложе и старше трудоспособного возраста. Удельный вес детей и подростков в общей численности сельского населения края составляет 20,1%. В отдельных районах края доля детей в возрасте 0-15 лет в общей численности населения значительно выше среднекраевого уровня: в Табунском (25,9%), Немецком (24,8%), Третьяковском (22,4%), Красногорском (21,9%), Советском (21,8%), Топчихинском (21,8%), Чарышском (21,8%), Волчихинском (21,7%), Солонешенском (21,5%), Угловском (21,3%), Косихинском (21,2%), Алтайском (21,1%), Бурлинском (21,1%), Пospelихинском (21,0%), Шелаболихинском (21,0%) районах. Самая низкая доля детей в возрасте 0-15 лет в общей численности населения отмечена в Краснощековском, Усть-Калманском, Усть-Пристанском и Шипуновском районах (17,8%).

Рост численности селян пенсионного возраста имеет более выраженный характер. Так, по сравнению с предыдущим годом численность сельского населения в возрасте старше трудоспособного на начало 2017 г. увеличилась на 6,0 тыс. человек (2,0%). Доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 29,1% от общей численности сельского населения края. Выше среднего значения по краю доля населения старше трудоспособного возраста отмечалась во всех муниципальных районах, за исключением Немецкого национального и Табунского. Наиболее высокий удельный вес жителей данной возрастной группы сложился в Усть-Пристанском (35,6%), Курьинском и Романовском (33,8%), Алейском и Быстроистокском (33,3%), Ельцовском (33,1%), Баевском и Смоленском (32,4%) районах.

Доля населения трудоспособного возраста в сельской местности составляет чуть более 50%. Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособных жителей села на начало 2017 г. был равен 970 нетрудоспособных на 1000 жителей трудоспособного возраста, тогда как на городское население – 744. Максимальная демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста отмечена в Быстроистокском (1166), Усть-Пристанском (1145), Ельцов-

ском (1127), Курьинском (1117), Алейском (1116), Смоленском (1110), Баевском (1109), Советском (1193), Тогульском (1093), Красногорском (1081), Солтонском (1077), Романовском (1076), Шелаболихинском (1075), Крутихинском (1065), Целинном (1059), Троицком (1057), Кытмановском (1056) районах.

Как и в целом по краю, возрастная структура сельского населения имеет регрессивный тип в силу превышения доли лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения над долей лиц моложе трудоспособного возраста. На начало 2017 г. прогрессивная структура населения по возрасту была отмечена только в Немецком национальном (24,8% – моложе трудоспособного, 24,3% – старше трудоспособного) и Табунском (25,9% и 24,1% соответственно) районах.

Средний возраст сельского населения края поступательно увеличивается и на начало 2017 г. достиг 41,1 года. Самые высокие показатели наблюдались в г. Яровое, Усть-Пристанском, Романовском, Курьинском, Алейском, Усть-Калманском районах – от 43,2 до 44,9 года.

Графически возрастно-половой состав сельского населения края на начало 2018 г. представлен на рисунке 3.2.

3.2. Компоненты изменения численности населения

По сравнению с 2010 г. численность населения Алтайского края сократилась на более чем на 80 тыс. человек. Край относится к территориям Российской Федерации, численность населения в которых сокращается вследствие как естественной убыли, так и миграционного оттока (рис. 3.3, табл. 3.3). Заметим, что в Российской Федерации таких регионов насчитывалось 23 в 2016 г., а в 2017 г. их количество увеличилось до 38¹.

---

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году: стат. бюл. – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm.

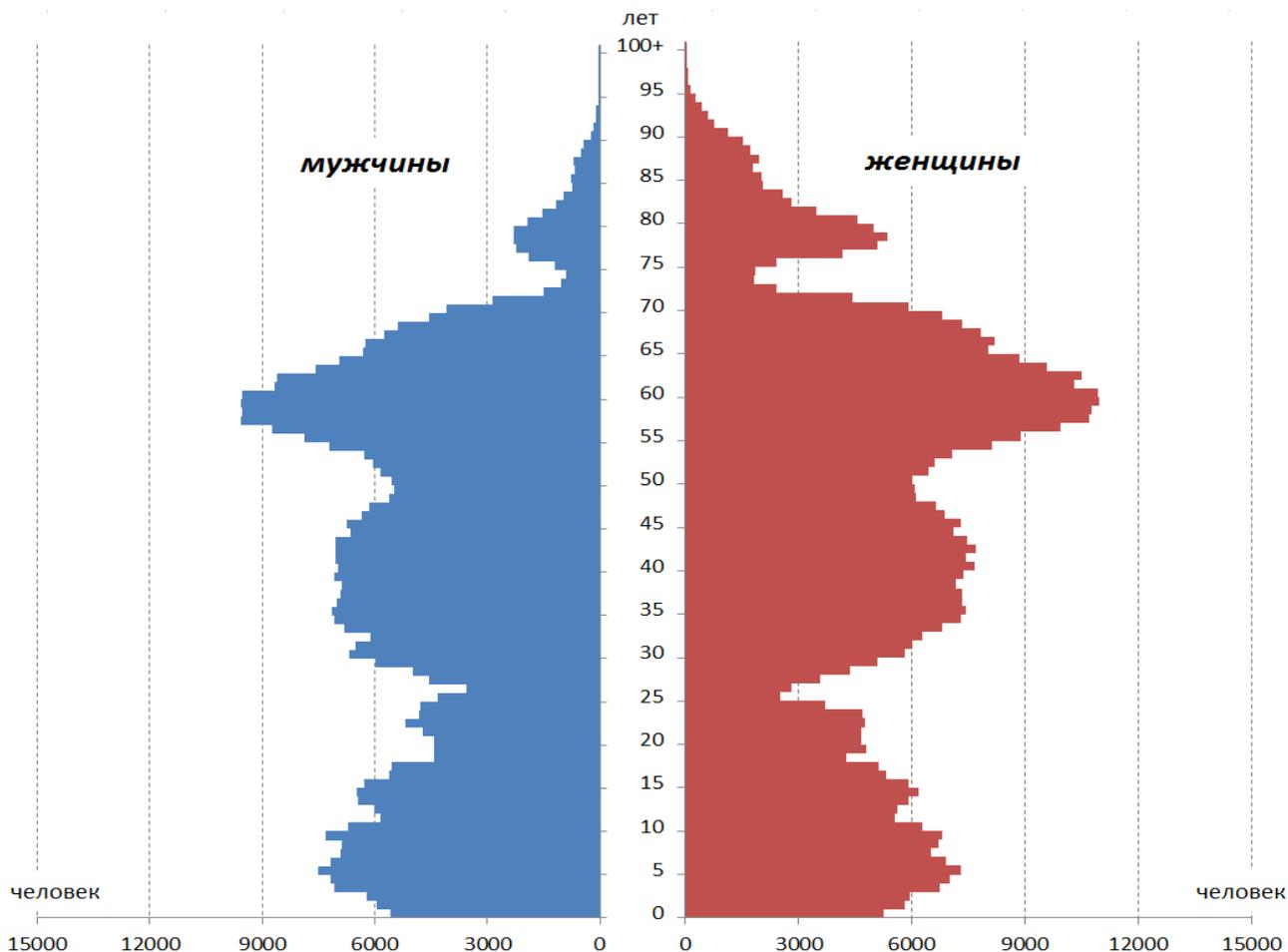

Рис. 3.2. Состав сельского населения Алтайского края по возрасту и полу на 01.01.2018¹

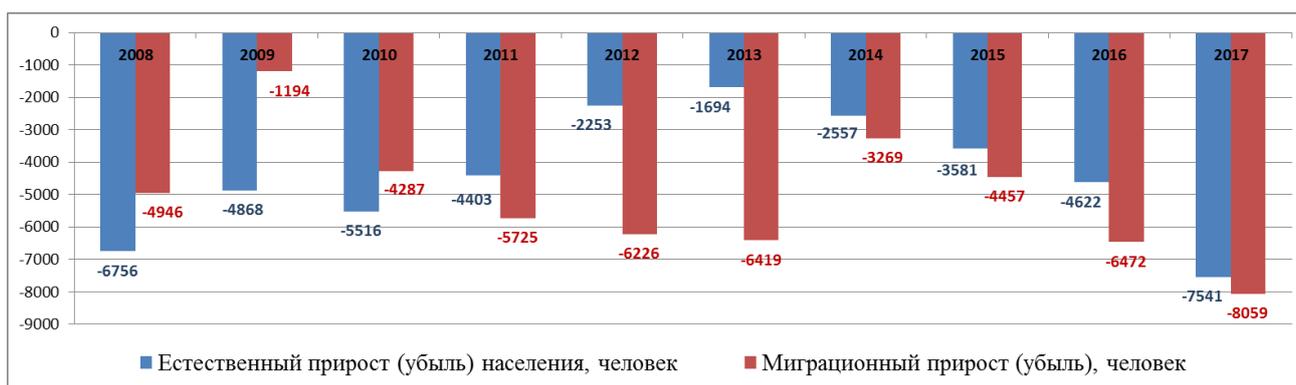

Рис. 3.3. Компоненты изменения численности населения Алтайского края

¹ Составлено по: Состав населения по возрасту и полу по городским округам и муниципальным районам Алтайского края: стат. бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Барнаул, 2018 – С. 9-11.

Таблица 3.3

Показатели естественного прироста (убыли) населения Алтайского края

Наименование показателя	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Естественный прирост (убыль) населения, человек	-6756	-4868	-5516	-4403	-2253	-1694	-2557	-3581	-4622	-7541
Общий коэффициент естественного прироста (на 1000 населения), ‰	-2,7	-2	-2,3	-1,9	-0,9	-0,8	-1	-1,5	-2,0	-3,2

Естественная убыль населения Алтайского края увеличивается в связи со снижением рождаемости и недостаточными темпами сокращения смертности. После максимального уровня рождаемости, достигнутого в регионе в 2012 г., за 2013-2017 гг. рождаемость в Алтайском крае снизилась на 22,3% (в Российской Федерации – на 11,2%, в СФО – на 17,8%). Уровень смертности населения Алтайского края превышает показатели Российской Федерации и СФО, разрыв между ними ежегодно увеличивается. Так, если в 2007 г. общий коэффициент смертности в регионе превышал аналогичные показатели по стране и СФО на 4,1%, то в 2012 г. – на 9,8% и 6,6% соответственно, в 2017 г. – на 12,9% и 10,2% соответственно.

Миграция имеет значительное влияние на динамику численности населения региона. С 2001 г. миграционное сальдо Алтайского края приняло отрицательные значения, что на фоне естественной убыли способствовало сокращению общей численности населения. Миграционная убыль в межрегиональных потоках заметно превышает миграционный прирост за счет стран СНГ; в 2015-2017 гг. масштабы последнего снизились, что обусловлено частичным исчерпанием миграционного потенциала сопредельных территорий (табл. 3.4).

Показатели миграционного прироста (убыли) населения
Алтайского края

Наименование показателя	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Миграционный прирост (убыль), человек	-4946	-1194	-4287	-5725	-6226	-6419	-3269	-4457	-6472	-8059
Коэффициент миграционного прироста (на 1000 населения), ‰	-2,0	-0,5	-1,8	-2,4	-2,6	-2,7	-1,4	-1,9	-2,7	-3,4

В 2009 г. объем миграции достиг минимальных значений, затем последовали его кратковременный рост и очередное снижение в 2014-2017 гг. (рис. 3.4). Это коснулось как постоянного населения региона, так и мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на длительный срок.

Большое значение для оценки миграционной ситуации имеет структура миграционного оборота (рис. 3.5). Анализ удельного веса отдельных направлений миграции показал, что доля внутрирегиональной миграции снизилась в 2011-2017 гг. с 67,7% до 52,9%; при этом доля внешней для края миграции, то есть межрегиональной и международной, поступательно увеличивалась. В изучаемый период доля межрегиональной миграции возросла с 26,7% до 34,6%, международной — с 5,6% до 12,5%¹.

¹ Рассчитано по: Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2016: стат. сб. Барнаул, 2017. – С. 14; Миграция населения Алтайского края в 2017 году: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 6.

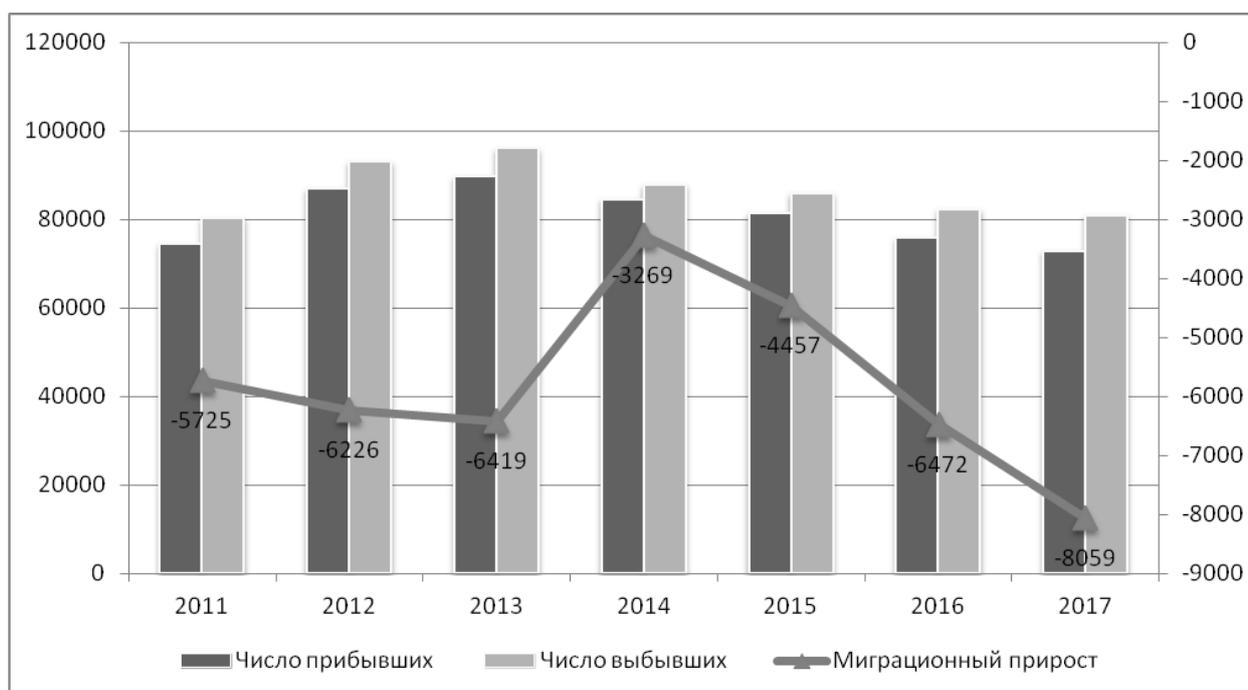

Рис. 3.4. Динамика показателей прибытия, выбытия, миграционного прироста в 2011-2017 гг., чел.¹

Рис. 3.5. Структура миграционного оборота населения Алтайского края в 2011-2017 гг., %

¹ Миграция населения Алтайского края в 2016 году: стат. бюл. // Банк готовых документов / Территориальный орган Федерал. службы гос. статистики по Алт. краю. Электрон. дан. – Барнаул, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ak.gks.ru>, авторизованный.

Различные возрастные группы населения имеют неодинаковую степень миграционной мобильности и в зависимости от возраста и мотивации включены в разные типы миграционных потоков.

Алтайский край отличается относительно сбалансированной по возрасту структурой миграционных потоков. Наибольшая миграционная активность свойственна лицам трудоспособного возраста. Они составляют около 73% как среди прибывших, так и выбывших (доля данной возрастной группы в составе постоянного населения региона – 54,5%¹). Граждане моложе трудоспособного возраста (0-15 лет), как правило, участвуют в миграции не самостоятельно, а вместе со своими семьями. Их доля (менее 17%) в числе мигрантов ниже, чем в структуре постоянного населения региона (18,9% на 1 января 2017 г.). Лица старше трудоспособного возраста образуют 26,6% населения региона, а среди мигрантов – чуть более 10%. Особенности миграции пожилых являются ориентация на территории проживания родственников (детей, внуков), семейный характер миграции, что заметно отличается от миграции молодежи².

Возрастными особенностями пространственной мобильности обусловлены последствия миграции для структуры населения Алтайского края. Наибольшую миграционную убыль имеет трудоспособное население, активно включенное в учебные и трудовые миграции в пределах Российской Федерации. Некоторое время край имел положительные значения миграционного прироста по населению старше трудоспособного возраста, но в 2015-2017 гг. и по данному возрастному контингенту возникла миграционная убыль (рис. 3.6).

Вышеназванные особенности определяют и образовательную структуру мигрантов (сведения об образовании учитываются для мигрантов в возрасте 14 лет и старше). В крае зафиксирована миграционная убыль лиц с высшим и средним профессиональным образованием (рис. 3.7).

---

¹ Рассчитано по: Демографический ежегодник Алтайского края: стат. сб. – Барнаул, 2017. – С. 24.

² Тарасова, Е. В. Особенности миграции населения старше трудоспособного возраста в Алтайском крае // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – Барнаул, 2013. – С. 153.

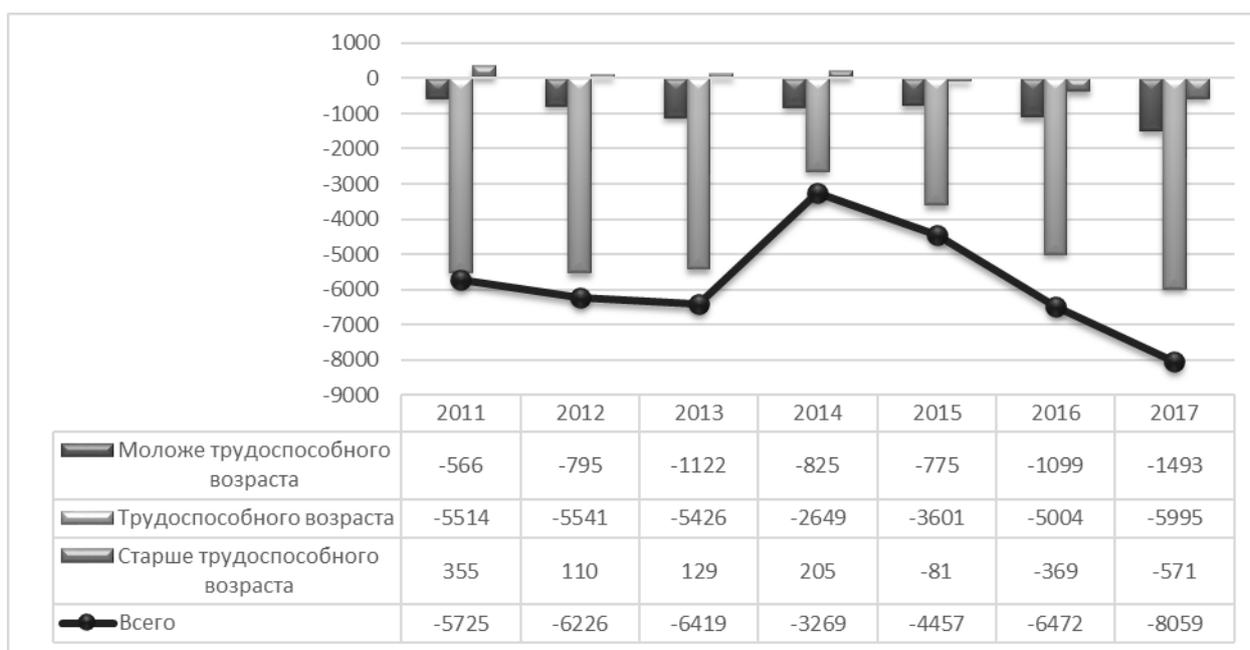

Рис. 3.6. Динамика миграционного прироста за счет основных возрастных групп населения, чел.¹

Рис. 3.7. Миграционная убыль лиц с высшим образованием¹

¹ Рассчитано по: Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2016: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2017. – С. 28; Миграция населения Алтайского края в 2017 году: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 65.

Особенно велика в структуре убыли населения в возрасте 14 лет и старше доля мигрантов с высшим профессиональным образованием. В 2011-2016 г. она равнялась в среднем около 50%, а в 2014 г. на фоне значительного сокращения миграционной убыли данной возрастной группы – 73,3%². В 2017 г. доля лиц с высшим образованием составила 37,7% от убыли населения в возрасте 14 лет и старше³.

Помимо внешних (для края) миграций, население активно участвует во внутрирегиональных перемещениях. Так, значительная часть молодежи Алтайского края задействована в процессах внутрикраевой учебной миграции. После включения с 2011 г. в число мигрантов тех, кто зарегистрирован по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, точность учета учебных мигрантов повысилась. Большая часть выпускников средних общеобразовательных школ Алтайского края, планирующих получить высшее образование, предпочитают вузы родного региона. Большинство вузов расположено в краевом центре – г. Барнауле. Учреждения высшего образования находятся также в г. Бийске, а в городах Белокурихе, Рубцовске и Славгороде осуществляют свою деятельность филиалы таких организаций.

Подавляющая часть выпускников школ г. Барнаула поступают в вузы краевого центра. Дальность учебной миграции выпускников школ остальных территорий края ограничивается такими факторами, как финансовые затраты на проживание студента в другом городе, наличие (или отсутствие) родственников и знакомых, чья поддержка помогла бы снизить расходы.

Есть основания полагать, что для большинства выпускников средних общеобразовательных школ районов и малых городов Алтайского края учебная

---

¹ Рассчитано по: Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2016: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2017. – С. 60; Миграция населения Алтайского края в 2017 году: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 13.

² Рассчитано по: Миграционные процессы в Алтайском крае 2011–2016: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2017. – С. 60.

³ Миграция населения Алтайского края в 2017 году: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 13.

миграция является способом закрепиться в крупных городах – вузовских центрах, обладающих развитой социальной инфраструктурой и лучшими возможностями для трудоустройства. По информации руководителей органов управления образованием городских округов и муниципальных районов Алтайского края, учебная миграция преимущественно носит безвозвратный характер и является одним из источников убыли населения сел и малых городов региона. В целом в сравнении с другими регионами России активность молодежи Алтайского края в межрегиональной и международной учебной миграции можно охарактеризовать как относительно низкую.

Трудовая миграция населения, обусловленная углублением экономической специализации территорий и растущими различиями в возможностях трудоустройства, является одним из наиболее значимых видов пространственной мобильности. На внутреннюю трудовую миграцию в регионах Российской Федерации оказывает воздействие множество факторов, определяющих дифференциацию территорий по степени включенности населения в эти процессы и влиянию на их социально-экономическое развитие.

Уровень внутрикраевой трудовой мобильности оценивается экспертами как невысокий. Это обусловлено значительными затратами, связанными с перемещением места жительства, отсутствием в большинстве организаций, испытывающих потребности в работниках, развитой системы доступного инфраструктурного сопровождения рабочих мест (жилья, транспортной сети, иных объектов, повышающих качество условий жизни). По тем же причинам сдерживается привлечение в регион квалифицированных кадров из других регионов.

Маятниковые перемещения, связанные с ежедневным или еженедельным пересечением границ населенных пунктов, не фиксируются органами государственной статистики либо другими структурами на постоянной основе, что затрудняет их анализ. В то же время в территориях с высокими показателями транспортной доступности, особенно в Барнаульской агломерации, отмечается развитие маятниковой трудовой миграции. В ряде организаций сложилась практика ежедневного подвоза работников из соседних населенных пунктов.

По данным экспертов, в территориях региона практически не используется привлечение на работу вахтовым методом, хотя это направление является весьма перспективным для стимулирования внутрикраевой трудовой мобильности населения. В связи с высокой актуальностью повышения территориальной мобильности рабочей силы, особенно проживающей в сельской местности, эта задача включена в региональные программы, направленные на содействие занятости.

Необходимо отметить, что часть переездов внутри региона остаются недокументированными. Точность учета миграции в значительной степени зависит от соблюдения гражданами паспортного режима и является одним из важных условий своевременного удовлетворения потребностей населения в образовательных и медицинских услугах, жилье и рабочих местах. Не встав на регистрационный учет, отдельные внутрикраевые мигранты годами проживают в местах прибытия, ограничивая себя в получении ряда важнейших социальных благ и реализации избирательного права. Острота этой проблемы стала еще более очевидной в ходе ликвидации последствий наводнения 2014 г., когда многим гражданам, не зарегистрированным по месту фактического проживания, пришлось доказывать свое право на получение финансовой помощи в суде.

Таким образом, миграционная убыль является важнейшей компонентой сокращения численности населения как региона в целом, так и большинства входящих в него муниципальных образований. Города и районы Алтайского края, как и многих других регионов России, нуждаются в компенсации миграционных потерь, которая поможет снизить темпы сокращения численности и старения населения.

3.3. Основные тенденции и источники изменения демографического потенциала сельских территорий

По отношению к 2011 г. численность сельского населения Алтайского края сократилась на 59 тыс. человек (рис. 3.8). Динамика изменения численности сельского населения свидетельствует о более быстрых темпах урбанизации Алтайского края, чем России и СФО.

Так, вследствие более интенсивного сокращения численности сельского населения в крае его доля в общей численности населения за 5 лет снизилась на 0,9 п.п., в СФО – на 0,7 п.п., в РФ – на 0,4 п.п.¹

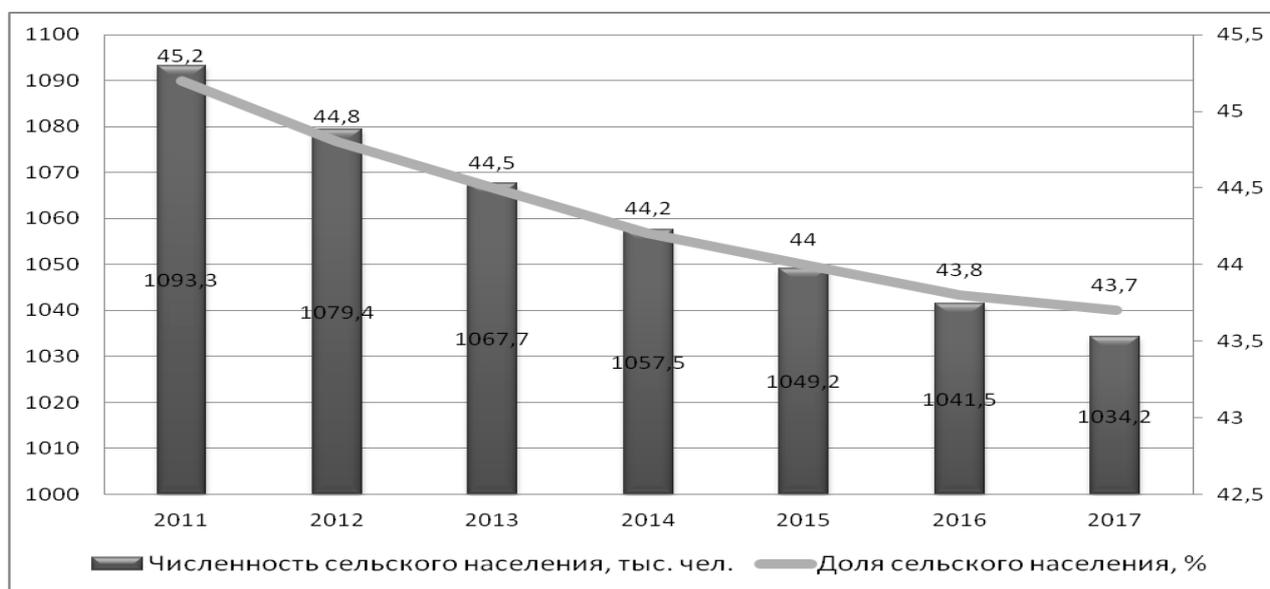

Рис. 3.8. Динамика численности сельского населения Алтайского края и его доли в общей численности населения региона в 2011-2017 гг.

Динамика численности городского и сельского населения определяется тремя компонентами: административно-территориальными изменениями, естественным движением населения и миграцией. Увеличение численности сельского населения края в результате преобразования городских населенных пунк-

¹ Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году: стат. бюл. – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm.

тов в сельские по решению органов власти происходило в 1999, 2000, 2003 и 2009 гг.¹. В другие годы численность сельского населения менялась только под воздействием естественной и миграционной убыли. За рассматриваемый период в селе лишь в 2009 г. был зафиксирован общий прирост населения, поскольку прирост из-за перемены категории населенных пунктов, составивший 10387 человек, превысил потери сельского населения (естественную убыль в размере 3330 человек и миграционную – 6054 человека)². Тенденции последней семилетки можно увидеть на рисунке 3.9.

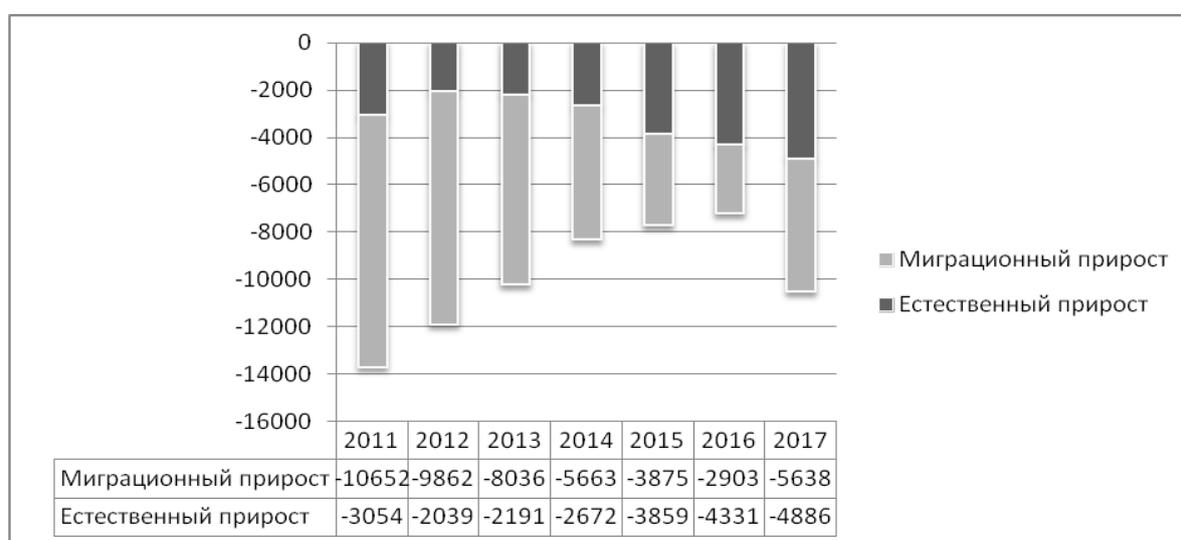

Рис. 3.9. Компоненты изменения численности сельского населения Алтайского края в 2011-2017 гг.

Внутри региона динамика изменения численности населения по сельским территориям края неоднозначна. Для типологического анализа демографического развития Федеральная служба государственной статистики делит территории на шесть групп на основе показателей естественного и миграционного прироста и характера изменения численности населения (табл. 3.5). По итогам 2017 г. численность населения 5 районов края увеличилась, а 54 – сократилась.

¹ Демографический ежегодник Алтайского края: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 20.

² Там же.

Группировка муниципальных районов Алтайского края по степени влияния
показателей естественного движения и миграции на изменение
численности населения в 2017 г.¹

	Число районов в группе	Муниципальные районы, входящие в группу
Число районов, в которых население сократилось		
Всего <i>в том числе за счет:</i>	54	
естественной убыли и миграционного оттока населения	46	Алейский, Алтайский, Баевский, Бийский, Благовещенский, Бурлинский, Быстроистокский, Волчихинский, Егорьевский, Завьяловский, Заринский, Змеиногорский, Калманский, Каменский, Ключевский, Косихинский, Красногорский, Краснощековский, Курьинский, Кытмановский, Локтевский, Михайловский, Новичихинский, Павловский, Панкрушихинский, Ребрихинский, Родинский, Романовский, Рубцовский, Смоленский, Советский, Солонешенский, Солтонский, Суетский, Тогульский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Угловский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Хабарский, Целинный, Чарышский и Шипуновский
превышения естественной убыли над миграционным приростом	6	Залесовский, Кулундинский, Мамонтовский, Поспелихинский, Тальменский, Шелаболихинский
превышения миграционного оттока над естественным приростом	2	Немецкий, Табунский
Число районов, в которых население увеличилось		
Всего <i>в том числе за счет:</i>	5	
естественного и миграционного прироста	-	-
превышения миграционного прироста над естественной убылью	5	Ельцовский, Зональный, Крутихинский, Первомайский, Петропавловский

¹ Численность населения по муниципальным образованиям Алтайского края на 1 января 2018 г.: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Барнаул, 2018. – С. 12.

Наиболее многочисленной является группа территорий, для которой характерна абсолютная убыль населения – отрицательные значения естественного и миграционного прироста. В нее вошли 46 муниципальных районов из 59.

Наибольший коэффициент общей убыли в расчете на 1000 человек населения в 2017 г. сложился в 6 районах края: Курьинском (-25,6), Локтевском (-24,2), Суетском (-23,8), Третьяковском (-23,7), Усть-Пристанском (-3,4) и Угловском (-22,8) районах¹.

За последние 5 лет наиболее существенное сокращение численности населения (более 10 %) произошло в Курьинском и Усть-Пристанском районах края, имеющих показатели естественной и миграционной убыли, в несколько раз превышающие среднекраевые значения. В то же время Зональный, Крутихинский и Первомайский районы отличаются стабильной положительной динамикой численности населения.

Естественный прирост сельского населения края отличается интенсивным сокращением рождаемости и крайне медленным снижением смертности. В 2013-2017 гг. самым большим естественным приростом населения среди территорий Алтайского края характеризовались Табунский район (+4,1‰ – среднегодовой общий коэффициент естественного прироста в 2013-2017 гг.) и Немецкий национальный район (+3,4‰), которые имеют положительный естественный прирост, начиная с 1996 г.

Наиболее высокая естественная убыль сельского населения наблюдалась в 14 районах, где общий коэффициент естественного прироста ежегодно имел отрицательное значение и составлял менее -5,0‰ в среднем за период 2013-2017 гг. Наиболее критичная ситуация сложилась в Усть-Пристанском (-9,6‰), Быстроистокском (-7,9 промилле), Усть-Калманском (-6,9 ‰), Егорьевском (-6,7), Краснощековском (-6,6), Локтевском (-6,2), Панкрушихинском (-6,0) районах; в Курьинском, Ельцовском, Троицком, Романовском, Ребрихинском, Залесовском, Алейском районах (от -5,9 до -5,5‰).

---

¹ Численность населения по муниципальным образованиям Алтайского края на 1 января 2018 г.: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Барнаул, 2018. – С. 9-11.

Прирост по различным направлениям миграции демонстрирует неодинаковые значения. Масштабы прироста сельских поселений в международной миграции постепенно сокращались, в результате в 2017 г. он принял отрицательное значение¹. Однако снижались и размеры миграционной убыли сельского населения Алтайского края во внутрироссийском обмене. Миграционная убыль по данному направлению снизилась до -3698 человек в 2016 г., однако в 2017 г. снова увеличилась на 46,8% в сравнении с предшествующим годом. Результат внутрикраевого обмена населением складывается не в пользу сельских территорий: в 2017 г. миграционная убыль сельской местности за счет внутрирегиональной миграции составила 2042 человека. Это вдвое больше, чем в 2016 г.

Муниципальные образования Алтайского края имеют неоднородные результаты миграционных процессов, что обусловлено множеством факторов: географическим положением, составом населения, развитостью инфраструктуры, текущей социально-экономической ситуацией и связанной с ней динамикой индивидуальных потребностей. Максимальные положительные значения коэффициента миграционного прироста в 2017 г. имели Крутихинский (14,2%), Первомайский (13,6%), Ельцовский (7,4) и Петропавловский (5,3) районы. Максимальные отрицательные значения зафиксированы в Третьяковском (-19,1%), Угловском (-18,7), Курьинском (-18,3), Немецком национальном (-16,3), Бийском (-16,2) районах².

Поскольку прирост населения муниципального образования складывается как результат внутрикраевой, межрегиональной и международной миграции, сходные показатели миграционного прироста могут быть следствием различных сочетаний показателей трех направлений миграции. Распределение сельских территорий в зависимости от значений и компонентов миграционного прироста представлено в таблице 3.6.

---

¹ Миграция населения Алтайского края в 2017 году: стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 5.

² Там же. С. 14-64.

Типология сельских территорий Алтайского края
по показателям миграции в 2017 г.

Сочетание компонентов миграционного прироста	Количество территорий в группе	Муниципальные районы
Территории с положительными значениями миграционного прироста		
Миграционный прирост за счет всех направлений миграции (внутрирегиональная, межрегиональная, международная)	2	Крутихинский, Петропавловский
Превышение прироста во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над убылью в международном обмене	0	-
Превышение прироста во внутрирегиональном обмене над убылью в межрегиональной и международной миграции	1	Первомайский
Превышение прироста во внутрирегиональном и международном обмене над убылью в межрегиональной миграции	7	Залесовский, Зональный, Кулундинский, Мамонтовский, Поспелихинский, Тальменский, Шелаболихинский
Превышение прироста в межрегиональном и международном обмене над убылью во внутрирегиональной миграции	1	Ельцовский
Превышение прироста в межрегиональном обмене над убылью во внутрирегиональной и международной миграции	0	-
Превышение прироста в международном обмене над убылью во внутрирегиональной и межрегиональной миграции	0	-
Территории с отрицательными значениями миграционного прироста (убылью)		
Миграционная убыль за счет всех направлений миграции (внутрирегиональная, межрегиональная, международная)	19	Бийский, Завьяловский, Калманский, Ключевский, Косихинский, Краснощековский, Курьинский, Локтевский, Немецкий национальный, Павловский, Панкрушихинский, Смоленский, Советский, Солтонский, Суетский, Табунский, Угловский, Усть-Пристанский, Чарышский

Сочетание компонентов миграционного прироста	Количество территорий в группе	Муниципальные районы
Превышение миграционной убыли во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над миграционным приростом в международном обмене	17	Алтайский, Баевский, Волчихинский, Егорьевский, Заринский, Змеиногорский, Каменский, Кытмановский, Родинский, Романовский, Рубцовский, Солонешенский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Хабарский, Шипуновский
Превышение миграционной убыли во внутрикраевой миграции над миграционным приростом в межрегиональном и международном обмене	3	Бурлинский, Быстроистокский, Красногорский
Превышение миграционной убыли во внутрирегиональной и международной миграции над миграционным приростом в межрегиональном обмене	0	-
Превышение миграционной убыли в межрегиональной и международной миграции над миграционным приростом во внутрирегиональном обмене	2	Благовещенский, Тогольский
Превышение миграционной убыли в международном обмене над приростом во внутрирегиональной и межрегиональной миграции	0	-
Превышение убыли в межрегиональном обмене над приростом во внутрирегиональной и международной миграции	7	Алейский, Михайловский, Новичихинский, Ребрихинский, Топчихинский, Усть-Калманский, Целинный

В 2017 г. наиболее многочисленной являлась группа территорий, для которой характерна миграционная убыль за счет всех направлений миграции. В нее вошли 19 районов Алтайского края. На втором месте по численности – территории, которым свойственно превышение миграционной убыли во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над миграционным приростом в международном обмене. В 2017 г. их насчитывалось 17.

Для сельских муниципальных образований края характерен неустойчивый тип миграционной ситуации, поэтому в ближайшие годы они могут перейти в другие группы территорий по показателям миграции. Муниципальные образования Алтайского края в значительной степени дифференцированы по доле внутрикраевой миграции в структуре прибытия и выбытия.

Для анализа направлений и интенсивности миграционных связей между муниципальными образованиями использованы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, собираемые по форме РТ2 «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия» за 2014-2016 гг. (данные за предшествующие годы были недоступны для анализа в период проведения исследования). С целью выявления наиболее тесных связей между территориями Алтайского края использовались значения коэффициента интенсивности миграционных связей (далее – КИМС), рассчитанные по прибытию и выбытию для каждого муниципального района и городского округа. При сравнении значений КИМС за отдельные годы отмечается преимущественная стабильность межмуниципальных миграционных связей и по прибытиям, и по выбытиям.

Поскольку муниципальные образования региона относятся к малым территориям и отдельные муниципалитеты зачастую имеют невысокие количественные показатели прибытия и выбытия, то в целях определения наиболее устойчивых направлений межмуниципальной миграции КИМС были рассчитаны на основе показателей прибытия и выбытия, интегрированных за три года (2014–2016 гг.). На основании полученных данных для каждого муниципального образования были выделены три муниципальных района или городских округа, с которыми у него зафиксированы наибольшие по сравнению с другими муниципалитетами значения КИМС по прибытию и по выбытию.

По большей части, наиболее интенсивные миграционные связи характерны для соседних муниципалитетов («соседские миграции»). Данные результаты подтверждают один из законов миграции, сформулированный Э.Г. Равенштейн-

ном, согласно которому большинство миграций осуществляется на короткие расстояния¹.

Направления наиболее интенсивных миграционных потоков, определенных на основе значений КИМС по прибытию и по выбытию за 2014-2016 гг., в большинстве случаев совпадают (табл. 3.7). Исключение составили только три муниципальных района (Калманский, Советский и Солтонский), где наблюдается несовпадение наиболее значимых миграционных потоков по прибытию и выбытию.

Таблица 3.7

Территории, характеризующиеся совпадением наиболее интенсивных миграционных потоков по прибытию и выбытию в 2014-2016 гг.

№ п/п	Муниципальные образования	Основные миграционные партнеры
1	Алейский район	г. Алейск
2	Алтайский район	г. Белокуриха, Советский район
3	Баевский район	Суетский район
4	Бийский район	г. Бийск, Красногорский район
5	Благовещенский район	Суетский район, Родинский район
6	Бурлинский район	Табунский район
7	Быстроистокский район	Смоленский район, Петропавловский район
8	Волчихинский район	Родинский район
9	Егорьевский район	Новичихинский район, г. Рубцовск
10	Ельцовский район	Тогульский район
11	Завьяловский район	Романовский район, Баевский район
12	Залесовский район	Кытмановский район, Шелаболихинский район
13	Заринский район	г. Заринск, Кытмановский район, Залесовский район
14	Змеиногорский район	Третьяковский район, Локтевский район
15	Каменский район	Баевский район, город Камень-на-Оби, Крутихинский район
16	Ключевский район	Михайловский район, Кулундинский район

¹ Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48, № 2 (June). – P. 167-235.

№ п/п	Муниципальные образования	Основные миграционные партнеры
17	Косихинский район	Сибирский городской округ (ЗАТО)
18	Красногорский район	Бийский район
19	Краснощековский район	Чарышский район
20	Крутихинский район	Панкрушихинский район, Каменский район, г. Камень-на-Оби
21	Кулундинский район	Табунский район, Ключевский район, г. Славгород
22	Курьинский район	Краснощековский район
23	Кытмановский район	Тогульский район, Заринский район, г. Заринск
24	Локтевский район	Змеиногорский район, Рубцовский район
25	Мамонтовский район	Тюменцевский район, Ребрихинский район
26	Михайловский район	Ключевский район, Угловский район
27	Новичихинский район	Егорьевский район, Поспелихинский район
28	Зональный район	г. Бийск, Троицкий район
29	Павловский район	Шелаболихинский район, Ребрихинский район
30	Панкрушихинский район	Крутихинский район
31	Первомайский район	г. Новоалтайск, Сибирский городской округ (ЗАТО)
32	Петропавловский район	Солонешенский район, Чарышский район
33	Поспелихинский район	Новичихинский район
34	Ребрихинский район	Мамонтовский район, Шелаболихинский район
35	Родинский район	Благовещенский район
36	Романовский район	Завьяловский район
37	Рубцовский район	Егорьевский район, г. Рубцовск, Угловский район
38	Смоленский район	Солонешенский район, г. Белокуриха, Быстроистокский район
39	Суетский район	Баевский район, Благовещенский район
40	Солонешенский район	Петропавловский район, Смоленский район
41	Шелаболихинский район	Павловский район
42	Табунский район	Кулундинский район
43	Тальменский район	Первомайский район, Сибирский городской округ (ЗАТО)
44	Тогульский район	Ельцовский район, Кытмановский район, Целинный район
45	Топчихинский район	Алейский район
46	Третьяковский район	Змеиногорский район, Локтевский район
47	Троицкий район	Зональный район

№ п/п	Муниципальные образования	Основные миграционные партнеры
48	Тюменцевский район	Мамонтовский район, Шелаболихинский район
49	Угловский район	город Рубцовск
50	Усть-Калманский район	Чарышский район
51	Усть-Пристанский район	Петропавловский район, Алейский район
52	Хабарский район	Суетский район, Немецкий национальный район
53	Целинный район	Ельцовский район, Тогульский район
54	Чарышский район	Петропавловский район, Усть-Калманский район
55	Шипуновский район	Алейский район
56	Немецкий национальный район	Табунский район

Анализ интенсивности межмуниципальных миграционных связей показал, что для всех территорий Алтайского края характерны преимущественно «соседские» миграции. Однако они «несимметричны»: у большинства муниципальных образований число территорий выхода мигрантов и территорий вселения во внутрикраевом обмене неодинаково. Более того, для ряда территорий перечень основных миграционных партнеров по показателям КИМС совпадает лишь частично.

Межмуниципальная миграция существенно влияет на численность и возрастно-половую структуру населения территорий, обостряя их демографическое неравенство. Неравенство демографических потенциалов выступает, с одной стороны, как следствие неоднородности экономико-географических условий развития локальных социумов, с другой стороны – как фактор, создающий предпосылки экономического роста либо ограничивающий его возможности.

3.4. Территориальные очаги демографических рисков

К зонам наиболее высоких рисков потери сельского населения и прежде всего молодежи могут быть отнесены следующие территории (районы):

- с высокими темпами общей убыли населения;
- с высокими показателями миграционной убыли;
- с высокими показателями интенсивности миграции по выбытию;
- с высокими показателями миграционного оборота;
- с высоким уровнем безработицы;
- с низкой долей детей и молодежи в структуре населения;
- с низкой транспортной доступностью¹.

1. Районы с высокими темпами общей убыли населения. Наибольший коэффициент общей убыли в расчете на 1000 человек населения в 2017 г. сложился в 6 районах края: Курьинском (-25,6), Локтевском (-24,2), Суетском (-23,8), Третьяковском (-23,7), Усть-Пристанском (-23,4) и Угловском (-22,8).

2. Районы с высокими показателями миграционной убыли. Максимальные отрицательные значения общего коэффициента миграционного прироста зафиксированы в Третьяковском (-19,1 ‰), Угловском (-18,7‰), Курьинском (-18,3‰), Немецком национальном и Бийском районах (-16,3‰ и -16,2‰ соответственно).

3. Районы с высокими показателями интенсивности миграции по выбытию. Наивысшие значения коэффициента интенсивности миграции по выбытию в 2017 г. отмечены в Алейском (59,4 выбывших на 1000 населения), Угловском (55,1), Рубцовском (52,9), Бурлинском (51,8) и Егорьевском (51,7) районах. Наименьших значений этот коэффициент достиг в Усть-Калманском (24,9), Каменском (26,1), Поспелихинском (26,4), Волчихинском (26,6) и Тюменцевском (28,6) районах.

4. Районы с высокими показателями миграционного оборота. Среди территорий Алтайского края максимальные значения коэффициента миграци-

---

¹ По данным Росстата, Министерства труда и социальной защиты Алтайского края.

онного оборота, свидетельствующие о высокой степени включенности населения в миграционные процессы, в 2017 г. имели Алейский (118,7 мигрантов на 1000 населения), Бурлинский (103,4), Егорьевский (98,3), Рубцовский (93,6), Солонешенский (92,9) районы. Минимальные значения данного показателя и, соответственно, невысокая миграционная мобильность населения зафиксированы в Волчихинском (41,7), Каменском (43), Хабаровском (46,9), Усть-Калманском и Тюменцевском районах (48,1 и 50,5 соответственно).

5. Районы с высоким уровнем безработицы. По состоянию на 01.01.2018 к числу территорий с уровнем безработицы к трудоспособному населению, в два и более раза превышающим краевой (1,4%), относились следующие районы: Чарышский (2,9%), Змеиногорский (2,9%), Михайловский (3,1%), Ельцовский (3,2%), Романовский (3,3%), Кытмановский (3,4%), Панкрушихинский (3,4%), Ключевский (3,4%), Троицкий (3,5%), Егорьевский (3,5%), Волчихинский (3,5%), Ребрихинский (3,6%), Угловский (3,6%), Тогульский (3,9%), Залесовский (3,9%), Баевский (4,0%), Косихинский (4,1%), Суетский (4,1%), Быстроистокский (4,4%), Родинский (4,4%), Советский (4,4%), Новичихинский (4,5%), Усть-Пристанский (4,6%), Солтонский (4,8%), Бурлинский (4,9%), Немецкий национальный (5,0%), Хабаровский (5,1%), Крутихинский (6,8%), Целинный (7,4%).

6. Районы с высоким уровнем напряженности на локальном рынке труда. По состоянию на начало 2018 г. высокие показатели коэффициента напряженности (незанятых граждан на одну вакансию) имели следующие муниципальные районы: Крутихинский (5,2), Немецкий национальный (5,0), Хабаровский (5,5), Завьяловский (6,0), Тюменцевский (6,1), Баевский (6,2), Егорьевский (6,2), Ребрихинский (6,4), Новичихинский (6,6), Бурлинский (6,8), Угловский (6,8), Панкрушихинский (8,0), Быстроистокский (8,6), Романовский (8,6), Целинный (8,8), Родинский (9,9), Советский (11,9).

7. Районы с низкой долей детей в структуре населения. Самая низкая доля детей в возрасте 0-15 лет в общей численности населения отмечена

в Краснощековском, Усть-Калманском, Усть-Пристанском и Шипуновском районах (17,8%).

8. Для выявления *районов с низкой транспортной доступностью* необходимо проведение специального исследования.

* * *

Итак, оценивая демографические процессы в Алтайском крае, можно сделать вывод, что в анализируемый период, несмотря на предпринимаемые усилия по улучшению демографической ситуации и определенные позитивные результаты (повышение ожидаемой продолжительности жизни, сокращение женской и младенческой смертности, рост численности детей), здесь по-прежнему наблюдаются негативные тенденции: сокращение численности населения, особенно в трудоспособном возрасте, низкие темпы снижения смертности, миграционная убыль населения. С 2011 г. доля миграции в общей убыли населения превышает 50%, а в отдельные годы поднималась до 70-80%. В этой связи изучение миграции, выявление закономерностей и механизмов ее изменения, определение рисков и угроз в данной области представляется весьма актуальным для повышения эффективности миграционной политики и сокращения убыли населения региона.

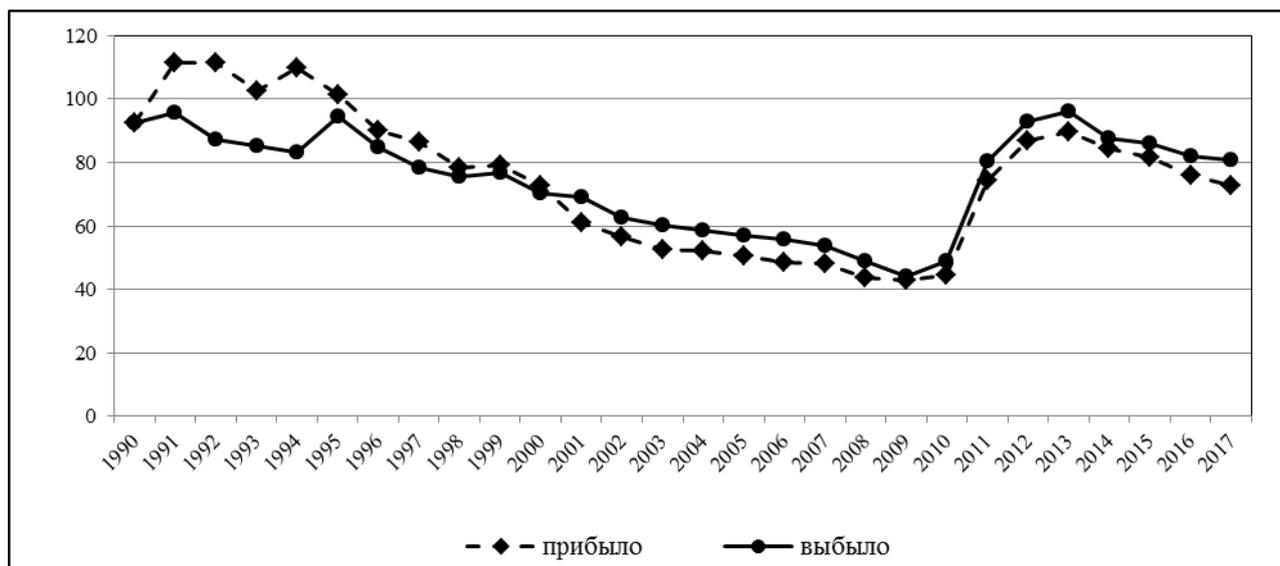
Глава 4. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ТРЕНДЫ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

4.1. Общая характеристика миграционных процессов

В период активных институциональных преобразований и рыночных реформ характерными чертами миграционных процессов стали динамизм, многообразие, асимметричность, инновационность, стихийность, проявляющиеся в изменении характера и масштабов миграции, многократной смене трендов в территориальной мобильности населения, существенном дисбалансе встречных миграционных потоков, возникновении новых видов и форм миграции, изменении ее направлений и механизмов, формировании особых моделей поведения в сфере миграции, слабой управляемости миграционных процессов.

В динамике валового миграционного оборота наблюдались неустойчивые тенденции. За прошедшие почти 30 лет этапы его роста и снижения многократно сменяли друг друга. При этом направления движения прибывших и выбывших преимущественно совпадали (рис. 4.1). Определялись миграции, главным образом, движением населения в границах РФ и со странами нового зарубежья.

В течение первых 20 лет анализируемого периода миграционная активность населения края неуклонно снижалась. Если в 70-80-е гг. в миграционных потоках участвовало около 400 тыс. человек в год, то в 1990-2009 гг. – менее 100 тыс. человек. Сокращение валовой миграции произошло в результате относительного ухудшения социально-экономических условий проживания в регионе, частичного использования миграционного потенциала стран ближнего зарубежья и переориентации определенной части мигрантов на выезд в соседние регионы с более высоким уровнем жизни.

Источник: данные Росстата.

Рис. 4.1. Миграция в Алтайском крае в 1990-2017 гг., тыс. человек

Неравномерность выхода отдельных территорий на траекторию роста, а также отложенные миграции в предыдущие годы спровоцировали их увеличение в 2010-2013 гг. Однако в дальнейшем в связи с нарастанием кризисных явлений в экономике и ужесточением миграционной политики интенсивность миграционных процессов в регионе вновь стала снижаться. Отметим, что в течение всего анализируемого периода миграционная активность селян была выше, чем горожан.

В течение первых пяти лет изучаемого промежутка времени миграционный прирост населения увеличивался и выступал главным источником роста демографического потенциала региона. Однако в дальнейшем он начал сокращаться, а в 2001 г. сменился на миграционную убыль, которая наблюдается и по сей день.

Индикатор, характеризующий результативность внешних миграционных связей региона и его привлекательность для населения, – коэффициент миграционного прироста – также претерпел существенные изменения. Наибольшее его значение было зафиксировано в 1994 г. В начале 1990-х гг. по интенсивности чистой миграции регион занимал первые позиции в Сибири и России, одна-

ко в последующие годы миграционная ситуация ухудшалась, и сегодня по миграционной привлекательности край уступает большинству сибирских регионов (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Коэффициент интенсивности чистой миграции
(сальдо миграции в расчете на 1000 населения в среднем за год)

	1990-1994	2013-2017
Российская Федерация	2,2	1,8
Алтайский край	6,2	-2,9
Кемеровская область	1,5	-1,1
Новосибирская область	2,2	6,7
Омская область	0,9	-1,6
Республика Алтай	1,4	-1,2
Томская область	0,2	3,5

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Повышенная миграционная убыль населения в крае свидетельствует о его низкой конкурентоспособности и таит в себе ряд угроз для национальной безопасности России и устойчивого развития региона. Отток населения может привести к обезлюдению больших территорий и потере социального контроля над ними, усилению миграционного давления на край со стороны перенаселенных азиатских стран и его заселению иностранными гражданами, а также сокращению демографических ресурсов для социально-экономического развития региона и обеспечения обороноспособности страны.

Города и сельские районы края заметно различаются климатическими, социальными и экономическими условиями. В связи с этим масштабы, направления и результаты миграций в отдельных территориях имеют свои особенности. Сравнение миграционной карты Алтайского края в 1994, 2004, 2015 гг. показывает, что миграционная ситуация в городских и сельских поселениях

ухудшается. Если в 1994 г. только в одном городе и десяти районах наблюдалась миграционная убыль населения, то в 2004 г. – уже в четырех городах и 47 районах, а в 2015 г. – в пяти городах и 50 районах (табл. 4.2, рис. 4.2). Наиболее значимо уменьшилось количество сельских районов, выделявшихся особой миграционной привлекательностью в начале 1990-х гг.

Таблица 4.2

Группировка городов Алтайского края по показателю чистой миграции

	До 200 человек			200-500 человек			Свыше 500 человек		
	1994	2004	2015	1994	2004	2015	1994	2004	2015
Миграционный прирост		Алейск Белокуриха Заринск Змеиногорск	Яровое Белокуриха	Алейск Змеиногорск Славгород	Каменьна-Оби Славгород	Алейск Рубцовск	Барнаул Белокуриха Бийск Заринск Каменьна-Оби Новоалтайск Рубцовск	Новоалтайск	Новоалтайск
Миграционная убыль	Яровое	Рубцовск Яровое	Бийск Заринск Каменьна-Оби			Славгород		Барнаул Бийск	Барнаул

Источник: данные Росстата.

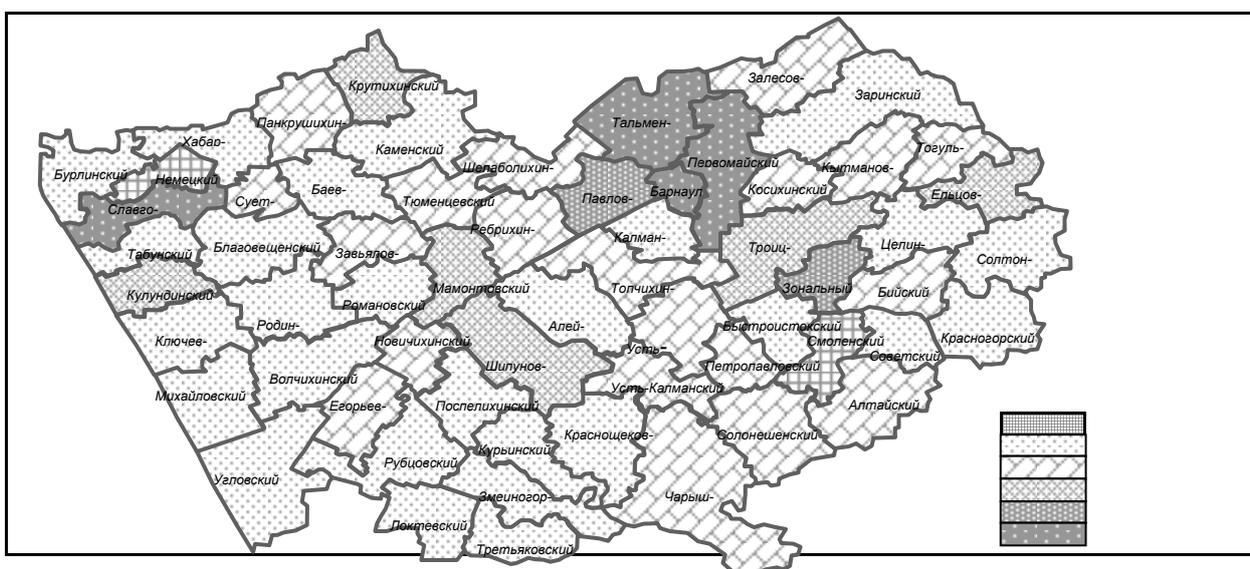
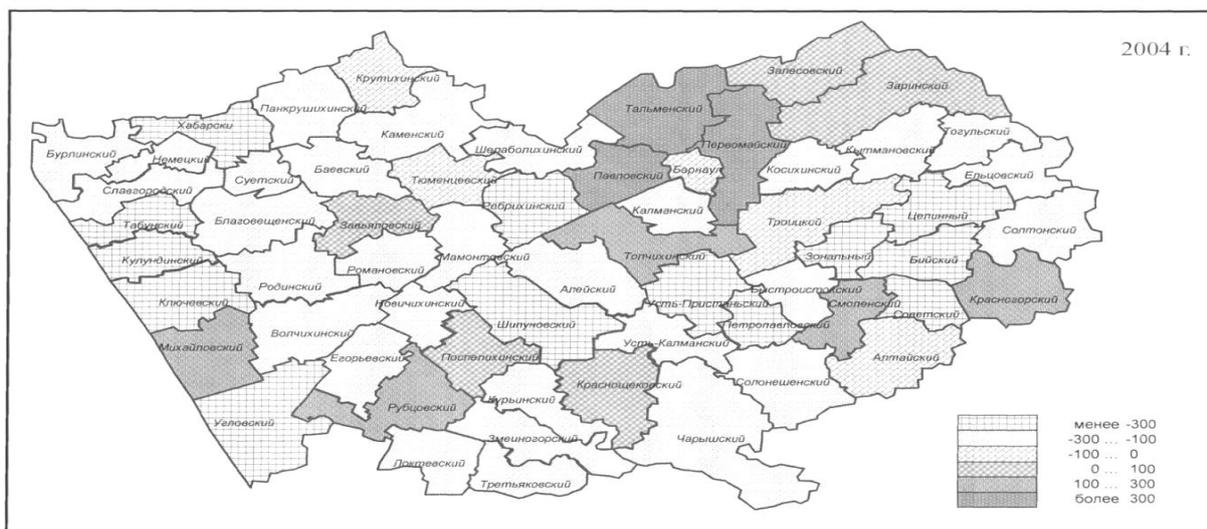
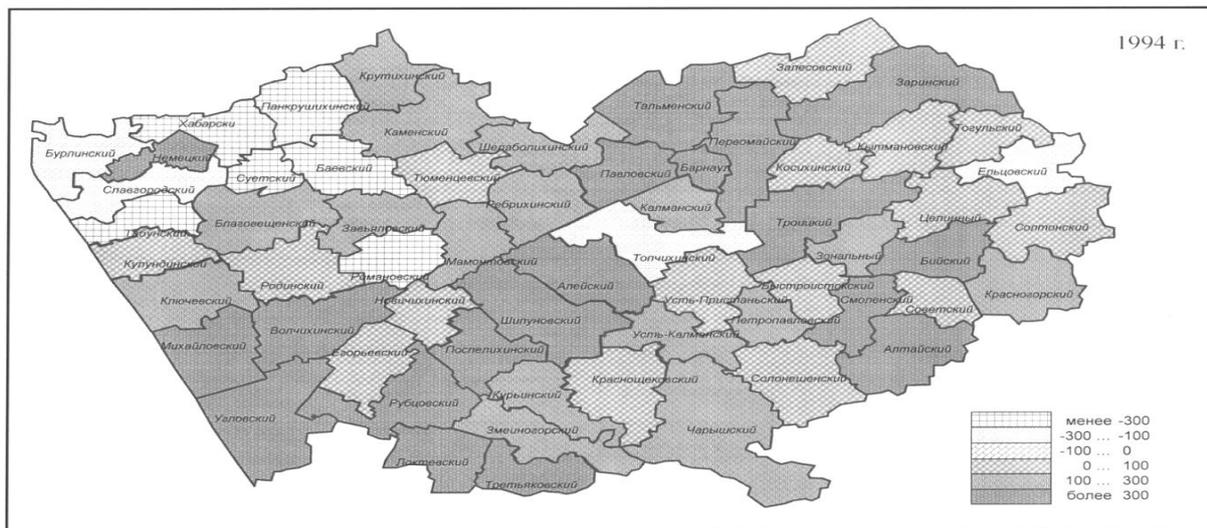

Рис. 4.2. Распределение сельских районов Алтайского края по показателю чистой миграции, тыс. человек

Алтайский край имеет обширные миграционные связи практически со всеми федеральными округами России, а также со странами ближнего и дальнего зарубежья. Распределение последних по силе миграционных связей представлено в таблице 4.3.

Таблица 4.3

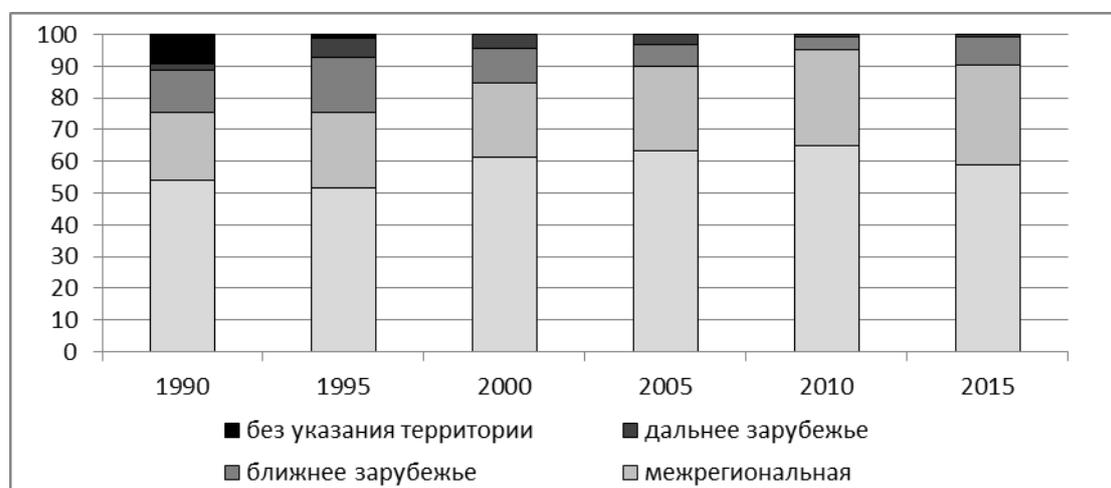
Распределение федеральных округов России, стран ближнего и дальнего зарубежья по интенсивности миграционных связей с Алтайским краем в 1998, 2004, 2015 гг.

Теснота связи	1998	2004	2015
Сильные миграционные связи (10% в общей численности прибывших и выбывших и выше)	Сибирский федеральный округ Казахстан Германия	Сибирский федеральный округ Центральный федеральный округ Германия Казахстан	Сибирский федеральный округ
Значительные миграционные связи (от 5 до 10%)	Дальневосточный федеральный округ	Южный федеральный округ Уральский федеральный округ Приволжский федеральный округ Дальневосточный федеральный округ	-
Умеренные миграционные связи (от 2 до 5%)	Центральный федеральный округ Поволжский федеральный округ Южный федеральный округ Уральский федеральный округ	Кыргызстан Северо-Западный федеральный округ	Центральный федеральный округ Северо-Западный федеральный округ Уральский федеральный округ Дальневосточный федеральный округ Казахстан, Таджикистан
Слабые миграционные связи (менее 2%)	Азербайджан Армения Белоруссия Грузия Кыргызстан	Белоруссия, Молдова Украина Азербайджан Армения, Грузия Таджикистан	Южный федеральный округ Северо-Кавказский федеральный округ Приволжский федеральный округ

Теснота связи	1998	2004	2015
	Латвия, Литва Молдавия Таджикистан Туркмения Узбекистан Украина Эстония	Туркменистан Узбекистан Латвия, Литва Эстония, Австралия Греция, Израиль Канада, США	округ Крымский федеральный округ Белоруссия, Азербайджан Армения, Кыргызстан Молдова, Туркменистан Узбекистан, Украина Германия, Греция, Грузия, Израиль, Канада, Китай, Латвия, Литва, США, Финляндия, Эстония

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

В структуре миграционных процессов в Алтайском крае традиционно лидирует внутрирегиональная миграция, на второй позиции находится межрегиональная и далее – международная (с государствами нового и старого зарубежья) (рис. 4.3).

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 4.3. Структура миграционных связей Алтайского края, %

В динамике структуры миграционных связей края, как в городских поселениях, так и в сельской местности, также наблюдались существенные колеба-

ния (рис. 4.3). Размах вариации удельных весов отдельных видов миграции по миграционному обороту достигал 17,5 п.п. Коэффициент вариации, характеризующий относительную меру колеблемости рассматриваемых показателей, – 25,4%. При этом наибольшей нестабильностью выделялись показатели внешней миграции.

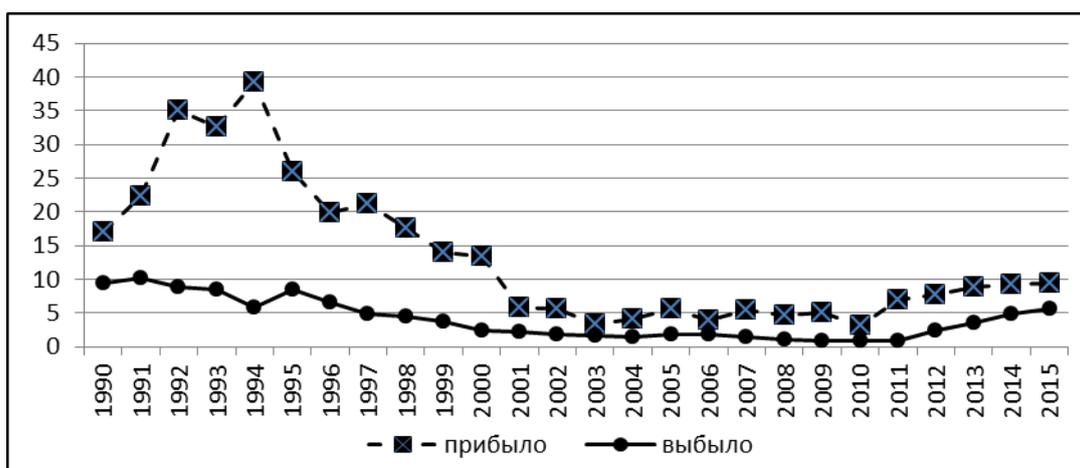
Сложившаяся миграционная ситуация в Алтайском крае в значительной степени была предопределена перемещениями населения, связанными с пересечением внешних административных границ региона и включающими межрегиональные потоки населения в границах РФ и межгосударственные – со странами дальнего и ближнего зарубежья.

4.2. Международные миграции населения

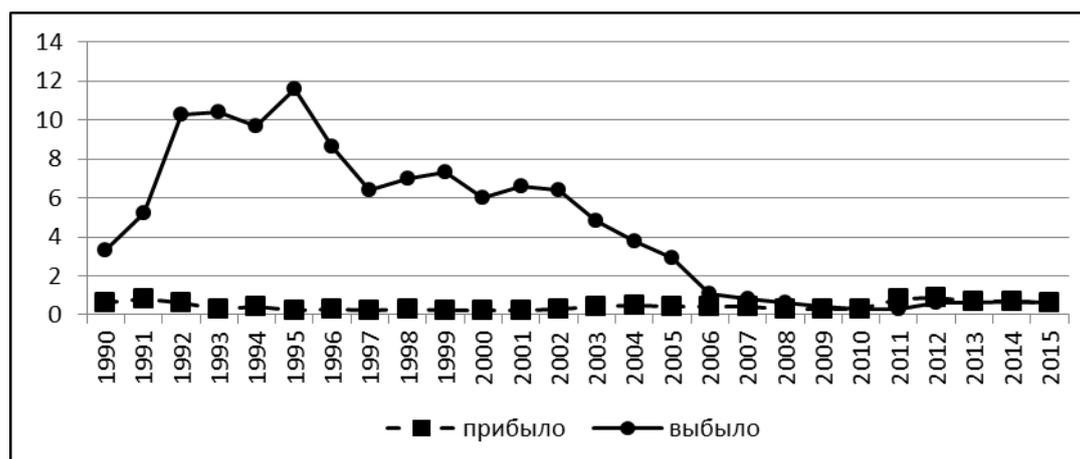
В международных миграционных потоках в Алтайском крае преобладают миграции с новыми государствами, возникшими на постсоветском пространстве, их доля превышает 85% (рис. 4.4).

В 1970-1980 гг. миграция с республиками СССР отличалась устойчивым превышением количества эмигрантов над количеством иммигрантов. Однако в 1990-е гг. XX в. здесь произошел качественный сдвиг: из региона, теряющего население, Алтайский край превратился в регион, приобретающий население, стала преобладать тенденция его перераспределения на Алтай из республик Средней Азии и Казахстана. Характерной чертой этих миграций стало возвращение в край жителей, когда-то его покинувших. Именно они обеспечили основной прирост населения в регионе. Отметим, что в 1990-е гг. все сельские районы и города Алтайского края характеризовались положительным миграционным балансом с постсоветскими государствами.

Миграция со странами ближнего зарубежья

Миграция со странами дальнего зарубежья

Источник: данные Росстата.

Рис. 4.4. Международная миграция в Алтайском крае, тыс. человек

Вместе с тем если в 1990-1994 гг. указанная тенденция ускорилась, то в 1995-2000 гг. интенсивность этих миграций значительно снизилась. Данные обстоятельства привели к значительному сокращению механического прироста населения в результате обмена с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве. Далее в миграциях со странами СНГ наблюдалось десятилетие относительной стабильности. Однако в дальнейшем посткризисное оживление экономики, обострение военно-политической ситуации в странах

Средней и Центральной Азии, а в последние годы и на Украине, а также нарастание угроз со стороны международного терроризма вновь увеличило приток мигрантов в Алтайский край.

Доля миграций с бывшими союзными республиками в общем объеме миграционных потоков на Алтае в анализируемый период не отличалась стабильностью и варьировала от 4 до 23%.

Самые тесные миграционные связи сложились у Алтая с Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Украиной. В 2015 г. их доля составляла 85% от валовой миграции с постсоветскими государствами, при этом более 40% занимал Казахстан. Начиная с 1990 г. из соседнего государства на Алтай, по данным Алтайкрайстата, переехало более 200 тыс. человек, а в обратном направлении выехало порядка 60 тыс. Заметим, что в крае ежегодно оседало от 7 до 11% иммигрантов из Казахстана в Россию. Доля жителей Алтая в потоке российских эмигрантов в сопредельное государство была приблизительно такой же. Однако довольно часто официальные статистические показатели заметным образом разнятся с реальными данными. По оценкам экспертов, в 1990-е гг. соотношение зарегистрированной и незарегистрированной миграции в крае составляло 3:2, а в 2000-е – 1:1, и Казахстан являлся основным государством выхода незарегистрированных переселенцев.

Распад СССР и обострение межэтнических отношений стали причиной появления на Алтае беженцев и вынужденных переселенцев. Край стал одним из субъектов РФ, в котором отмечался заметный приток этой категории населения, вызванный относительной политической стабильностью в регионе, его географическим положением, высокой миграционной активностью его населения в предшествующие годы.

По данным Миграционной службы, с 1 июля 1992 г. по 31 декабря 2000 г. край принял около 50 тыс. человек. Больше всего таких мигрантов прибыло из Казахстана – около 40 тыс. человек. Однако, по оценкам специалистов, официальная информация о недобровольных мигрантах была в 2-3 раза занижена по сравнению с фактической, так как заметная их часть не обращалась в крае-

вую миграционную службу и переселялась в регион самостоятельно, а часть обратившихся не получала статус беженца или вынужденного переселенца в силу разных причин. Эти факты подтверждают как результаты социологических обследований, так и данные статистического учета иммигрантов.

В общем потоке вынужденных мигрантов преобладали дети и лица в трудоспособном возрасте. По национальности большинство переселенцев – русские (около 86%). Более 40% взрослых переселенцев имели высшее или среднее специальное образование.

В дальнейшем число вынужденных мигрантов неуклонно снижалось, и сегодня оно не превышает 5 человек в год. Это связано как с некоторым улучшением социально-экономической и политической ситуации в постсоветских государствах и политикой последних по закреплению этнических россиян, так и с изменением правил получения статуса беженца или вынужденного переселенца в РФ.

По данным социологических обследований, в 1990-е гг. среди причин миграции в Алтайский край из новых государств лидировали национально-этнические факторы. Около 80% опрошенных мигрантов испытали дискриминацию из-за своей национальности. Нарушение своих прав они испытывали в сфере занятости (при устройстве на работу, в размере заработной платы, в карьерном продвижении), в учреждениях образования и культуры (в отказе обучаться на родном языке, при поступлении на учебу,) в сокращении периода вещания радио и телевидения на русском языке, изменении названий поселений и улиц, во время приватизации и на бытовом уровне.

Второе место заняли социально-экономические причины, в частности, потеря работы, отсутствие возможностей оплачивать жилье и получать качественное образование, неясность перспектив для себя и детей. Далее располагались демографические и экологические факторы.

В 2000-е гг. влияние выделенных факторов на миграцию из бывших республик СССР в Алтайский край трансформировалось: сократилось влияние национально-этнических факторов и увеличилось – социально-экономических

и демографических. То есть восстановилась доминирующая роль социально-экономических факторов, что свойственно добровольным миграциям. В настоящее время среди причин миграции доля последних составляет порядка 70%.

В течение всего исследуемого периода миграции жителей Алтайского края в страны нового зарубежья в сравнительно меньшей мере детерминировались национально-этническими факторами, что подтверждают данные о национальном составе выбывающих в эти государства. Например, подавляющее большинство выбывающих с Алтая в Казахстан составляют русские (65-75%), а доля казахов среди них не превышает 15%.

Новым элементом миграционной ситуации в регионе в постсоветский период стал массовый выезд немцев Алтая в Германию, определивший на многие годы масштабы, интенсивность и направление международных миграций со странами дальнего зарубежья. Если в 1980-е гг. ежегодно выезжало за границу менее 1 тыс. человек, то в 1990-е гг. – более 8 тыс. Особенно значительный рост этого вида миграций отмечался после принятия Закона о праве свободного въезда-выезда для граждан Российской Федерации. Тенденция увеличения численности эмигрантов в страны дальнего зарубежья носила устойчивый характер на протяжении первых шести лет исследуемого периода, в дальнейшем их число преимущественно сокращалось и достигло в 2010 г. минимума (314 человек). В последнее пятилетие в страны дальнего зарубежья выезжает около 600 человек в год (см. рис. 4.4).

Наиболее масштабный выезд немцев происходил из районов их преимущественного проживания. В немецком, Славгородском и Табунском районах и г. Яровое эмиграция в Германию стала главной причиной миграционной убыли населения. Параллельно в край прибывали немцы из других субъектов РФ и государств нового зарубежья.

Возрастная структура выбывающих за рубеж отличалась более высокой по сравнению со среднекраевыми показателями долей детского населения и, соответственно, пониженной долей населения в пенсионном возрасте. Уровень образования мигрантов был ниже, чем у населения края в целом. Отме-

ченные обстоятельства были обусловлены спецификой немецкого населения Алтайского края, проживающего в основном в сельской местности и отличающегося повышенной рождаемостью и более низким уровнем образования.

Миграции в Германию носили преимущественно экономический характер. По оценкам эмигрантов, «...на социальное пособие в Германии они живут лучше, чем жили в России, работая в двух-трех местах», большинство из них существенно повысило свой уровень и качество жизни. Эти миграции в какой-то мере способствовали распространению русской культуры, традиций и языка в Германии, а также большему взаимопониманию между нашими народами. Кроме того, отдельные представители алтайского бизнеса получили возможность выхода со своей продукцией на немецкий рынок, а сельские районы края, в которых преимущественно проживали немцы, получили дополнительные инвестиции из Германии. Однако в целом в результате этих миграций край потерял более 100 тыс. относительно молодых высокоорганизованных трудолюбивых своих жителей.

Внешние миграции оказывают многостороннее влияние на экономику и социальное развитие Алтайского края. В 1990-е гг. подавляющее число экспертов (более 80%) оценивали это воздействие как позитивное или скорее позитивное, чем негативное. Положительное воздействие проявлялось в улучшении демографических показателей и системы расселения в регионе, росте численности населения, заполнении невостребованных на рынке труда рабочих мест и усилении культурного и этнического многообразия, развитии нетрадиционных производств и получении дополнительных средств из федерального центра¹. В результате этих миграций повышалась плотность и людность населения в сельских территориях края, улучшалась половозрастная структура

---

¹ Витковская Г.С. Переселение в Россию из стран Центральной Азии: миграционный потенциал и роль интеграционных процессов (по данным социологических обследований в Казахстане, Узбекистане и Киргизстане) // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина. – М.: Комплекс-Прогресс, 1997. – С. 139-161; Зайончковская Ж.А. Миграции в постсоветском пространстве // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина. – М.: Комплекс-Прогресс, 1997. – С. 14-37.

населения, увеличивалась численность трудоспособного и детского населения, несколько повышалась доля мужчин, снижалась демографическая нагрузка на население трудоспособном возрасте.

Изучение образовательно-квалификационного состава встречных миграционных потоков в этот период свидетельствует о том, что за счет внешней миграции край приобретал более качественное население, обладающее высокой активностью, мобилизационной готовностью и креативностью мышления. Особенно благоприятной была ситуация в первой половине 1990-х гг., так в 1994 г. на 100 человек, выбывающих из края в трудоспособном возрасте и моложе трудоспособного на Алтай прибывали 167 и 180 человек соответственно, а на 100 выбывающих с высшим образованием прибывали 263 человека с соответствующим образованием.

В 2000-е гг. все большее число экспертов негативно оценивает влияние международных миграций на ситуацию в регионе. Они обращают внимание на то, что эти миграции приводят к повышению напряженности на рынке труда и вытеснению россиян с рабочих мест, росту нагрузки на социальную сферу, распространению бедности, повышению цен на жилье, ухудшению социально-демографической структуры населения края. Последнее подтверждают и данные статистики. Так, в 2015 г. на 100 чел., прибывающих в край в трудоспособном возрасте и моложе, выбывали из региона 115 и 117 чел. соответственно, а на 100 прибывающих с высшим образованием – 116 чел.

К отрицательным последствиям миграций, в первую очередь ее нелегальных форм, следует также отнести противоправную деятельность определенной части мигрантов, сокращение налоговой базы и отток денежных ресурсов из края; распространение наркотиков, незаконное производство и продажу спиртосодержащих напитков; контрабанду валюты, цветных металлов, фармацевтических средств, животных и птиц; постоянную угрозу обострения санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе.

Кроме того, современные миграции нередко сопровождаются распространением коррупции в данной сфере, ростом межэтнической и межнацио-

нальной конфликтности, вовлечением мигрантов в теневую и криминальную экономику. Но самые большие угрозы исходят сегодня со стороны международного терроризма, использующего миграции как важнейший канал своего распространения¹.

4.3. Межрегиональные и внутрикраевые миграции населения

Традиционно значительная часть внешних для Алтайского края миграций приходится на *межрегиональные перемещения* населения в пределах России. В рассматриваемый период ежегодно в них участвовало от 28 до 52 тыс. человек, а их доля в суммарном межрегиональном и международном миграционном обороте составляла 42-74%. В 1990-е гг., поскольку обмен населением Алтая с территориями Российской Федерации носил более эквивалентный характер по сравнению с другими видами внешних миграций, его роль в формировании миграционного прироста (убыли) была незначительна. Однако начиная с 2001 г. вклад межрегиональных миграций в механическую убыль населения почти непрерывно увеличивался и составил в 2015 г. 8,3 тыс. человек. На протяжении всего изучаемого периода сальдо межрегиональной миграции в абсолютном выражении изменялось от -12 до 3 тыс. человек (рис. 4.5).

Если в миграционном обмене края со странами ближнего и дальнего зарубежья сохраняется благоприятная картина, то в части межрегиональных перемещений населения положение ухудшается. Начиная с 1997 г. здесь отмечается механическая убыль населения. При этом положительный миграционный баланс сохранился лишь с Дальневосточным федеральным округом и с 13 субъектами Российской Федерации, расположенными в других округах. В обмене с регионами СФО край в основном теряет свое население. При этом наибольшая величина миграционных потерь отмечается с Кемеровской и Ново-

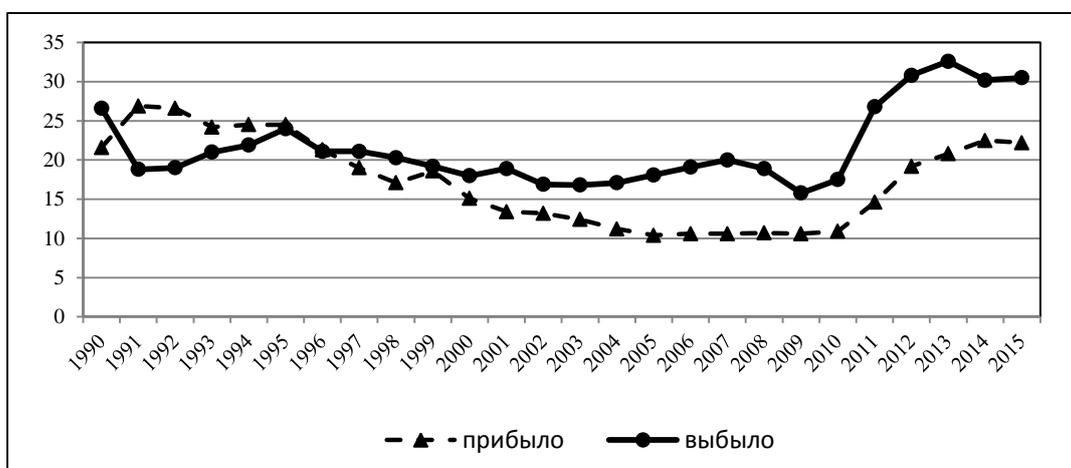
---

¹ Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 65-79.

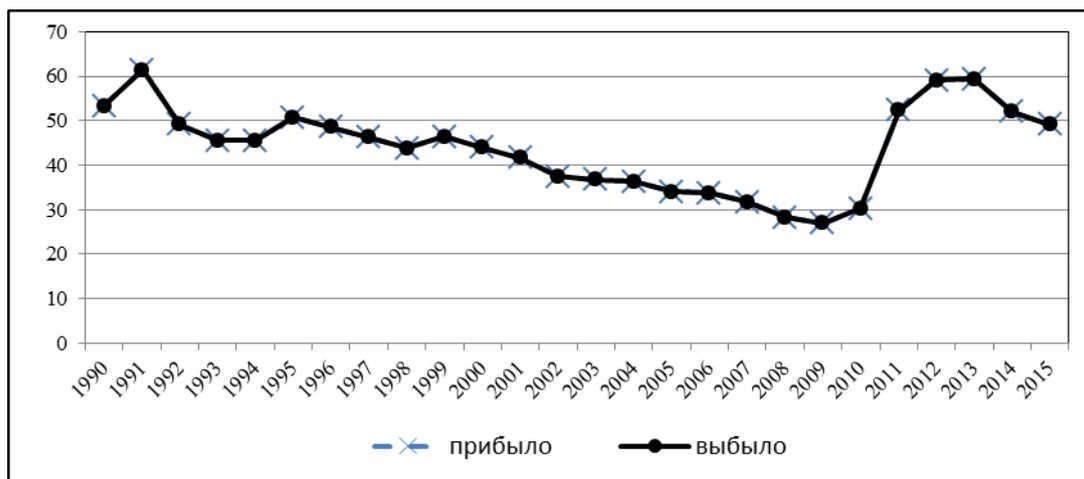
сибирской областями, что вызвано более низким уровнем жизни на Алтае по сравнению с ближайшими соседями.

С целью привлечения в край дополнительных финансовых ресурсов особое внимание следует уделить миграционным связям региона с северо-восточными территориями РФ. Среднегодовой миграционный потенциал этих территорий оценивается почти в 250 тыс. человек. Однако в крае оседает менее 1% от общей численности покидающего эти территории населения.

Межрегиональная миграция

Внутрирегиональная миграция

Источник: данные Росстата

Рис. 4.5. Миграция населения Алтайского края в пределах России,
тыс. человек

В межрегиональных миграциях край теряет наиболее молодое, трудоактивное и образованное население. Вымывание этого слоя приводит к усилению половозрастных диспропорций в структуре населения края, дефициту квалифицированных кадров, сокращению учащихся в сфере образования и призывного контингента.

Во внутрирегиональных миграциях участвует значительная часть населения края (см. рис. 4.5), их удельный вес в валовом миграционном обороте региона – один из самых высоких в Сибирском федеральном округе и составлял в анализируемый период от 47 до 65%. Наиболее существенное влияние на формирование внутрикраевых перемещений населения оказывает миграция сельских жителей, а не городских. Объемы, направления и итоги внутрикраевой миграционной мобильности населения в значительной степени определяются социально-экономическими факторами.

В 1980-е гг. прошлого века весомые средства направлялись на развитие экономики и социальной сферы села, техническое обновление производства, подготовку квалифицированных кадров для сельского хозяйства, повышение денежных доходов сельских жителей. Принятие федеральных законов «О кооперации» и «Об индивидуальной трудовой деятельности», развитие фермерских хозяйств и малых предприятий существенно повысили уровень экономической свободы граждан, открыли новые возможности для обеспечения достойного существования себе и своим родным. Устойчивое социально-экономическое развитие села и институциональные преобразования в российском обществе обеспечили сокращение миграционного оттока из села.

Экономический кризис начала 1990-х гг., проявившийся в аграрном секторе с некоторым временным лагом и в менее напряженной форме, а также недостаток продовольствия в городах вызвали сначала усиление обозначенной выше тенденции в сельско-городской миграции, а затем к ее коренному изменению – преимущественному переезду горожан в сельскую местность (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Сельско-городская миграция и некоторые показатели
социально-экономического развития Алтайского края

Год	Показатели							
	Миграционный прирост населения в пределах края, человек		Объем производства, % к предыдущему году		Среднемесячная зарплата, тыс. руб.		Уровень официальной безработицы, % к трудоспособному населению	
	городские поселения	сельская местность	промышленность	сельское хозяйство	промышленность	сельское хозяйство*	городские поселения	сельская местность
1990	3810	-3810	98,9	87,5	0,304	0,328	-	-
1991	-1010	1010	99,9	97,4	0,6	0,5	0,01	0,05
1992	-4942	4942	84,3	80,4	5,8	3,9	0,4	1,0
1993	-1731	1731	85,1	122,1	48,3	37,5	1,5	0,7
1994	1059	-1059	59,3	75,6	154,7	98,9	2,6	1,3
1995	859	-859	98,7	107,0	354,0	212,0	1,6	3,2
1996	1543	-1543	83,4	95,0	669,6	338,0	2,3	3,6
1997	4381	-4381	92,5	80,0	0,759	0,371	2,0	2,7
1998	2153	-2153	91,5	100,1	0,844	0,392	2,4	2,8
1999	-1137	1137	117,9	103,1	1,406	0,764	1,5	1,8
2000	2502	-2502	108,6	122,1	1,574	0,758	1,5	1,8
2001	1908	-1908	111,2	105,1	2,170	1,096	1,2	1,7
2002	584	-584	100,2	103,6	2,614	1,359	1,8	3,3
2003	1243	-1243	108,4	100,2	3,323	1,573	2,0	3,7
2004	701	-701	103,2	100,3	4,366	1,881	2,1	4,6
2005	-865	865	95,0	91,7	6,270	2,730	2,1	7,8
2006	-314	314	105,4	105,6	7,460	3,600	2,4	7,2
2007	447	-447	110,4	108,5	8,930	4,100	1,6	6,7
2008	481	-481	103,1	94,8	10,457	5,228	1,3	4,2
2009	1710	-1710	92,7	120,2	10,887	6,409	2,4	5,2
2010	4643	-4643	122,0	96,1	12818,8	7445	1,5	4,0
2011	6713	-6713	104,5	102,7	14470,2	9683	1,0	3,4

Год	Показатели							
	Миграционный прирост населения в пределах края, человек		Объем производства, % к предыдущему году		Среднемесячная зарплата, тыс. руб.		Уровень официальной безработицы, % к трудоспособному населению	
	городские поселения	сельская местность	промышленность	сельское хозяйство	промышленность	сельское хозяйство*	городские поселения	сельская местность
2012	6041	-6041	104,4	88,4	16723,4	11190	0,9	3,1
2013	4593	-4593	101,3	122,7	18310,7	13207	0,7	2,6
2014	4160	-4160	98,9	88,7	19323,0	13919	0,7	2,5
2015	2047	-2047	100,1	107,1	20105,7	15717	0,7	2,6

Источник: данные Алтайкрайстата и Управления Алтайского края по труду и занятости населения. Примечание: * с 2005 г. – сельское и лесное хозяйство.

В 1994 г. экономическая ситуация ухудшилась. Ускорился спад производства в сельской экономике, резко возросло неравенство в уровне оплаты труда занятых в сельском хозяйстве и промышленности в пользу последних, невыплаты заработной платы приобрели долговременный характер во всех отраслях экономики, но в аграрном производстве они были более масштабны, напряженность на сельском рынке труда была существенно выше, чем на городском. В силу названных причин восстановилась тенденция преобладающего переезда селян в города.

Финансово-экономический кризис 1998 г. обеспечил новый приток горожан в сельские поселения, однако это явление было кратковременным и охватило один лишь год. Далее процессы урбанизации в сельско-городской миграции возобновились. Однако в 2005-2006 гг. здесь вновь наблюдались атипичные процессы. При этом если экономические показатели развития в сельских поселениях были на уровне или незначительно хуже, чем в городских поселениях, то относительно социальных показателей этого сказать нельзя. Так, в сельской местности среднемесячная заработная плата была в 2 раза ниже, чем

в городах, уровень официально зарегистрированной безработицы в 3 раза выше, а нагрузка незанятого населения на одну вакансию в 16 раз выше. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в механизме сельско-городских миграций происходили изменения, которые не поддаются традиционному объяснению.

В 2015 г. во внутрикраевых миграциях лишь в девяти из пятидесяти девяти сельских районов края и в восьми городах (из десяти) отмечался механический прирост населения, на других же территориях наблюдалась миграционная убыль населения. Заметим, что в Павловском и Петропавловском районах сальдо миграции превысило 200 человек, в Зональном районе – 126 человек. А в остальных – от 5 до 77 человек. Самый большой прирост населения в результате внутрикраевых миграций отмечался в Рубцовске, Новоалтайске и Бийске. Наибольший отток населения наблюдался из Рубцовского, Каменского и Смоленского районов. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в результате внутрикраевых перемещений населения, несмотря на кризисные деформации, по-прежнему происходит его концентрация в городах и их окружающих районах.

В целом в процессе внутрикраевых миграций сокращается численность населения в подавляющем большинстве сельских районов, наблюдаются ускоренные процессы его старения, исчезают человеческие ресурсы для развития сельских территорий и сохранения контроля над ними. Возникающий демографический вакуум может быть заполнен гражданами других государств. Особую опасность депопуляция представляет для слабозаселенных пограничных районов. При этом наблюдается устойчивая во времени закономерность: чем ниже плотность населения в районе, тем выше интенсивность миграционного оттока.

В контексте безопасности особое место занимает изучение миграционных планов и поведения сельской молодежи. По данным социологических опросов, проведенных в 2002-2016 гг., 95% молодых выходцев из села, обучающихся или работающих в городах края, не намерены возвращаться в деревню, и от 50 до 65% молодых сельских жителей планируют уехать из села. Основными причинами формирования миграционных планов у сельской молодежи выступают

отсутствие достойных рабочих мест и желание улучшить свое материальное положение¹.

Согласно прогнозным оценкам Росстата (средний вариант), к 2036 г. численность населения Алтайского края сократится почти на 270 тыс. человек, и примерно треть этого сокращения будет обусловлена миграционной убылью населения. Доля молодежи в последней будет варьировать от 30 до 45% в отдельные годы. По оценкам экспертов, инерционный вариант прогноза демографических событий в регионе наиболее вероятен. При более оптимистических сценариях социально-экономического и демографического развития края возможна стабилизация численности населения и даже небольшой ее прирост к концу 2035 г. При этом число прибывающих в регион и число выбывающих почти сравняется. Однако нельзя исключать и пессимистические варианты, при которых экономический кризис будет усиливаться, а демографические показатели будут ухудшаться. В таблице 4.5 представлены прогнозные оценки миграционной убыли населения по инерционному (среднему) варианту и двум крайним вариантам – оптимистическому и пессимистическому.

Таблица 4.5

Прогноз миграционной убыли населения Алтайского края, человек

Варианты прогноза	2020	2025	2030	2035
Инерционный ¹				
всего	-5194	-4886	-4700	-4639
молодежь	-2649	-2199	-1882	-1802
Оптимистический ²				
всего	-4769	-3532	-1842	-324
молодежь	-2241	-1610	-737	-137
Пессимистический ²				
всего	-6921	-7415	-7743	-8156
молодежь	-3876	-3846	-3097	-3671

Примечание. ¹ оценка Росстата; ² оценка автора.

¹ Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

Итак, в 1990-е гг. миграция являлась единственным способом сохранения демографического и трудового потенциала края. Для нее было характерно преимущественное перемещение населения из Центральной Азии в Алтайский край, появление вынужденных миграций, масштабный выезд немцев в Германию, ухудшение миграционных связей с другими субъектами РФ, возникновение новых видов трудовой миграции. Необычные процессы наблюдались в миграциях между городскими и сельскими поселениями – переселение горожан в село. Значимые изменения произошли в механизме миграций – существенное усиление национально-этнических факторов территориального перемещения населения.

Однако в 2000-е гг. миграция выступает одной из детерминант сокращения численности населения в регионе и источником формирования новых вызовов и угроз. Среди последних особо следует выделить депопуляцию, обезлюдение значительных территорий и их возможное заселение иностранными гражданами; ухудшение социально-демографической структуры населения края в результате неэквивалентного обмена и вымывания наиболее молодого, образованного и активного контингента; повышение конкуренции на рынке труда и вытеснение коренных жителей с рабочих мест; рост экономической преступности, сокращение налоговых поступлений и отток финансовых ресурсов из края; распространение наркотиков, угроза международного терроризма и др. В соответствии с прогнозными оценками миграционная убыль населения сохранится и в долгосрочной перспективе. Все это необходимо учитывать при разработке и реализации стратегий и программ социально-экономического развития приграничных регионов.

Глава 5. ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ДОХОДОВ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Миграционные процессы, как известно, являются результирующей влияния различных социально-экономических процессов, среди которых особое место занимает сфера доходов населения. Рассмотрим, какие изменения произошли в сфере доходов жителей Алтайского края в регионе, где, как нам представляется, во многом проявляются вызовы и угрозы социально-экономическому развитию региона, одним из последствий которых является миграция молодежи, в том числе из сельской местности.

Современные тренды доходов населения России сформировались, как известно, под влиянием не только перехода к рынку в 1990-х гг., но в целом кардинальных перемен в социально-экономической политике, в структуре экономики страны и под воздействием глобальных процессов, в последнее десятилетие в частности – глобального экономического кризиса и усиления внешнеполитического давления на экономику России¹. В регионах действовали также специфические факторы, определяющие конфигурацию трендов доходов и неравенств по ним. Наряду с геополитическими особенностями их развития, особое место в этих процессах занимали такие экономические и политические драйверы, как ресурсная обеспеченность, структура экономики, уровень экономической активности и предпринимательства, действующие в регионе приоритеты государственной федеральной политики и качество регионального менеджмента².

---

¹ См., например: Алиев У.Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. 2014. – № 2 (192). – С. 97-108; Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 384 с.; Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

² См.: Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С. 46-58; Глазырина И.П., Клевакина Е.А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 113-128; Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. – 2017. – № 7. –

Рассмотрим специфику трендов и дифференциации доходов населения Алтайского края с начала 2000-х гг., с выделением периода экономического роста (2001-2007(8) гг.) и на современном этапе (2008(9)-2017 гг.), характеризующимся мощным влиянием внешних экономических и политических вызовов и угроз, новыми акцентами в государственной политике. Для объяснения отдельных процессов и составляющих сферы доходов мы будем обращаться и к 1990-м.

5.1. Динамика доходов населения

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная заработная плата. В годы экономического роста Алтайский край заметно восстановил позиции по доходам населения на фоне регионов России, хотя и не достиг уровня начала реформ (табл. 5.1). В 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей края составил чуть более двух третей аналогичного показателя по России. Среди регионов СФО в этот период Алтайский край характеризовался по-прежнему одним из наименьших значений среднедушевых доходов, хотя разница заметно сократилась (77,4% от доходов жителей регионов СФО в 2008 г.).

Динамика отставания по среднемесячной заработной плате работников организаций Алтайского края от России и СФО имеет в этот период противоположные тренды: если в сравнении с регионами СФО край немного улучшил свои позиции, то в сравнении со страной продолжал проигрывать (уровень относительного показателя упал до 56,3% в 2008 г.). Первое объясняется тем, что за этот период регионы Сибири в целом более значительно ухудшили свои позиции по зарплате, потеряв свои преимущества в сравнении со всеми россиянами.

С. 64-74; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 423 с.

Таблица 5.1

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в 2000-2017 гг., руб. в месяц

	2000	2008	2009	2010	2011	2014	2015	2016	2017
<i>Доходы населения:</i>									
Российская Федерация	2281	14864	16895	18958	20780	27766	30225	30744	31477
Сибирский федеральный округ	1933	12889	13491	15007	16568	21490	23336	23720	...
Алтайский край	1224	9974	9868	11029	12500	18434	21008	21485	22130
<i>Заработная плата:</i>									
Российская Федерация	2223	17290	18638	20952	23369	32495	34030	36709	39144
Сибирский федеральный округ	2270	15381	16606	18658	20890	28347	29616	31569	...
Алтайский край	1365	9732	10872	12051	13823	19456	20090	21202	22732

Источник: Данные Росстата.

Глобальный экономический кризис существенно отразился на падении уровня среднедушевых доходов населения Алтайского края в сравнении с Россией (на 8,7-8,9 п.п. с 2008 г. до 2009-2010 гг.) и регионами СФО в целом (на 3,9-4,3 п.п.). Более того, в 2009 г. произошло даже некоторое абсолютное сокращение доходов (на 1,1 п.п.), что не случилось с доходами жителей других регионов СФО и в стране в целом.

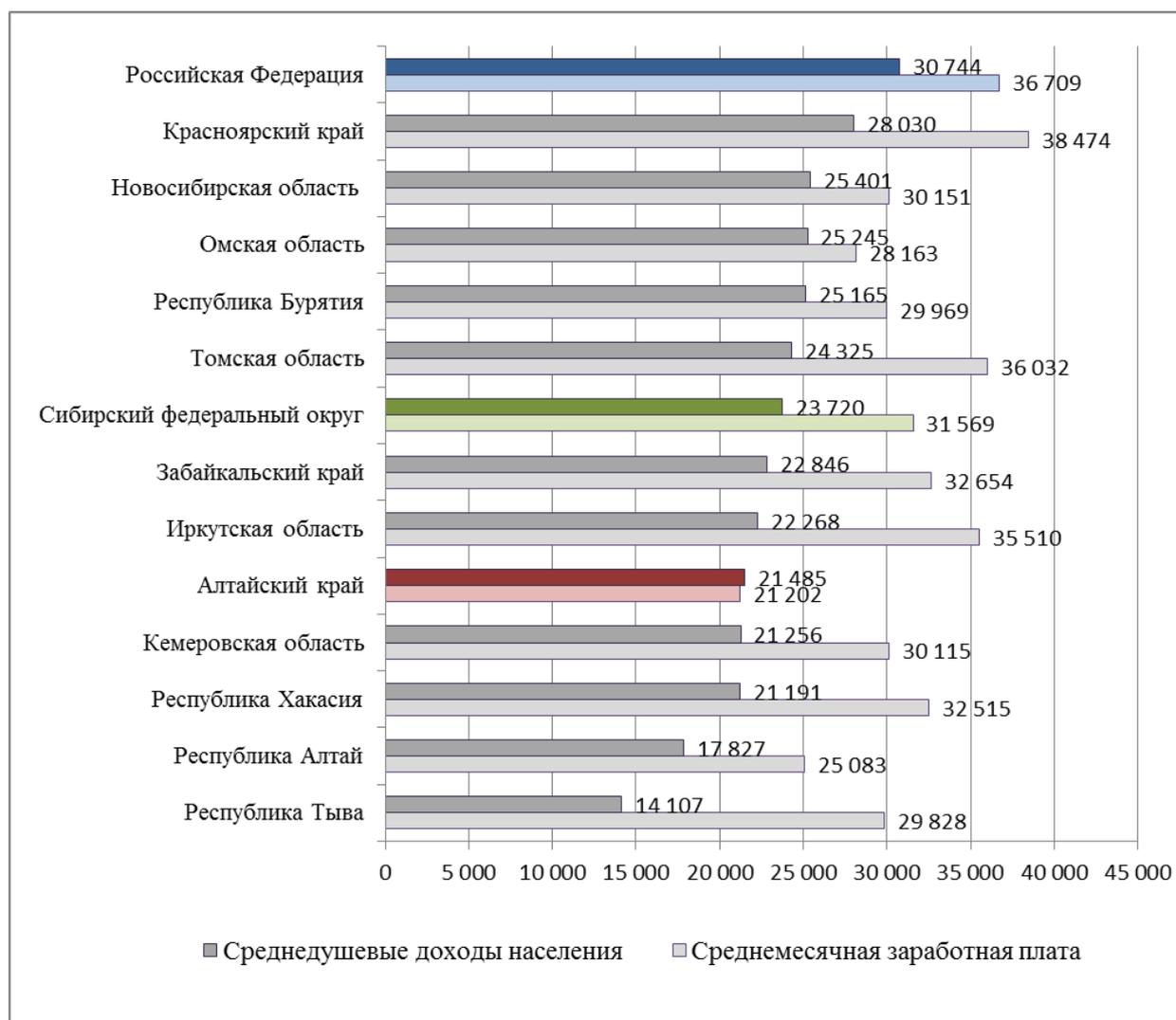
Начиная с 2011 г. Алтайский край компенсировал падение уровня среднедушевых доходов населения, вызванное глобальным экономическим кризисом, более интенсивным восстановительным ростом доходов населения в сравнении с Россией и в еще большей степени – с регионами СФО, что отра-

зилось на сокращении отставания от среднего по России и по СФО (табл. 5.1). За 2011-2017 гг. доходы в крае выросли в 2 раза в сравнении с 1,7 раза в РФ. В целом, несмотря на заметное сокращение с начала 2000-х гг. почти двукратной разницы с Россией и еще более сильное – в сравнении с регионами СФО, масштабы отставания края от России по доходам населения остались значительными¹. За 2011-2017 гг. данное отставание от средней по России сократилось более чем на 12%, с 41,8% до 29,7%. В 2016 г. доходы в крае составляли уже 90,6% от уровня СФО против 73,5% в 2010 г. Позиции края по доходам населения в 2016 г. стали более сильными, чем у четырех регионов СФО (рис. 5.1), тогда как в 2010 г. край опережал по этому показателю только Республику Тыва.

Более весомым сохраняется отставание по зарплате от страны, причем с начала 2000-х гг. его размеры даже слегка увеличились, наблюдалось лишь сокращение различий с СФО (табл. 5.1). В 2016 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций края составляла 57,8% и 67,2% от средних значений по России и регионам СФО соответственно. С начала «нулевых» Алтайский край занимает почти стабильно последнюю позицию в СФО с растущим отставанием по данному показателю от ближайшего соседа республики Алтай (рис. 5.1).

---

¹ Подробнее о данных процессах с начала 1990-х гг. см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 230-235.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.1. Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций России, Сибирского федерального округа и его регионов в 2016 г., руб.

За 2011-2017 гг. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций Алтайского края выросла в 1,9 раза, почти такой же рост данного показателя наблюдался в стране (табл. 5.1). Отставание по зарплате от страны сохраняется более весомым, чем по доходам, причем с начала 2010-х гг. его размеры почти не изменились.

В 2017 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций края составляла 58,1% от средних значений по России (57,5% в 2010 г.).

Наблюдалось некоторое сокращение отставания по данному показателю края от СФО: 67,2% от уровня СФО в 2016 г. против 64,6% в 2010 г.). С начала «нулевых» Алтайский край занимает почти стабильно последнюю позицию в СФО с растущим отставанием по данному показателю от ближайшего соседа республики Алтай, одно из последних в стране.

Реальные доходы населения и реальная заработная плата. В годы экономического роста реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,5 раза, что несколько выше значения аналогичного показателя по стране. Несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей края в этот период, реальные доходы населения накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) составили только чуть более половины от дореформенного уровня.

После значительного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 15,1%) все последующие годы до 2014 г. включительно в крае наблюдался прирост. В 2015-2017 гг. реальные доходы населения в крае «потеряли» от уровня предыдущего года 1,1, 4,8 и 1,5% соответственно, тогда как в России сокращение реальных доходов наблюдалось уже с 2014 г. и его масштабы были в среднем более значительными, отражая последние кризисные явления в экономике. В итоге рост реальных доходов жителей Алтайского края за рассматриваемые 2011-2017 гг. составил 116,4% в сравнении с 2010 г., тогда как в России они даже немного снизились (99,1%). Жители СФО также в среднем потеряли в доходах (99,4% в 2016 г. от уровня 2010 г.).

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов¹. В период экономического роста реальная зарплата в Алтайском крае выросла в 2,5 раза. В 2008 г. реальная зарплата составляла уже более трети от ее дореформенного уровня, что было заметно больше отставания по реальным до-

---

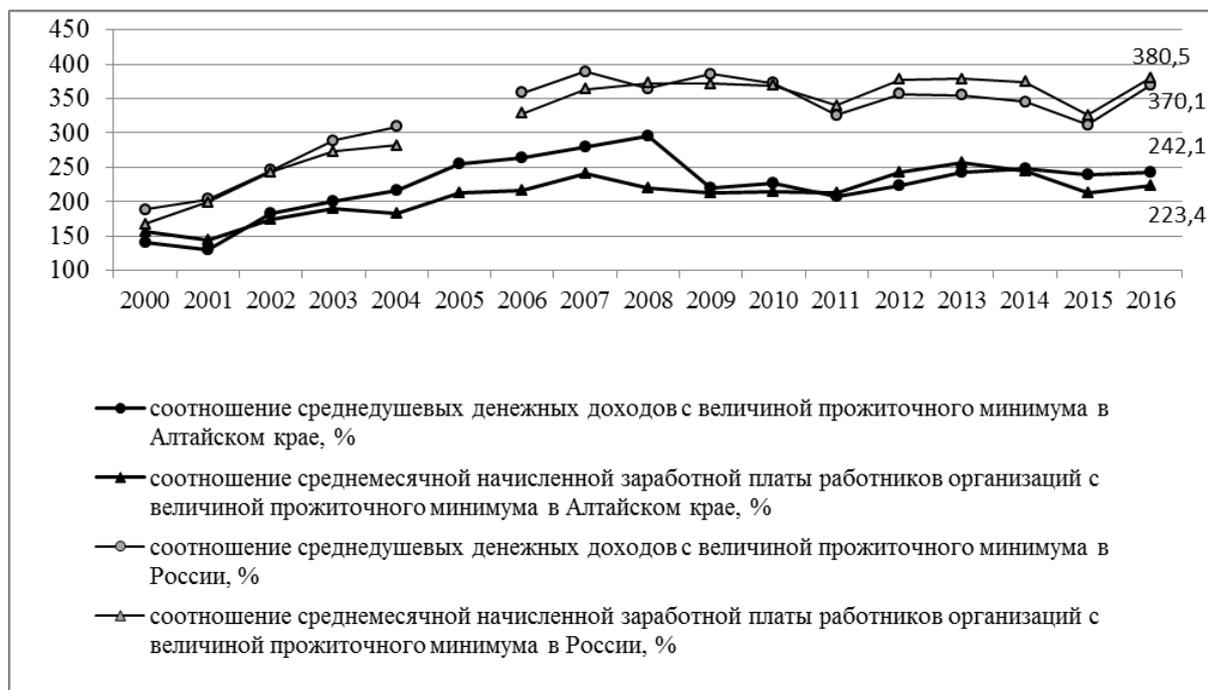
¹ Подробнее о динамике реальных доходов и реальной заработной платы в крае с начала 1990-х гг. см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 235-239.

ходам. В кризисный 2009 г. за счет существенно меньшего падения реальной зарплаты в сравнении с реальными доходами нарастающие весь предшествующий период различия в их позициях значительно сократились.

В 2011-2013 гг. реальная зарплата в крае ежегодно прирастала темпами выше среднего по стране и регионам СФО, но кризисные явления в экономике последних лет проявились в Алтайском крае более существенно. В 2014-2016 гг. годовая реальная зарплата в крае сокращалась, особенно значительно в 2015 г. (на 10%), и лишь в 2017 г. вновь наблюдался ее рост (103,5%), тогда как в России только в 2015 г. зафиксировано ее падение. Но в целом с начала 2010-х гг. реальная зарплата в Алтайском крае выросла чуть более значительно, чем в стране: на 12,8% против 11,2%.

Соотношение среднедушевых доходов и среднемесячной зарплаты с величиной прожиточного минимума. Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной зарплаты работников организаций с величиной прожиточного минимума (ПРМ) соответствующих социально-демографических групп более чувствительно отражает изменения уровня жизни, покупательной способности населения в сравнении с трендами реальных доходов и заработной платы.

В годы экономического роста величины соотношения доходов населения и заработной платы работников с ПРМ в России значительно увеличились. Более чем двукратный рост был достигнут по обоим показателям в 2007 г., приблизившись к четырем бюджетам ПРМ (3,9 и 3,64 соответственно). Покупательная способность доходов и заработной платы жителей края в 2010-х гг. «ведет себя» неустойчиво (рис. 5.2).

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.2. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2000-2016 гг.¹

В этот период сокращение доходов и заработной платы по отношению к ПРМ происходило дважды, причем в отличие от доходов, которые падали в 2011 г. (как отголосок глобального экономического кризиса 2008-2009 гг.) и в 2015 г., падение заработной платы происходило еще в 2014 г. Вместе с тем в те годы снижение покупательной способности доходов и заработной платы в крае было менее глубоким, чем в стране.

В целом же за 2011-2016 гг. показатели покупательной способности доходов жителей края выросли на 14,9 п.п. (достигнув 2,42 бюджета ПРМ), заработной платы – на 9,5 п.п. от своей величины (до 2,23 бюджета ПРМ). В итоге

¹ На основании Федерального закона от 24.10.97 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума. С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума рассчитано для населения трудоспособного возраста.

отставание по этим показателям (особенно по доходам) от России в целом сократилось: в 2016 г. покупательная способность доходов жителей края составляла 65,4% от аналогичного показателя по стране (против 61% в 2010 г.), а заработной платы – 58,7% (58% в 2010 г.).

5.2. Особенности динамики заработной платы как фактора миграции

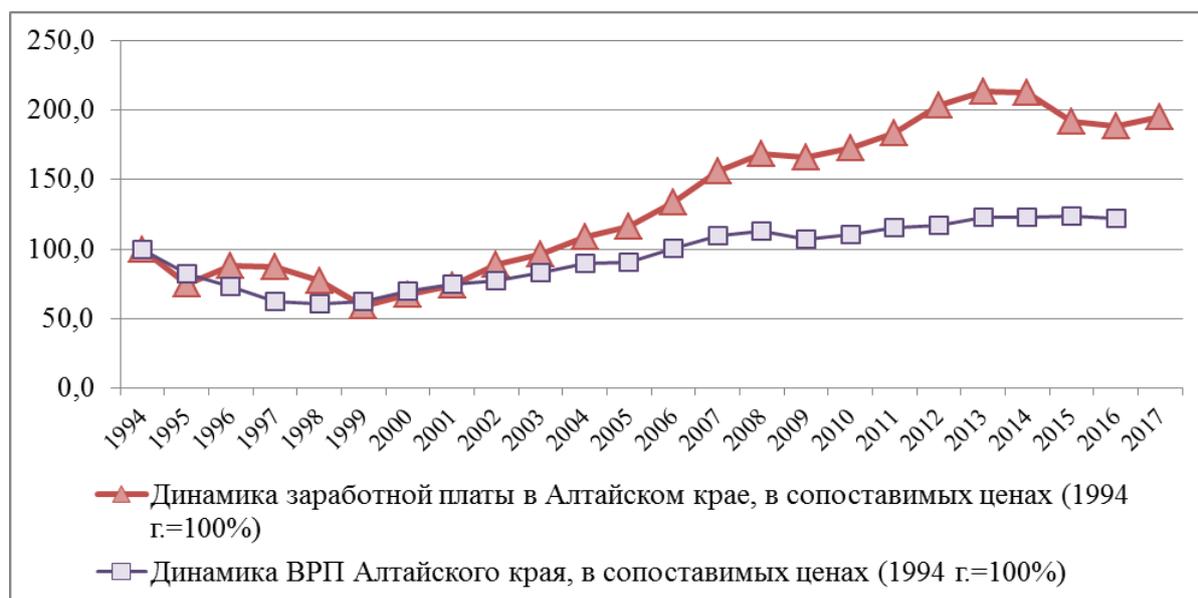
Заработная плата и инфляция. Заработная плата является одним из ключевых факторов, позволяющих сосредоточить наемную рабочую силу на определенной территории. Объективной тенденцией является перемещение рабочей силы из регионов с низкой оплатой наемного труда в регионы, где тот же самый труд оплачивается в большем объеме. Применительно к Алтайскому краю получаемые доходы населения, в том числе в форме оплаты труда, даже в кризисный период начала 1990-х гг. не способствовали формированию массовых эмиграционных потоков ввиду низкой покупательной способности получаемых денежных средств. Особенность развития экономики Алтайского края проявляется в том, что падение покупательной способности оплаты труда в 1990-х гг. не была восполнена в последующие годы. Темпы роста оплаты труда, превосходящие уровень цен в 1996-1997 гг., 1999-2013 гг. и 2017 г., не компенсировали произошедшее обесценение средней заработной платы в 1991-1993 гг.

Период экономического роста в 2000-2007 гг. способствовал ежегодному увеличению средней номинальной заработной платы в регионе. И даже воздействие на экономику региона глобального кризиса в 2008 г. не отразилось на положительном тренде заработной платы. В 2000-2008 гг. рост заработной платы существенно опережал рост потребительских цен: 29% против 14% в среднем за этот период.

Реальная заработная плата и валовой региональный продукт. Сравнительный анализ роста валового регионального продукта и реальной заработной платы в Алтайском крае показал, что темпы роста последней превосходили темпы роста первого. Анализ динамики оплаты труда в Алтайском крае показал, что в первом десятилетии экономических преобразований (до 2000 г.) происходило падение реального уровня средней заработной платы в регионе. Ис-

ключением является рост реальной заработной платы на 42 п.п. в 1996 г. в сравнении с 1995 г. В последующие же три года темпы ее падения привели к снижению реальной заработной платы до 59% от уровня 1994 г.

В начале 2000-х гг. на фоне наметившейся стабилизации российской экономики в Алтайском крае, как уже отмечалось ранее, стали формироваться тенденции роста реальной заработной платы. С 2000 по 2012 гг. ежегодные темпы роста реальной заработной платы были больше, чем темпы роста ВРП в регионе (рис. 5.3). В 2013-2014 гг. данные тенденции изменились: в 2013 г. прирост реальной заработной платы был равен приросту ВРП¹, но уже в 2014 г. снижение реальной заработной платы на 0,1% от уровня предыдущего года происходило на фоне прироста валового продукта (0,4%). В 2015-2016 гг. экономическая ситуация в регионе, судя по данным показателям, ухудшилась, что выразилось в замедлении темпов роста валового регионального продукта и падении заработной платы.

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Рис. 5.3. Динамика ВРП и заработной платы в Алтайском крае в сопоставимых ценах (1994 = 100%)

¹ Особенностью российской экономики в 2013 г. было превышение темпов роста заработной платы над темпами роста ВВП. См. подробнее: Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 12.

Особенности отраслевых сдвигов заработной платы. Несмотря на происходящие в отдельные периоды положительные изменения в динамике средней заработной платы, в ряде ведущих отраслей экономики Алтайского края ее величина оставалась ниже среднего значения по экономике региона. Так, в 2015 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата занятых в промышленности, сельском хозяйстве и других ведущих видах экономической деятельности для экономики, была ниже средней по региону¹. В сельском хозяйстве, одной из ведущих отраслей специализации региона, на протяжении всего анализируемого периода заработная плата оставалась ниже средней по региону (за исключением 1990 г.) В 1992-1998 гг. заработная плата в данной отрасли снизилась до 56% от средней по экономике региона.

В 1999-2008 гг. средняя заработная плата в ряде ведущих отраслей в сравнении со средним значением по региону в целом сохранила сформированные в предыдущем периоде пропорции. Так, в 2005 г. заработная плата в сельском хозяйстве составила уже 50,3% от средней по экономике региона. Для сравнения: сферами экономической деятельности, сохраняющими высокий уровень заработной платы относительно среднего значения по региону, являются государственное управление и финансовая деятельность. В 1999-2007 гг. средняя заработная плата работников сферы государственного управления составляла 155-178% от средней по краю, в сфере финансовой деятельности – превосходила в 2,5-3,5 раза.

Несмотря на мировой экономический кризис 2008-2009 гг. в отдельных отраслях экономики региона средняя заработная плата продолжала расти. Так, при снижении заработной платы в строительстве (на 16,4 п.п.), сфере финансов (53 п.п.) и торговли (5,4 п.п.) в сравнении с 2007 г. рост заработной платы в сельском хозяйстве относительно среднего значения по региону составил 9,3 п.п., что может говорить об особой природе развития данной отрасли, некотором отставании влияния на нее глобальных экономических процессов.

Этап восстановления экономики в 2010-2011 гг. и ее стагнации в 2012-2014 гг. в целом положительно сказался на росте заработной платы в ведущих

---

¹ Алтайский край в цифрах. 2011-2015: крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2016. – С. 54.

отраслях экономики Алтайского края, в том числе и в сельском хозяйстве. Так, в 2012-2013 гг. средняя заработная плата занятых в сельском хозяйстве увеличилась до 73% от средней по региону. В 2015-2017 г. данная тенденция сохранилась. В 2017 г. среднемесячная номинальная оплата труда в сельском хозяйстве достигла уже 80,3% от средней по региону¹.

Позитивная динамика заработной платы в сельском хозяйстве, сокращение ее отставания от средней по экономике региона, безусловно, имеет особое значение для развития сельской экономики Алтайского края, является ее отражением. Вместе с тем необходимо учитывать, что средняя заработная плата в экономике региона является одной из самых низких в стране и что в сельском хозяйстве пока еще сохраняется почти 20% отставание от средней. Это формирует дополнительные вызовы для развития села, поскольку занятые в сельском хозяйстве имеют ограниченные возможности не только для получения дополнительного образования и повышения квалификации, но и в целом для воспроизводства своей рабочей силы. Кроме того, падает мотивация к труду, росту производительности труда. Данные обстоятельства являются основанием для формирования миграционных потоков рабочей силы из Алтайского края в регионы с более высоким уровнем оплаты труда.

5.3. Дифференциация населения по доходам

Сдвиги в неравенстве населения по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили в России процесс дифференциации 1990-х гг., напротив, придав ему характер устойчивой тенденции². В этот период различия в денежных доходах крайних децильных групп в Алтайском крае постепенно вы-

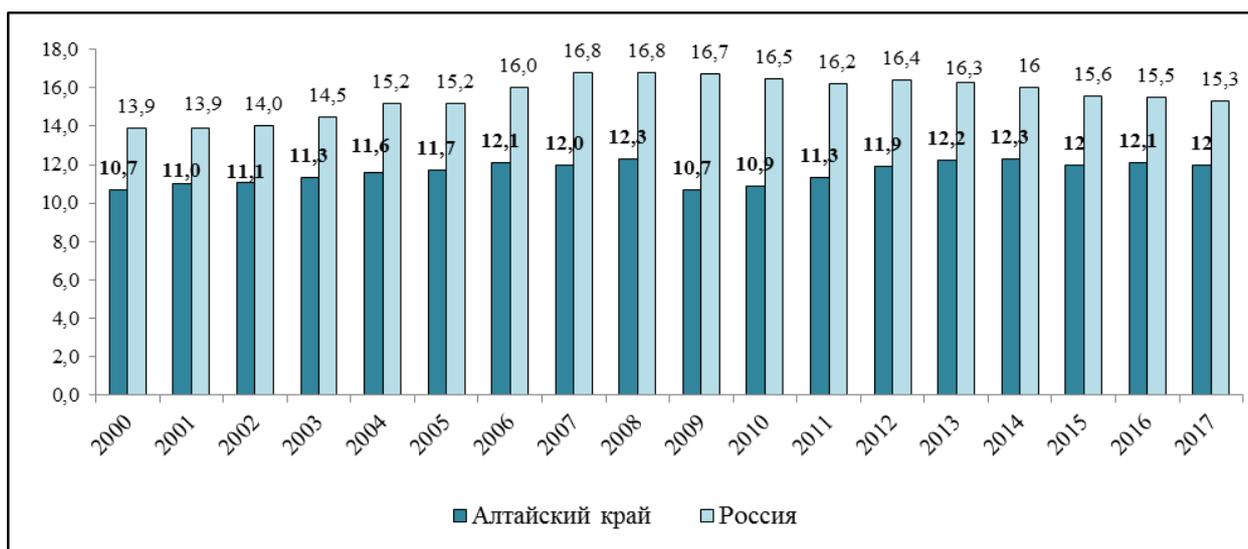
---

¹ Рассчитано с использованием: Алтайский край в цифрах. 2013-2017: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2018. – С. 44.

² См.: Богомолова Т.Ю. Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990-2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108–120; Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68-81; Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.

росли с 10,7 раз в 2000 г. до 12,3 раз в 2008 г. (рис. 5.4). Лишь под влиянием глобального кризиса в 2009 г. коэффициент фондов вернулся на прежние позиции.

Период 2011-2014 гг. характеризовался продолжением восстановления прежних максимальных масштабов дифференциации, измеряемой по децильному коэффициенту, которые были достигнуты накануне глобального кризиса: 12,3 раза в 2008 и 2014 гг. (рис. 5.4)¹. В 2015 г. этот показатель в регионе, как и в стране, отразил процессы небольшого сокращения неравенства вследствие кризисных явлений в экономике, и в целом за 2016-2017 гг. эти значения не изменились (12 раз). Дифференциация доходов населения по данному показателю в Алтайском крае заметно меньше аналогичной в стране, но за 2011-2017 гг. разница в дифференциации между Россией и Алтайским краем сократилась до минимальных размеров за последние более чем десять лет – менее чем 1,3 раза.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.4. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в России и Алтайском крае в 2000-2017 гг., раз

¹ Подробнее о динамике неравенства в Алтайском крае в сравнении с Россией с начала 1990-х гг. см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 241-246; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 239-255.

Динамика коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) соответствует обозначенным выше тенденциям децильного коэффициента (рис. 5.5). Рост показателя в годы экономического роста завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 12,2 п.п. ниже российского уровня. Глобальный экономический кризис также развернул на один год кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (36%), а затем в период 2010-2014 гг. вернул тенденцию к социальному расслоению вспять.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.5. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 2000-2017 гг., %

Результатом восстановленной (после глобального кризиса) тенденции данного коэффициента в 2010-2014 гг. стала вновь максимальная величина неравенства по доходам населения за последние почти 20 лет (38% в 2014 г.). Экономический кризис в 2015 г. слегка «пошатнул» растущий тренд социального расслоения (37,5). В 2016-2017 гг. наблюдались лишь незначительные колебания. В целом же за 2011-2017 гг. данный показатель вырос на 1,4 п.п.

(на 3,9%, тогда как в стране сократился на 2,6%) и достиг уровня лишь на 3,4 п.п. ниже российского уровня.

Динамика бедности. Экономический рост в 2000-х и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины десятилетия привели к кардинальному сокращению масштабов бедности в стране¹. В Алтайском крае эти годы также характеризуются устойчивым сокращением бедности (рис. 5.6)². Уровень бедности сократился почти в три раза с начала тысячелетия, до 19,0% в 2008 г. (на 4 п.п. ниже уровня 1993 г.). К началу глобального экономического кризиса разрыв с российским уровнем составлял 1,4 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза). Глобальный кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 5,4 п.п., достигнув 24,4%.

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.6. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2000-2017 гг., %

¹ См., например: Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010; Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

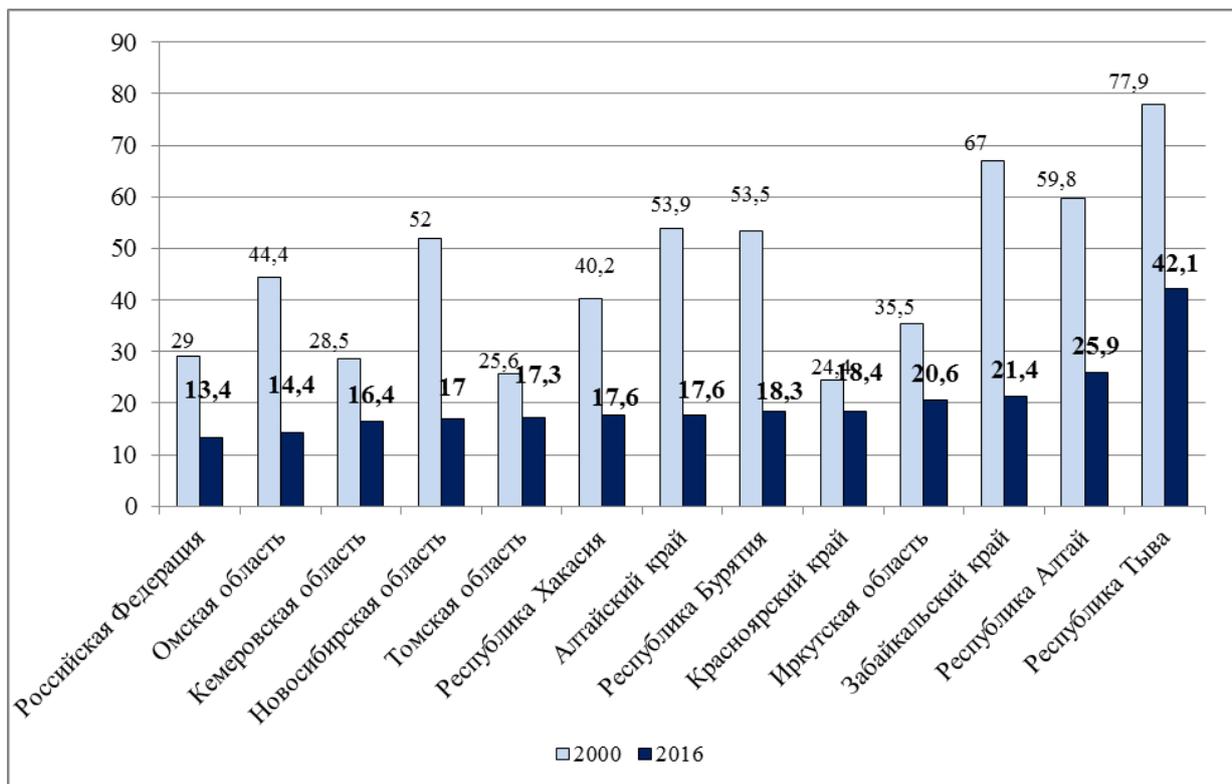
² Подробнее о динамике бедности в Алтайском крае с начала 1990-х гг. см., например: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 239-241.

За первые шесть лет в 2010-х гг. бедность в крае сократилась на 26,4% (с 23,9% в 2010 г. до 17,6% в 2016 г.), тогда как в России в целом, напротив, выросла на 5,6%. Причем сокращение бедности в крае происходило на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением 2015 г. В тот кризисный год бедность в регионе выросла на 5% (до 17,9%), тогда как в стране почти на 19% (до 13,3%). В целом за 2011-2016 гг. бедность сократилась на 36%, тогда как в стране – на 6%. В 2016 г. масштабы бедности в регионе уже только в 1,3 раза превышали российские в сравнении с почти двукратной разницей в 2010 г.

На фоне регионов СФО Алтайский край вместе с Республикой Хакасия занимали в 2016 г. пятую и шестую позиции от наименьшего уровня бедности (в сравнении с предпоследней 12-й позицией края в 2010 г.); соответственно население шести сибирских регионов живет беднее жителей края (рис. 5.7). В сравнении с 2015 г., когда население всех 12 регионов Сибирского федерального округа стало беднее, в 2016 г. продолжали беднеть жители только семи регионов, в остальных пяти, наряду с Алтайским краем, – бедность сократилась.

* * *

Итак, анализ динамики и дифференциации доходов населения в Алтайском крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2000-х гг. показал, что после кардинального снижения реальных доходов в 1990-х гг. край отличался более значительным увеличением реальных доходов и оплаты труда в период экономического роста, имеющим восстановительный характер, и гораздо более чувствительной реакцией на кризисный 2009 г. С начала 2010-х гг. выявлен ряд позитивных трендов:

Источник: Данные Росстата.

Рис. 5.7. Доля населения регионов Сибирского федерального округа и России с доходами ниже прожиточного минимума в 2000 и 2016 гг., %

- более интенсивный, чем в стране в целом, рост среднедушевых доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций края, что привело к сокращению отставания от среднероссийского уровня и усилению позиций в СФО по данным показателям;

- увеличение реальных доходов, тогда как в России в целом они даже сократились, и более значительный рост реальной заработной платы в сравнении со страной;

- чуть более существенное (чем в стране) увеличение соотношений среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной зарплаты с величиной прожиточного минимума и, как следствие, небольшое сокращение отставания по данным показателям от России;

- сохранение более низких показателей неравенств по доходам в сравнении со страной, значительное сокращение (почти на треть) масштабов бедности

при незначительном уменьшении ее размеров в стране, существенное улучшение позиций по данному показателю на фоне регионов СФО.

Вместе с тем вызовами для края остаются значительные масштабы отставания от России по доходам (более чем на четверть в 2017 г.) и по ее соотношению с прожиточным минимумом. Особенно угрожающими являются отставание от страны в целом по заработной плате (более чем на 40%), ее негативная динамика в соотношении с прожиточным минимумом с начала 2010-х гг., стабильно последняя позиция по зарплате в СФО и предпоследняя в стране. Обращает на себя особое внимание также продолжающийся в текущем десятилетии рост неравенств по доходам в крае (по децильному коэффициенту и коэффициенту Джини), что «идет вразрез» российским трендам их сокращения. Результатом этого является значительное уменьшение отставания по неравенствам от России, выход на близкие масштабы дифференциации по доходам. Кроме того, в крае остается еще высоким уровень бедности (17,6%), почти на треть выше среднероссийского показателя.

В условиях роста социально-экономической мобильности населения все это приводит к росту миграционного оттока экономически активной части жителей края, особенно молодежи. Несмотря на существенное сокращение отставания заработной платы в сельском хозяйстве от средней по экономике края, оно составляет 20%, что способствует оттоку сельского населения.

Все эти вызовы и угрозы устойчивому социально-экономическому развитию региона, сконцентрированные в сфере доходов его жителей, должны стать объектами особого внимания для органов государственного управления. При этом следует учитывать ограниченные возможности государственной статистики в измерении доходов населения, процессов бедности и неравенств по доходам. И, кроме того, необходимо принимать во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе почти полуторакратное отставание российских сельских домохозяйств от городских¹.

---

¹ Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 247-255, 315-331; Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы

Глава 6. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА С НАЧАЛА 2000-х гг.

Рассмотрим, какие сдвиги произошли в социально-экономическом развитии села в Алтайском крае с начала 2000-х гг., факторы, способствовавшие этому, и какова в целом социальная среда таких перемен, в том числе отношение молодежи к происходящим изменениям.

6.1. Рейтинг проблем социально-экономического развития села

Об изменениях в социально-экономическом развитии села свидетельствуют сдвиги в рейтинге его ключевых проблем. Накануне глобального экономического кризиса в 2008 г. сельские жители среди основных проблем видели прежде всего безработицу и низкую зарплату (58% и 46% респондентов) – рис. 6.1. В сравнении с началом 2000-х гг. больше стали беспокоить проблемы благоустройства сел (58%) и миграции молодежи (36%), а также впервые алкоголизм был осознан как острейшая проблема (41%).

Более остро почувствовались снижение доступности услуг здравоохранения (25%), а также жилищные и коммунальные проблемы (22%). К этому времени изношенность сельского жилфонда составила около 70%, менее 60% жилплощади были оборудованы водопроводом, около 40% – канализацией и только 5% – горячей водой. Кардинальное сокращение сельской сети медицинских учреждений, сопровождаемое вместе с тем ростом обеспеченности медицинскими кадрами и улучшением диагностики, отразилось на зафиксированном статистикой росте заболеваемости в селах края с середины 1990-х гг. до 2008 г. почти в полтора раза.

В 2013 г. безработица и низкая зарплата сохранили лидерство (54 и 52%). В первую тройку вызовов впервые вошла миграция молодежи из села (30%). Близкие к ней оценки получили также жилье, здравоохранение и алкоголизм (28-29%), причем рейтинг алкоголизма заметно упал.

и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 80-125.

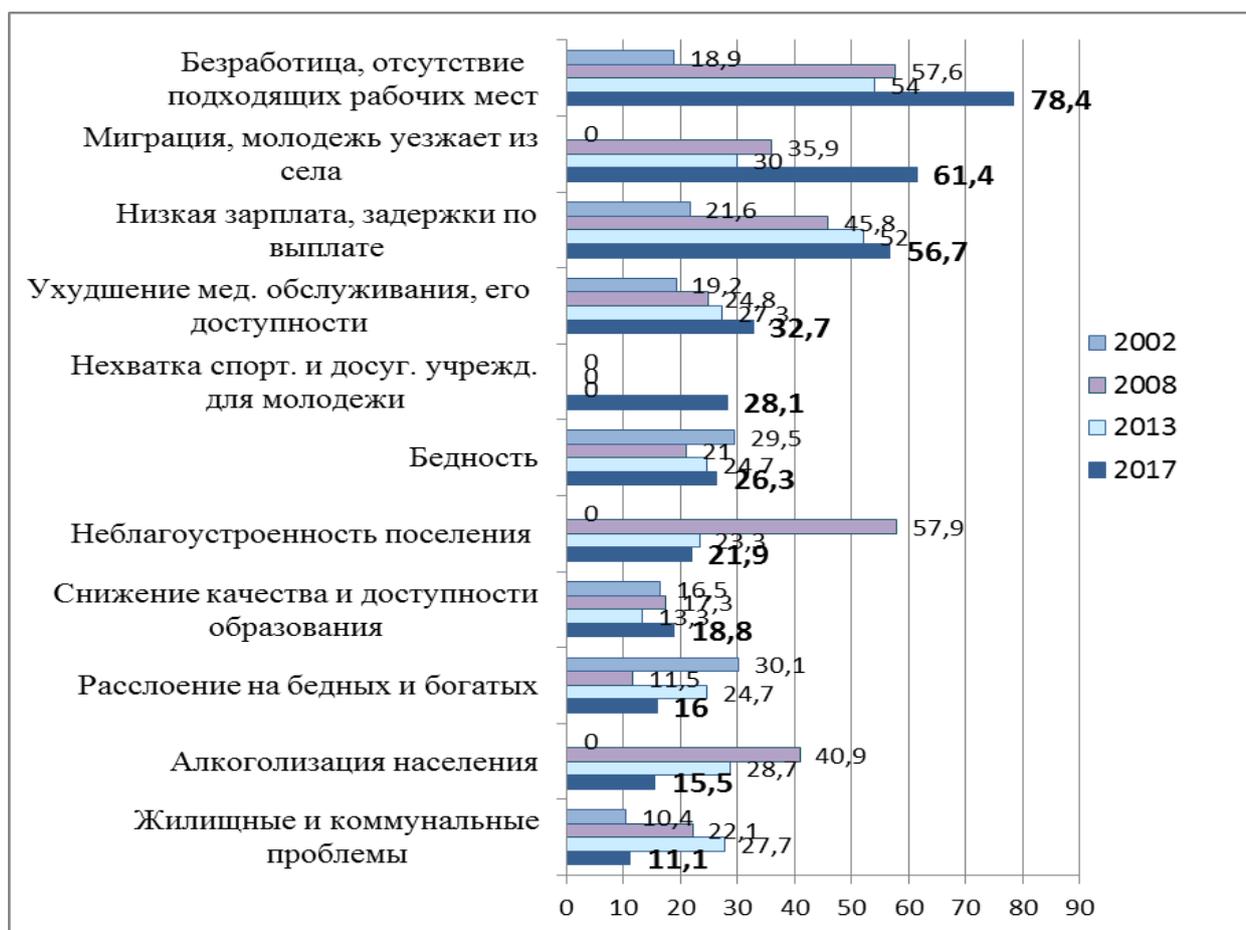

Рис. 6.1. Оценка сельскими жителями наиболее острых социально-экономических проблем в развитии села в 2002, 2008, 2013 и 2017 гг., % к массиву респондентов¹

По оценкам сельских жителей, в 2017 г. тройка наиболее значимых вызовов социально-экономическому развитию села не изменилась (см. рис. 6.1), но существенно вырос рейтинг безработицы (более 78%), а миграция заняла уже второе место, опередив низкую заработную плату (61% против 57%). Значительно больший вес набрала проблема ухудшения качества и доступности медицинского обслуживания (33%). Близкие масштабы остроты у проблемы нехватки спортивных и досуговых учреждений для молодежи (28%). Каждый четвертый сельский жителей выделил низкий размер пенсий и социальных пособий и бедность. Причем рейтинг проблемы бедности почти не изменился, не-

¹ Результаты по 2017 г. получены по совокупным данным двух квотных выборочных опросов: сельской молодежи и сельских жителей трудоспособного возраста 30 лет и старше.

смотря на последние кризисные годы. И еще меньше стали беспокоить селян различия между бедными и богатыми (16% против 25% в 2013 г.). Практически не изменилась оценка остроты неблагоустроенности поселения (22%). Почти каждого пятого сельского жителя (19%) беспокоит снижение доступности и качества школьного и профессионального образования.

Более чем в два раза снизилась оценка остроты жилищных и коммунальных проблем (с 28 до 11%), что может свидетельствовать об улучшении ситуации в данной сфере. Такие же оценки получили и проблемы качества и доступности дошкольного образования, транспортной доступности городов.

Обращает на себя внимание резкое падение рейтинга проблемы алкоголизма сельского населения, которую еще лет десять назад относили к наиболее сильным угрозам развитию села (с 41% в 2008 г. до 29% в 2003 г. и до 16% в 2017 г.). Хотя при этом чуть больший вес набрала наркомания (почти 7%).

Расстановка лидирующих проблем села в рейтинге *молодежи* (по опросу 2017 г.) довольно близка к рейтингу *сельских жителей более старшего трудоспособного возраста*, но на первое место молодежь подняла миграцию из села (68% против 52%), тогда как вторые – низкую заработную плату, ее несоответствие трудовым затратам работников (55%). Чуть выше молодежь оценивает остроту проблемы нехватки молодежных досуговых учреждений (34% против 22%) и алкоголизма (18% против 12%), но при этом у них, например, ниже оценки проблем качества или доступности медицинского обслуживания (31% против 36%), неблагоустроенности поселения (17% против 29%).

Представители местной власти и сельские предприниматели в последние годы именно миграции молодежи отдают первое место среди социальных проблем села, подчеркивая, что это уже привело к значительной нехватке квалифицированных работников. По данным опроса 2017 г. оценки *экспертов-руководителей органов местного самоуправления* в целом соответствуют мнению сельских жителей (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Степень остроты социально-экономических проблем села по оценкам руководителей органов местного самоуправления в 2017 г., баллов¹

	Наиболее острая	Одна из самых важных	Незначительная
Миграция молодежи из села	4	3	1
Нехватка квалифицированных работников	3	4	2
Низкий уровень заработной платы	3	4	1
Неблагоустроенность поселения:			
<i>освещенность</i>	3	3	3
<i>качество дорог</i>	2	3	3
<i>отсутствие газификации</i>	2	3	3
Ухудшение качества, доступности медицинского обслуживания	2 2	3 3	3 3
Сокращение численности селян из-за высокой смертности и низкой рождаемости	2	2	4
Снижение доступности и качества профессионального образования	2	2	3
Низкий уровень жизни, бедность населения и ее распространение	2	4	3
Нехватка досуговых учреждений для молодежи	2	2	4
Алкоголизм	2	2	4
Нехватка спортивных учреждений	2	2	4
Низкий размер пенсий и социальных пособий	1	4	2
Различия между бедными и богатыми и их рост	1	3	4
Задержки по оплате труда	1	2	4
Школьное образование:			
снижение <i>доступности</i>	1	3	4
снижение <i>качества</i>	1	2	4
Безработица, нехватка подходящих рабочих	1	4	2
Жилищные и коммунальные проблемы	1	4	3
Низкие качество и доступность дошкольного образования	1	2	4
Рост преступности	1	2	5
Наркомания	1	2	5

¹ 5 баллов – более 75% ответов экспертов; 4 – от 51 до 75%; 3 – от 31 до 50%; 2 – от 16 до 30%; 1 балл – от 1 до 15% ответов.

Помимо миграции молодежи и нехватки квалифицированных работников, первую пятерку вызовов социально-экономическому развитию села образуют, по их мнению, низкая заработная плата, неблагоустроенность поселения (имеются в виду в первую очередь проблемы освещенности и газификации поселений, качества дорог), а также ухудшение качества и доступности медицинского обслуживания. Для сравнения: в 2013 г. в первую пятерку вызовов развитию села, по оценкам представителей местной власти, входили помимо миграции молодежи, низкой заработной платы и сокращения доступности медицинских услуг, также безработица и коммунальные проблемы.

По мнению более чем двух третей представителей *сельского бизнеса*, принявших участие в опросе 2017 г., миграция молодежи сегодня представляет самую большую проблему для социального развития села. Причем в ближайшие 2-3 года, по их оценке, масштабы невозвратной миграции сельской молодежи усилятся (это подчеркивают около трети экспертов) либо останутся столь же масштабными. Лишь четверо опрошенных предпринимателей прогнозируют сокращение такой миграции.

Второе и третье место в рейтинге социальных проблем села, по оценкам представителей сельского бизнеса, занимает безработица (отсутствие подходящих рабочих мест) и низкий уровень заработной платы, ее несоответствие трудовым затратам работников (так считает более половины опрошенных экспертов), что и провоцирует рост миграции. В следующую тройку лидеров социальных проблем села вошли ухудшение качества и доступности медицинского обслуживания (по оценке более трети представителей сельского бизнеса), а также низкий размер пенсий и социальных пособий и неблагоустроенность поселения (плохая освещенность улиц, дороги низкого качества), что отмечает почти каждый третий респондент. Топ-десятку социальных проблем села замыкают нехватка спортивных и досуговых учреждений для молодежи, алкоголизм (что отмечает каждый четвертый эксперт), а также коммунальные проблемы (отсутствие газоснабжения, водопровода и др.), бедность и ее распространение (каждый пятый).

Обращают на себя внимание и растущие рейтинги проблемы наркомании (так считает каждый шестой сельский предприниматель), снижения доступности и качества школьного и профессионального образования (каждые восьмой и десятый). По мнению представителей сельского бизнеса за последние 3-4 года на селе снизились возможности получения профобразования, трудоустройства, улучшения жилищных условий, обеспеченность и качество спортивных и досуговых учреждений для молодежи, ухудшилось качество и доступность услуг здравоохранения, благоустройство поселений, выросли бедность и различия между бедными и богатыми, алкоголизм, и как следствие, значительно усилилась миграция молодежи из села (негативных оценок вдвое больше, чем позитивных – 40% против 20%). Среди позитивных трендов в социальном развитии села выделяется только улучшение ситуации в сфере розничной торговли и общественного питания.

6.2. Особенности перемен в социально-экономической сфере села

Социально-экономические изменения на селе и их факторы. Сельские жители связывают социально-экономические преобразования на селе прежде всего с внедрением новых технологий в сельском хозяйстве и других отраслях экономики, распространением мобильной связи и Интернета (рис. 6.2)¹. Со второй половины «нулевых», особенно с начала 2010-х гг., во многом благодаря реализации госпрограмм поддержки социально-экономического развития села и занятости на селе появились новые возможности в создании малых форм предпринимательства (активно открывались пекарни, кафе, парикмахерские, транспортные, торговые и другие организации, оказывающие услуги населению, действовала программа поддержки молодых предпринимателей, в том числе фермеров). Несмотря на это, создание квалифицированных рабочих мест по-прежнему признается слабым звеном, преобладают низкоквалифицированные и малооплачиваемые рабочие места, что выталкивает молодежь из села. Причем в кризисные 2015-2016 гг. реализация данных программ снизилась.

---

¹ По данным опроса 2013 г. и материалам экспедиций 2013-2015 гг.

Со второй половины 2000-х гг. в селе изменения в образовании и здравоохранении были связаны с обновлением материально-технической базы и применением новых технологий, хотя происходили они точечно и несистемно¹. В отдельных селах, районах появились новое медицинское и школьное оборудование, компьютерные классы, Интернет, повысилась оплата труда медицинских работников и учителей. Возможность медицинской диагностики и первичной медицинской помощи сельских жителей с 2011 г. осуществляется с помощью «Автопоезда «Здоровье» в соответствии с установленным графиком, что особенно актуально для жителей небольших удаленных сел, не имеющих необходимой кадровой и материальной базы.

Рис. 6.2. Социально-экономические изменения в развитии села в 2008-2013 гг. (по мнению сельских жителей), %

¹ Подробнее см.: Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – 296 с.; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 160-172.

В 2010-х гг. при поддержке федеральных и региональных программ позитивные перемены в состоянии объектов сельской социальной инфраструктуры произошли более активно: отремонтировано значительное количество школ, клубов и других социальных учреждений, повысилось качество региональных и муниципальных дорог, заметно увеличился ввод детских садов, спортивных сооружений, жилья. Так, по данным Алтайкрайстата, на конец 2017 г. на 100 мест в дошкольных образовательных организациях сельской местности приходилось всего 95 детей в отличие от сохраняющихся проблем такой обеспеченности в городах (108). Село восстановило одно из своих недавно утраченных преимуществ — более высокую, чем в городе, обеспеченность населения жильем (25,1 и 22,2 м² в 2016 г.).

Вместе с тем на селе уже третье десятилетие продолжает разрушаться инфраструктурное ядро социальной сферы, выбытие ее объектов. Но если до середины «нулевых» происходило массовое выбытие прежде всего устаревших и ветхих объектов, то с 2008 г. активно сокращалось количество школ, клубов, библиотек и ФАПов как результат государственной политики оптимизации. По данным статистики, только за 2009-2014 гг. в сельской местности Алтайского края количество поликлиник сократилось в 2,6 раза, библиотек – в полтора раза, закрылись каждая пятая школа, каждый десятый клуб¹.

Сокращение ключевых объектов сельской социальной инфраструктуры продолжается и в последние годы, хотя уже не столь высокими темпами. Так, в 2017/2018 учебном году в сельской местности края функционировало только 606 общеобразовательных организаций и 301 их филиал, тогда как 2013/2014 учебном году 903 таких организации и 79 филиалов. Таким образом, общее количество таких организаций уменьшилось в полтора раза, а если учесть прошедшую реструктуризацию в пользу создание филиалов, то общее сокращение вместе с этими филиалами составило 8% при растущем количестве учащихся в них за рассматриваемый период (по данным на начало года) с 112914 до 118595 человек. В 2017 г. в сравнении с докризисным 2013 г. количество

---

¹ Подробнее см.: Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и социальные регуляторы // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 1. – С. 116-141.

библиотек в сельской местности сократилось в 1,7 раза (с 741 до 432), клубных учреждений – на 8% (с 1151 до 1056).

Активные технологические изменения в сельском хозяйстве стали проводиться с конца «нулевых», когда, по мнению руководителей хозяйств, предприятия массово обновили технику, перешли на использование новых технологий обработки земли. В 2013 г. четверть из 20 опрошенных нами руководителей крестьянско-фермерских и других хозяйств активно осваивали новые технологии и участвовали в модернизации инфраструктуры села, а относительно новую сельхозтехнику (не старше 5 лет) имело более 80% хозяйств, в том числе в каждом четвертом хозяйстве значительная часть техники была совершенно новой¹.

Наряду с развитием возможностей внедрения новых технологий в сельском хозяйстве, связанных с улучшением кредитования и реализацией госпрограмм обновления техники и развития АПК, руководители хозяйств отметили, что тормозит их внедрение удорожание заемных средств и в целом низкие масштабы стимулирования к этому со стороны Центра и местной власти, а также социально-экономические факторы: большинство хозяйств ощущают нехватку квалифицированных работников, низкую мотивацию молодежи к сельскохозяйственному труду². Преимущества применения новых технологий руководители хозяйств и механизаторы видят не только в росте урожайности и производительности труда, но и в создании квалифицированных рабочих мест с высокой культурой труда.

Оценка социально-экономических изменений на селе. Несмотря на то, что среди сельского населения сохранялось до последнего времени преимущественно негативное или равнодушное отношение к переменам (около 60%),

---

¹ Подробнее см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 160-172.

² Подробнее см., например: Мореханова М.Ю. Социальные аспекты перехода сельского хозяйства на инновационный путь развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М., 2008. – С. 273–275; Нечипоренко О.В., Самсонова В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 252 с.; Сергиенко А.М. Социально-экономические факторы внедрения инноваций в землепользовании в районах Кулундинской зоны Алтайского края // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2014. – № 11. – С. 4-9; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 160-172.

в 2013 г. уже наблюдался небольшой перевес позитивных оценок над негативными (более 40% против 35%). Кроме того, активных участников перемен стало больше пассивных противников: 11% тех, кто «старается активно участвовать» в переменах против 7% крайне негативных оценок тех, кто «ощущает отсутствие перспективы для села».

Из интервью с экспертом (2013 г.): «Село очень трудно к новому всегда приспосабливается. Есть такие моменты, когда очень трудно мы воспринимаем все новое. И это хорошо, я считаю. За счет села Россия держалась в те столыпинские времена, и сейчас еще мы пока держимся. У нас свой менталитет, домострой называется. Поэтому свою нишу мы найдем».

Высокие оценки ухудшения ситуации в здравоохранении в 2008-2013 гг. были зафиксированы нами и по результатам опроса сельских жителей в 2013 г. (рис. 6.3), это было значительно выше аналогичной оценки в 2008 г. Помимо здравоохранения, в 2013 г. наибольшую неудовлетворенность у сельского населения вызывали, еще и изменения в жилищном и коммунальном хозяйстве.

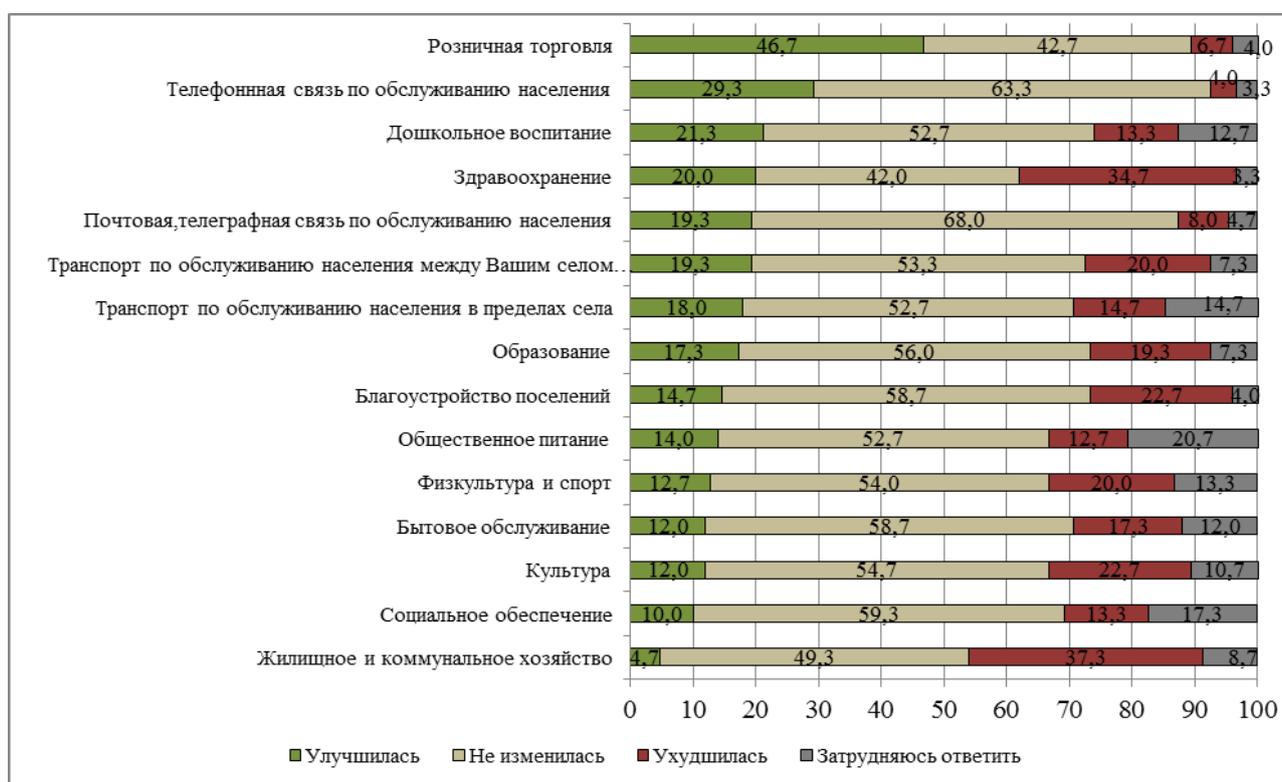

Рис. 6.3. Оценка изменений в социальной сфере за 2008-2013 гг.

(мнение сельских жителей в 2013 г.), %

По опросам сельской молодежи в 2008 и 2016 гг. наибольшую неудовлетворенность ситуацией в отраслях социальной сферы в местах их постоянного проживания вызывало у них состояние таких отраслей социальной сферы, как физическая культура и спорт (16% положительных оценок), благоустройство поселений (17%), социальное обеспечение (25%), ЖКХ (26%), здравоохранение (27%) (рис. 6.4).

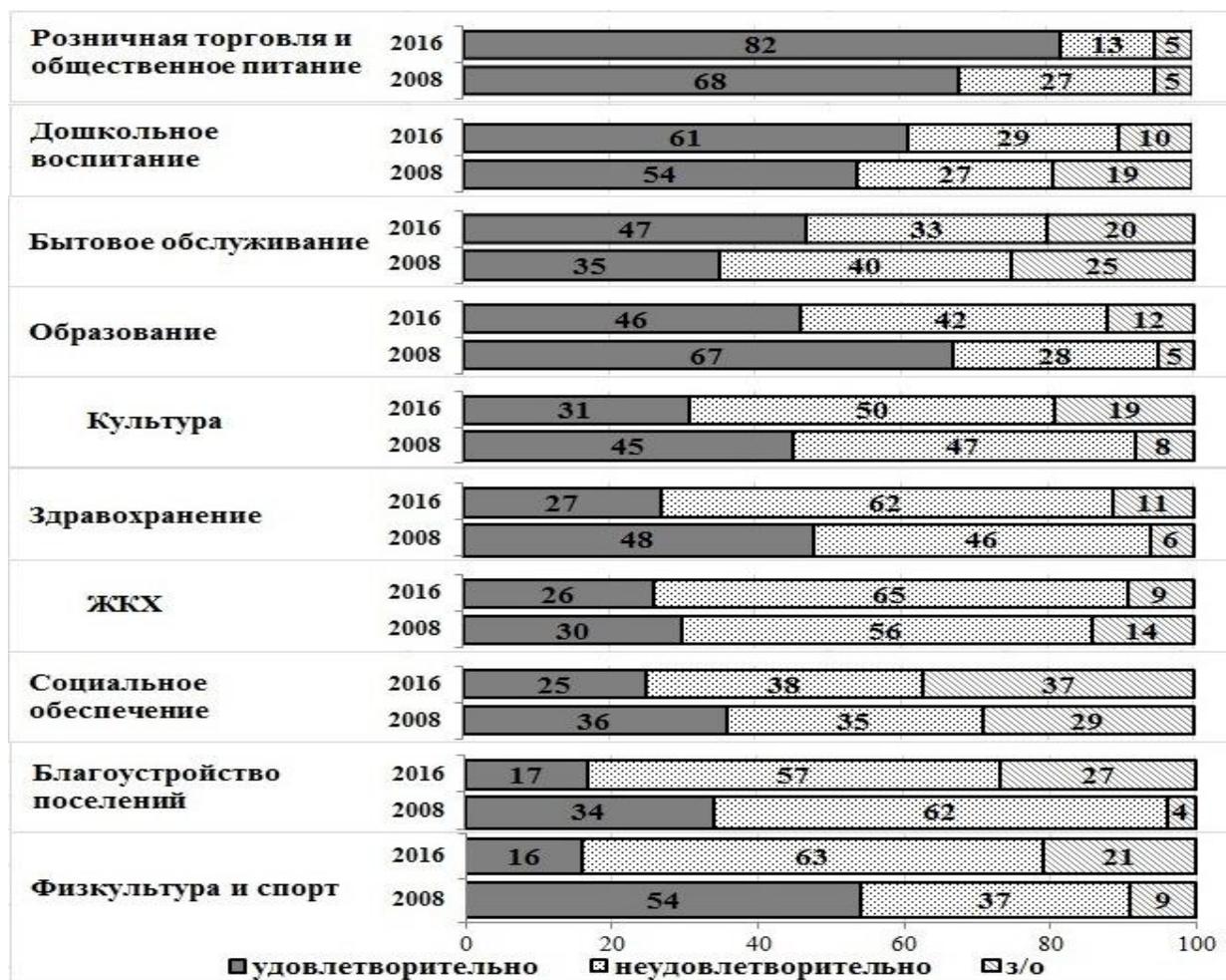

Рис. 6.4. Удовлетворенность сельской молодежи Алтайского края ситуацией в отраслях социальной сферы в местах их постоянного проживания, % (по данным опросов 2008 и 2016 гг.)

Наиболее благоприятная ситуация складывается, по мнению сельской молодежи, в сферах розничной торговли и общественного питания (82% поло-

жительных оценок) и дошкольного воспитания (61%). В 2008-2016 гг. наиболее значимыми изменениями в удовлетворенности сельской молодежи стало заметное ухудшение позиций физической культуры и спорта (на 38 п.п.), здравоохранения и образования (на 21 п.п.) и, напротив, – улучшение позиций розничной торговли и общественного питания (14 п.п.), бытового обслуживания (7 п.п.) и в сфере дошкольного воспитания. По результатам фокус-групп в 2016-2017 гг., молодежь отмечает развитие торгово-развлекательных центров в селах, обновление детских садов.

Данные процессы отражены и в приведенных ниже оценках сельской молодежи, полученных на основе глубинных интервью в 2015 г.

Из интервью с механизатором (с. Стуково Павловского района): *«Я не удовлетворен условиями жизни в своем селе: местный клуб работает с перебоями, а больше и отдохнуть негде в выходной, потому что ни одного кафе поблизости нет. Приходится ехать в город или в райцентр – вот там действительно можно организовать себе отдых по душе и по карману. И в последние годы контраст с родным селом становится более резким».*

Из интервью с домохозяйкой, занятой в ЛПХ (с. Стуково Павловского района): *«Наиболее острой проблемой для нашей молодой семьи является неудовлетворительная работа местного ФАПа: здание давно нуждается в ремонте, зимой там очень холодно, постоянно боюсь простудить ребенка, нужных лекарств зачастую не бывает, а единственный фельдшер физически не может уделить всем нуждающимся должного внимания. Вот и приходится ездить в ЦРБ в райцентр, а это почти 60 км, да еще и транспортное сообщение между селами ужасное, а машины у нас нет».*

Из интервью с работником птичника домохозяйкой, занятой в ЛПХ (п. Новые Зори, Павловский район): *«Серьезные проблемы сейчас имеются в сфере благоустройства моего села: то зимой дороги не чистят, то освещения нет, в том числе и на центральных улицах, то свалки бытовых отходов и строительного мусора вырастают как грибы в самых неожиданных местах. И судя по всему, будет только хуже, так как в местном бюджете денег все меньше. Так по крайней мере говорят в администрации».*

Вместе с тем, по результатам опросов, оценка изменения ситуации в социальной сфере за прошедшие десять лет была не столь однозначной.

Из интервью с молодой сотрудницей сельской администрации (с. Смоленское Смоленского района, 2015 г.): «В последние годы все-таки заметны положительные изменения в нашем селе: сделан капитальный ремонт клуба, открылись новые магазины и кафе-бар. Однако качество и разнообразие услуг все равно заметно ниже, чем в городе. Поэтому чаще всего молодежь едет за покупками или отдохнуть именно туда, хоть это и связано с определенными неудобствами – транспорт, место для ночевки и т.д.».

По словам молодого животновода ООО «Колос» (с. Покровка, Локтевский район), «на предприятии стараются решать жилищный вопрос для всех молодых специалистов и их семей... Сейчас в обновленном здании конторы обустраиваются гостиничные номера по типу общежития для проживания сотрудников и работников социальной сферы села. Давно действует схема: после пяти лет хорошей работы молодежи жилье переходит в их собственность»¹.

По опросу 2017 г., среди сельской молодежи преобладают негативные оценки изменения социально-экономической ситуации в селах за последние 3-4 года (2013(4)-2017 гг.) – табл. 6.2.

Таблица 6.2

Оценка молодежью изменения социально-экономической ситуации в селе за 2013(4)-2017 гг., % к числу ответивших респондентов

Сфера жизнедеятельности	Улучшилась	Не изменилась	Ухудшилась	Затрудняюсь ответить
Занятость, возможность трудоустроиться	8,2	29,8	53,3	8,7
Качество и доступность услуг здравоохранения	6,4	36,7	46,2	10,7

¹ Где лучше // Алтайская нива. – 2016. – № 30 (694). – 3-9 авг.

Сфера жизнедеятельности	Улучшилась	Не изменилась	Ухудшилась	Затрудняюсь ответить
Миграция молодежи из села	21,6	23,8	43,8	10,8
Благоустройство поселений (освещенность улиц, асфальтированность дорог и др.)	22,1	30,4	41,4	6,1
Бедность населения	3,5	42,3	39,5	14,7
Уровень и своевременность оплаты труда	8,5	41,3	36,6	13,6
Обеспеченность и качество спортивных учреждений	15,6	36	36,3	12,1
Возможность улучшить жилищные условия, купить недорогое жилье	8,7	42,2	36,3	12,7
Алкоголизм населения	7,6	41,3	35,2	15,9
Качество и доступность коммунальных услуг (водоснабжение, отопление, канализация и др.)	10,4	48,3	27,8	13,4
Возможность получения профобразования (начального, среднего)	6,4	48,5	27,3	17,9
Различия между бедными и богатыми	2,4	46,6	27,3	23,8
Уровень и качество школьного образования	16,5	48	24,8	10,6
Обеспеченность и качество досуговых учреждений для молодежи	16,5	48	24,8	10,6
Качество и доступность бытовых услуг (ремонт одежды и обуви и проч.)	19	43	22,3	15,7
Качество и доступность дошкольного образования	21,1	48,8	21,1	9
Наркомания	9,2	38,5	15,8	36,4
Розничная торговля и общественное питание	32,9	39,5	14,1	13,4
Преступность	10,4	38,2	13	38,4

Так, по мнению большей части респондентов, ухудшилась ситуация не только с миграцией молодежи из села, но и с занятостью, возможностью трудоустроиться, снизились качество и доступность услуг здравоохранения, обеспеченность и качество спортивных учреждений, ухудшилось благоустройство поселений (освещенность улиц, асфальтированность дорог и др.). Несмотря на более высокую долю сельской молодежи, ответившей, что ситуация за последние годы не изменилась, в сравнении с оценками позитивной динамики значительно перевешивает мнение об ухудшении в таких сферах, как возможность улучшить жилищные условия, купить недорогое жилье, бедность и различия между бедными и богатыми, алкоголизм населения, уровень и своевременность оплаты труда, качество и доступность коммунальных услуг (водоснабжение, отопление, канализация и др.), возможность получения профобразования (начального, среднего).

Нейтральные оценки (без перевеса позитивных над негативными) преобладают по качеству и доступности дошкольного образования, преступности. Сельская молодежь наиболее удовлетворена произошедшими изменениями в сфере торговли и общепита. Здесь позитивные оценки преобладают в явном виде над негативными (более чем в 2 раза).

6.3. Динамика и факторы социально-экономических неравенств и активности на селе

Для измерения социально-экономических неравенств на селе нами использована оценка материального положения семьи, включающего не только совокупные (денежные и натуральные) доходы семьи, но и характеристики лишений, связанных с потреблением, доступностью и качеством жилья, рабочих мест, образования, услуг здравоохранения и других социальных услуг, нарушениями трудовых и других социальных прав¹. На этой основе выделены три

---

¹ Подробнее о методологии и результатах измерения бедности и социально-экономического неравенства на селе см.: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Трансформационные процессы и формирование конку-

уровня бедности: обездоленность или крайняя бедность (когда «денег не хватает даже на питание»), средний уровень (таким бедным «средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но не хватает – на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей») и относительная бедность (для кого «проблемой является покупка вещей длительного пользования»). Под бедностью сельского населения понимается его социально-экономическое положение, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными и натуральными ресурсами, их нехваткой, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. Остальные сельские жители отнесены к относительно обеспеченным.

Динамика материального положения сельских жителей. Тенденции изменения материального положения селян в целом соответствовали краевым трендам сокращения бедности и роста реальных доходов населения¹. По результатам социологических исследований, в материальном положении сельского населения с начала 2000-х вплоть до 2014 г. произошли позитивные сдвиги. В 2008 г. в сравнении 2002 г. почти в три раза сократились масштабы бедности, в полтора раза выросла доля средней группы, относительно бедных (до 75%) и более чем в два – удельный вес относительно обеспеченных (7%) – рис. 6.5. В 2011 г. масштабы обездоленности среди бедных были уже сравнительно невелики (13%), около 40% составляла средняя группа бедных и было около половины относительно бедных. При этом различия в масштабах лишений этих трех групп еще оставались значительными².

рентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 247-255. Кроме того, мы используем результаты исследований Л. Бондаренко, З. Калугиной, Л. Овчинцевой и других ученых, оценивающих бедность и неравенства в современной России с учетом лишений и возможностей сельского населения. См.: Бондаренко Л. Бедность сельской России // Отечественные записки. 2012. – № 6. – С. 104-116; Калугина З.И. Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6 (51). – С. 117-129; Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. – 2004. – № 1. – С. 26-30.

¹ См. главу 5 монографии.

² Подробнее о лишениях см.: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.

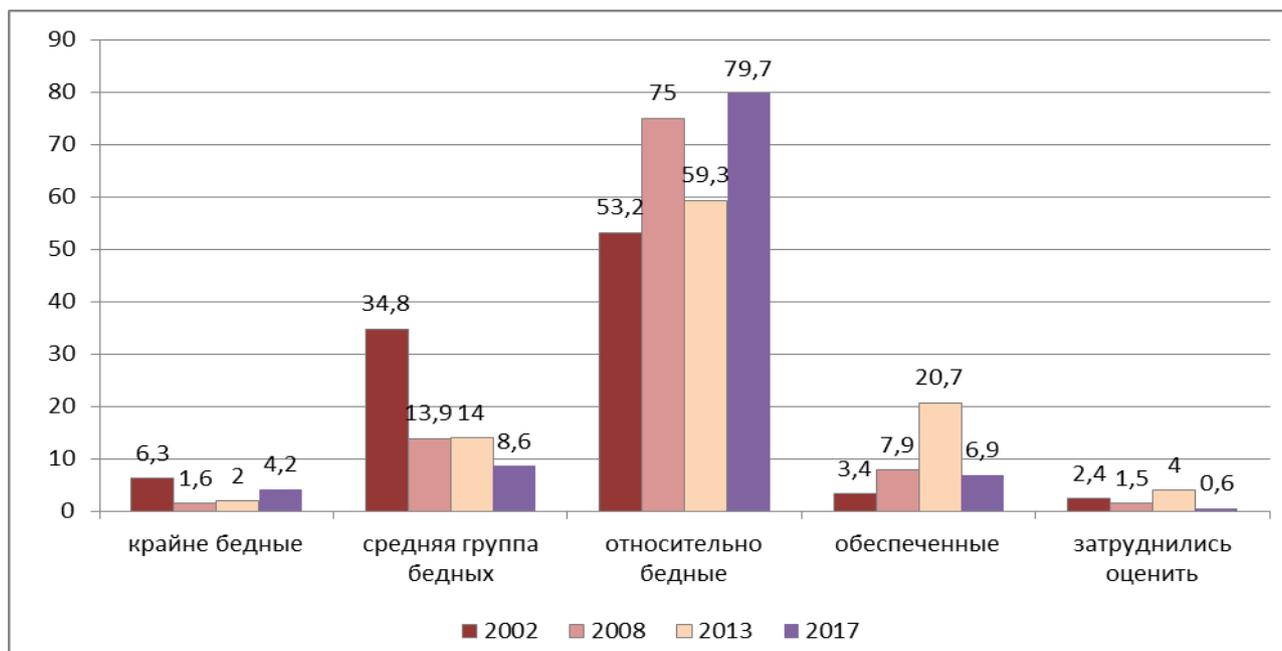

Рис. 6.5. Оценка сельскими жителями материального положения своих семей, % (по опросам в 2002, 2008, 2013 и 2017 гг.)

Далее масштабы и глубина бедности продолжали сокращаться, и по опросу 2013 г., основные подвижки произошли уже за счет перемещения из относительно бедных в группу обеспеченных: доля тех, кто может без труда приобретать себе любые товары длительного пользования и более богатых, составила уже около 20%, т.е. выросла более чем в два раза за предшествующие 5 лет (рис. 6.5). Рост социально-экономического неравенства при сокращении бедности отразился на повышении размеров миграционных установок сельских жителей¹.

По данным глубинных интервью, материалам экспедиций, в 2015-2016 гг. в селах наблюдал рост обеспокоенности сельских жителей проблемами инфляции, падения уровня доходов и роста бедности, вызванные кризисными явлениями в экономике России. В 2017 г. нами зафиксировано значительное изменение в оценках сельских жителей материального положения своих семей отно-

¹ Подробнее см. там же, а также в главе 11 монографии.

сительно данных не только 2013 г., но и 2008 г. (рис. 6.5)¹. Так, заметно выросла доля относительно бедных (до максимальной величины за наблюдаемый период – 80%) при значительном сокращении удельных весов обеспеченных (в три раза, до 7%) и представителей средней группы бедных (8,6%), а также более чем в два раза в сравнении с 2013 г. увеличилась крайняя бедность (более 4%). Следовательно, относительно бедных стало больше как за счет обеднения обеспеченных, так и благодаря выходу части селян из средней группы бедных. В то же время средняя группа бедных пополнила самую неблагополучную группу обездоленных. Меньше стало и неопределенности в оценках сельских жителей относительно материального положения своих семей².

В основе позитивных изменений лежит рост социально-экономической активности более благополучных групп, сокращение доли экономически пассивных – тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего положения, благодаря в целом благоприятной экономической ситуации в стране и запуску государственных программ поддержки социально-экономического развития села, стимулирования малого бизнеса. В 2002 г. пассивных было около 20% среди сельских жителей трудоспособного возраста и уже только 7% в 2013 г.

Рост экономической активности селян отражается в изменении структуры доходов (рис. 6.6). В 2002 г. для более 70% сельских жителей личные подсобные хозяйства являлись главным доходом, по их словам основой выживания. Уже в 2008 г. ведущим источником доходов уже стала заработная плата (63%), и только половина селян получала доходы от семейного подворья. К 2013 г. зарплата упрочила свои лидирующие позиции (83%), значительно выросла доля получателей пенсий и социальных выплат (около 40%), повысилась роль предпринимательских доходов (их получал каждый десятый). Выросла роль государственной социальной поддержки: в 2011 г. более двух третей сельских бед-

---

¹ Рассчитано на основе двух квотных выборок сельской молодежи и сельского населения трудоспособного возраста 30 лет и старше по методике средневзвешенной с учетом структуры сельского населения трудоспособного возраста (по данным Росстата, доля сельской молодежи равна 25,3%).

² Подробнее об изменении материального положения сельской молодежи см. в главе 10 монографии.

ных получили какие-либо виды социальных трансфертов. Особенности изменения экономической активности будут представлены в главе 9 монографии.

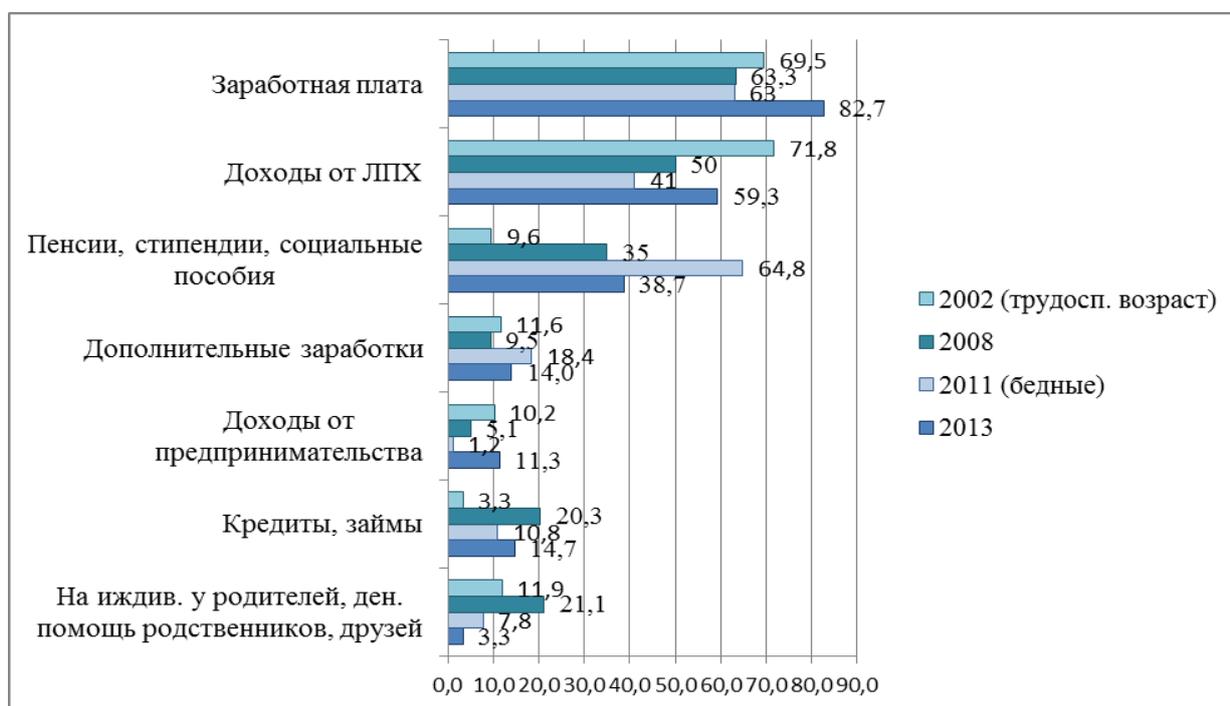

Рис. 6.6. Структура сельского населения по источникам доходов, %
(по данным опросов в 2002, 2008, 2011 и 2013 гг.)

Факторы социально-экономических неравенств. Традиционно дифференцирующими факторами социально-экономических позиций сельских жителей являются образование и занятость, еще оказывают влияние семейное положение и количество детей, возраст и здоровье, пол и место жительства (людность и благоустроенность поселения, удаленность его города).

По опросам 2008-2013 гг., среднюю и крайнюю бедность представляли в первую очередь низкооплачиваемые рабочие (чаще в сельском хозяйстве) и безработные, причем для обездоленных была больше характерна долгосрочная безработица. Средне- и крайне бедные имели обычно низкий уровень образования, среди них чаще встречались получившие только начальное профессиональное образование. Такая бедность встречалась чаще в среднем (ближе к 40 годам) и старшем трудоспособном возрасте. Среди обездоленных было значи-

тельно больше женщин и имеющих серьезные проблемы со здоровьем: 2/3 среди последних, в два раза больше чем в других группах бедных, в 1,5 раза больше инвалидов и хронически больных. Бедные и обездоленные чаще жили в небольших деревнях (до 500 человек).

Относительно бедными чаще являются пенсионеры, но сравнительно высока представленность и молодежи (особенно до 24 лет). В эту группу чаще попадают работники социальной сферы, а также занятые только в личном подсобном хозяйстве. Уровень образования «относительно бедных» близок к обеспеченным. Среди относительно бедных чаще можно встретить семейных, в этой группе больше всего многодетных. Такие селяне значительно чаще проживают в средних селах (от 500 до одной тысячи жителей).

Обеспеченных и зажиточных чаще представляют мужчины, молодежь до 30 лет, холостяки. Эту группу больше заполняют представители бизнеса и самозанятые в сферах торговли и сельского хозяйства, транспортных услуг. Проживают обеспеченные, как правило, в крупных благоустроенных селах, чаще близко расположенных к городам.

Образование как канал социальной мобильности стало работать значительно лучше: с начала 2000-х в 3 раза сократилась крайняя и средняя бедность в группе с высшим образованием и почти в 2 раза – со средним профессиональным. Вместе с тем сила влияния образования на неравенства значительно изменилась. Если в начале «нулевых» мы наблюдали достаточно жесткую прямую зависимость между оценкой материального положения семьи и уровнем образования (различия между крайними группами по наличию высшего образования достигали 2,5 раза, по наличию профессионального образования в целом – 3,5 раза, то с конца «нулевых» межгрупповые грани стираются, уже нет заметных различий по среднему профобразованию, а представителей с высшим образованием среди относительно бедных уже не меньше, чем среди обеспеченных.

Статус и сфера занятости усилили свое влияние на формирование неравенств на селе: безработица усиливает риск оказаться бедным и обездоленным, занятость в социальной сфере и в ЛПХ позволяет выйти в относительно бедные, а предпринимательство в торговле и сельском хозяйстве – стать обеспе-

ченным. Первичный рынок труда все больше заполняется молодыми, образованными, не обремененными большими семейными заботами, а многочисленный вторичный рынок труда становится «уделом» лиц старших возрастных групп трудоспособного возраста.

Возраст к концу «нулевых» становится одним из драйверов социально-экономической дифференциации. Молодежь перемещается в сторону обеспеченности: если в начале 2000-х в выигрыше были в большей степени представители среднего трудоспособного возраста (чаще 35-39 лет), то уже в конце прошедшего десятилетия – молодые люди 25-35 лет. Бедность и обездоленность закрепилась в большей мере за старшим трудоспособным возрастом (от 40 до 60 лет) в отличие от начала 2000-х, когда в бедные попадали молодые люди до 35 лет, образовывавшие свою семью. Пенсионеры постепенно переместились из группы бедных и обездоленных в более благополучные группы.

Усилилось влияние гендерного фактора: если в начале 2000-х гг. не выявлено значимых различий в материальном положении сельских мужчин и женщин, то в новом десятилетии мужчины все чаще оказываются в группе обеспеченных. Семейное положение оказывало в целом устойчивое влияние на формирование неравенств (холостые – чаще обеспеченные, семейные – относительно бедные, вдовы – обездоленные). Но влияние многодетности на формирование бедности и неравенств изменилось: в начале «нулевых» для многих сельских семей появление уже второго ребенка становилось причиной падения в обездоленность, а в начале «десятих» трое детей и больше значительно чаще появляется в семьях относительно бедных. По оценкам экспертов, это произошло благодаря росту уровня жизни сельских жителей и во многом вследствие влияния государственной политики: повлияло введение института материнского капитала, установление относительно высоких пособий для детей в опекунских семьях, что спровоцировало на селе массовые усыновления и опекунства, детские дома опустели.

Изменилось восприятие сельскими жителями проблем бедности и неравенства. Рейтинги социальных проблем села с начала 2000-х гг. показывают, что бедность и расслоение на бедных и богатых не входят в первую пятерку

проблем, которые беспокоят сельских жителей (см. рис. 2.4.1). Вместе с тем оплата труда и безработица – проблемы, непосредственно связанные с бедностью, – сохраняют лидирующие позиции в этом рейтинге. Среди личных и семейных проблем традиционно лидируют с большим отрывом рост цен и низкие доходы, а также проблемы доступности базовых услуг (медицинских, образования, коммунальных), что также непосредственно связано с бедностью и неравенством. Острота восприятия проблем бедности и расслоения за 2002-2013 гг. значительно снизилась¹. Сократилась разница между крайними группами (обеспеченными и обездоленными) в их восприятии как социальных проблем села, но усилилось дифференцированное отношение к ним как к личным проблемам, что также подтверждает выводы о росте неравенств.

По результатам опросов сельских жителей в 2017 г. в сравнении с 2013 г. бедность в рейтинг социальных проблем села поднялась с 9 места на 6-е (26% относят ее к вызовам), а расслоение на бедных и богатых – с 10-го места на 8-е. В оценках экспертов (представителей местной власти и сельского бизнеса) бедность и расслоение заняли более низкие позиции: 8-е и 13-е места.

К причинам бедности как в начале «нулевых», так и в текущем десятилетии сельские жители и эксперты относили в первую очередь пьянство, низкую экономическую мотивацию и активность, низкоквалифицированный и малооплачиваемый труд, низкие стартовые возможности (*«родился и вырос в бедной семье»*) и недостаточную государственную поддержку бедных. Но за этот период резко повысилось влияние низких «стартовых» условий и иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи (прежде всего количество детей в семье), что говорит о проблеме воспроизводства бедности. Заметно снизился рейтинг нехватки квалификации. Причем более благополучные группы в большей степени выделяют в качестве причин бедности низкую трудовую мотивацию и активность (*«не хотят работать»*) и пьянство, а обездоленные чаще указывают на плохие стартовые условия, иждивенческую нагрузку на работающих

---

¹ Эти выводы соответствуют результатам исследования бедности и неравенства в России, полученным сотрудниками ИС РАН. См.: Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. – М: ИС РАН, 2013. – 167 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://novznania.ru/w/wp-content/uploads/2013/06/full.pdf>

в семье, преклонный возраст и плохое здоровье, а также на слабую государственную поддержку.

Драйверами социально-экономических неравенств на селе являются прежде всего рыночные механизмы: развитие новых технологий в сельскохозяйственном производстве, развитие предпринимательства как за счет местных ресурсов, так и вследствие проникновения капитала из городов, прихода крупных компаний из других регионов, стран, в том числе мировых и российских торговых сетей¹. Сельские жители все чаще включаются в сферы занятости, связанные с глобальным или российским сетевым бизнесом. Но такие предприниматели не становятся социальной базой развития села и при первой возможности уезжают в город, где больше потенциальных потребителей.

С начала 2000-х гг., особенно с середины «нулевых», заметно выросло воздействие государства, сельского бизнеса и других социальных механизмов на бедность и социально-экономическую дифференциацию на селе². Миграция (как в сельскую местность, так и из села) также является механизмом воздействия на неравенства. Приезжают в сельскую местность, как правило, малообеспеченные мигранты, а переезжают в города те, кто имеет хотя бы минимальные ресурсы для обустройства там, чаще остаются обездоленные. Сезонные и маятниковые трудовые мигранты возвращаются в село со значительными по их меркам доходами, что также приводит к росту неравенств³.

---

¹ См.: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – 280 с.; Сергиенко А.М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 423 с.

² Подробнее см., например: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.

³ Подробнее о миграции молодежи из села см. в главе 7 монографии. Кроме того, о миграции в сельскую местность см., например: Трудовые мигранты в российском селе: монография / под ред. проф. П.П. Великого. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – 293 с.; Сергиенко А.М. Тру-

Итак, анализ происходящих социально-экономических изменений в сельской местности Алтайского края показал нарастание их диверсификации, разнонаправленности. С одной стороны, сохраняются в различных масштабах накопившиеся еще с 1990-х гг. проблемы сокращения ключевых объектов социальной инфраструктуры, происходящие в силу различных причин (выбытие старых из-за их изношенности, несоответствия требуемым стандартам, отсутствия квалифицированных кадров, сокращение численности жителей сельских населенных пунктов и, как следствие, потребности в таких объектах и др.), увеличились крайние формы бедности. С другой стороны, видны позитивные изменения в социально-экономическом облике сел вследствие реконструкции и строительства новых школ, детских садов, спортивных объектов, торгово-развлекательных и других организаций, распространения мобильной связи и Интернета, новых технологий в сельском хозяйстве, сфере обслуживания. С одной стороны, по мнению сельских жителей, остроту набрала проблема безработицы, а с другой – представители сельского бизнеса и органов местного самоуправления говорят о нарастающем вызове для развития села, связанном с нехваткой квалифицированных кадров. Несмотря на рост масштабов социальной поддержки, кризисные явления в экономике отразились на ухудшении материального положения сельских семей. Следствием происходящего на фоне роста контраста в социально-экономическом развитии сельской местности и городов края, страны в целом является нарастание такой угрозы, как миграция молодежи из села, занявшей в 2017 г. 1-е место в рейтингах наиболее острых проблем социально-экономического развития села по оценкам представителей местной власти, бизнеса и сельских жителей в целом.

Раздел III. МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Глава 7. ДИНАМИКА И ПРИЧИНЫ РЕАЛЬНОЙ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Молодежь играет особую роль в миграционном обороте российских селян. Е. Вознесенская утверждает, что современные российские исследования фиксируют стабильно высокий миграционный отток сельского населения в город, преимущественно за счет самой трудоспособной и грамотной подгруппы населения в возрасте 18-35 лет¹. Эту особенность отмечают и ученые других стран. Так, по мнению У. Колдвэлла, Дж. Болла и других канадских исследователей, «закрепление» молодежи на селе является одной из наиболее приоритетных проблем регионального развития Онтарио: отсутствие возможностей для молодых людей стимулирует их миграцию и требует разработки комплекса «инициатив», поощряющих молодежь оставаться на селе².

В Алтайском крае миграция молодежи из села выделяется как сельскими жителями, так и представителями местной власти, а также сельского бизнеса уже не просто как одна из острых социальных проблем, а как вызов и даже угроза устойчивому социально-экономическому развитию сельских территорий региона. Как показано в главе 6, по данным опросов 2007 г. в рейтинге наиболее острых проблем развития села отток молодежи из села занимает первое место в оценках органов местного самоуправления и представителей сельского бизнеса, а в оценках сельских жителей – второе, наряду с безработицей. Рассмотрим особенности динамики миграции сельской молодежи, выделив ее реальную и потенциальную составляющую с учетом маятниковой, сезонной и возвратной миграции, а также ее ключевые факторы.

---

¹ Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие: из села в город // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 75.

² Caldwell W., Ball J., Chan Y., Ainley S. Rural Research Priorities – Ontario, 2010. – P. 8.

3.1.1. Динамика миграционной активности сельской молодежи и ее социально-демографические последствия

Особенности динамики миграционной активности сельской молодежи Алтайского края. По данным Росстата, в Алтайском крае сельская молодежь характеризуется более высокой миграционной активностью в сравнении с другими сельскими жителями и до 2015 г. – городской молодежью (рис. 7.1). Причем по данным микропереписи 2015 г. сельская молодежь Алтайского края являлась территориально более подвижной группой населения в сравнении с СФО и РФ, отличалась наименьшим удельным весом непрерывно проживающих в месте постоянного жительства с рождения: 55,9% против 57,9% в СФО и 64,1% в РФ.

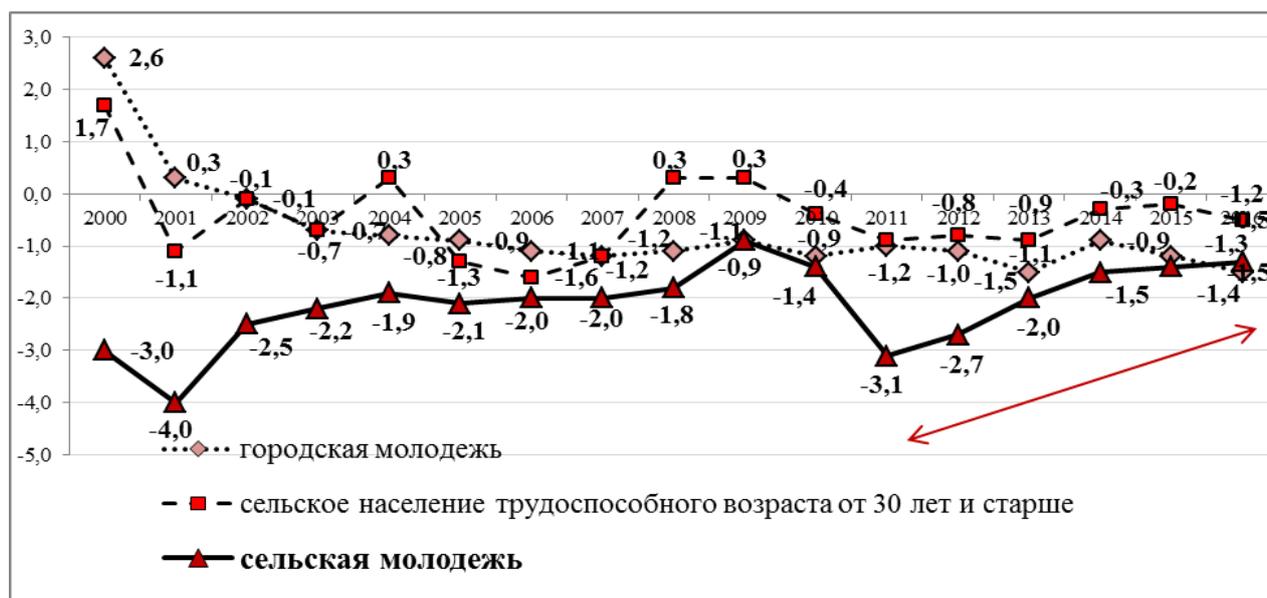

Рис. 7.1. Межрегиональный миграционный прирост сельской и городской молодежи, селян 30-60 лет Алтайского края в 2000-2016 гг., тыс. чел.

В 2016 г. молодежь теряли две трети сельских муниципальных районов края, наибольший отток зафиксирован в Каменском, Рубцовском и Смоленском

районах¹. В 2017 г. наиболее значительная миграционная убыль сельской молодежи (более 40‰) происходила в Рубцовском, Смоленском, Советском, Солтонском, Тогольском и Тюменцевском районах при среднем значении коэффициента миграционной убыли сельской молодежи -12,2‰.

Несмотря на то, что в абсолютном выражении межрегиональная миграционная убыль молодых селян в 2000-2016 гг. вдвое сократилась, в последнее пятилетие ситуация усугублялась ростом удельного веса данного вида перемещений в общей структуре миграционного оборота (на 9,3 п.п.). К концу исследуемого периода различия в абсолютных показателях межрегиональной миграционной убыли сельской и городской молодежи края практически нивелировались (рис. 7.1, 7.2). Это говорит о том, что не только сельские территории региона, но и его города теряют свою привлекательность для молодежи в качестве мест постоянного жительства, удовлетворения своих интересов и улучшения положения.

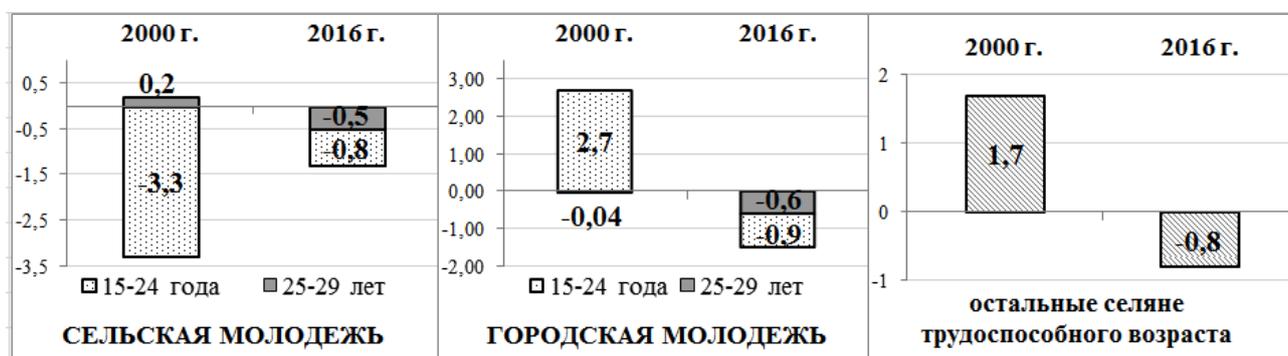

Рис. 7.2. Межрегиональный миграционный прирост сельской и городской молодежи, сельского населения 30-60 лет Алтайского края в 2000 и 2016 гг., тыс. чел.

Особенностью последних лет являются изменения внутрирегиональной миграционной активности возрастных групп сельской молодежи края. Так, если

¹ См.: Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Население: Миграционный прирост. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi>

в 2012 г. младшая группа (16-24 года) сельской молодежи отличалась большей миграционной активностью, то через пять лет соответствующие различия с более старшими молодыми селянами существенно сократились (рис. 7.3). Снижение миграционного оборота молодежи между городом и селом в регионе произошло в том числе и за счет снижения темпов территориальных перемещений представителей младшей подгруппы молодых селян. В 2016 г. миграционный отток из села в город происходил за счет старшей подгруппы молодежи.

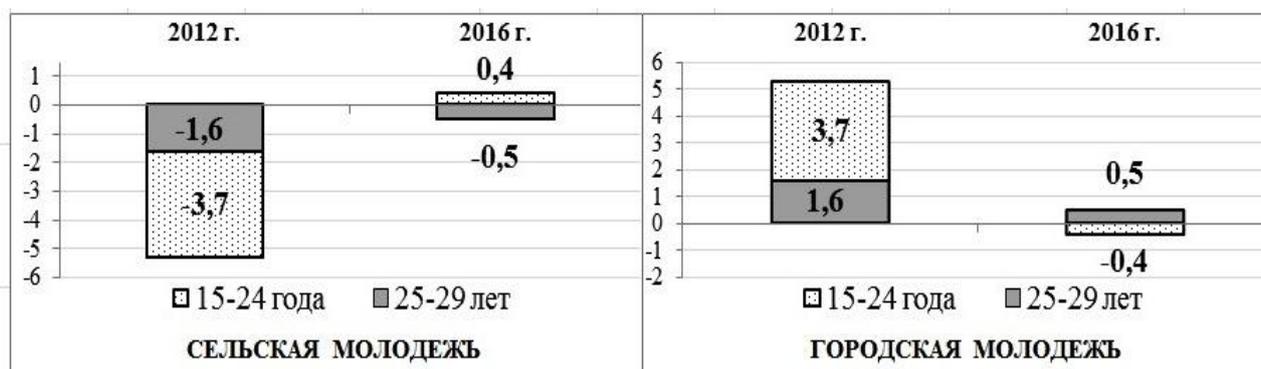

Рис. 7.3. Внутрирегиональная миграционная активность возрастных подгрупп сельской и городской молодежи Алтайского края в 2012 и 2016 гг., тыс. чел.

Дифференцированный анализ миграционной активности гендерных подгрупп сельской молодежи Алтайского края в 2012-2016 гг. показал, что женщины более активно переезжали в города края, в то время как мужчины оказались более нацеленными на другие российские регионы в качестве постоянного места жительства (рис. 7.4). Как следствие, более интенсивное сокращение молодежи происходило среди сельских женщин: 137,6 тыс. чел., или на 3,2 п.п. с начала 2000-х гг. до начала 2017 г.

Социально-демографические последствия миграции сельской молодежи. Среди последствий миграционного оттока сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. следует выделить значительное снижение ее численности, произошедшее преимущественно за счет данного фактора, приведшее к качественным сдвигам в демографической структуре сельского населения,

влияющим на процесс воспроизводства сельских сообществ. Так, по данным Всероссийской переписи населения и другим данным Росстата, с 2002 по 2016 гг. численность сельской молодежи края сократилась на 40%, тогда как в России – на 16% (табл. 7.1).

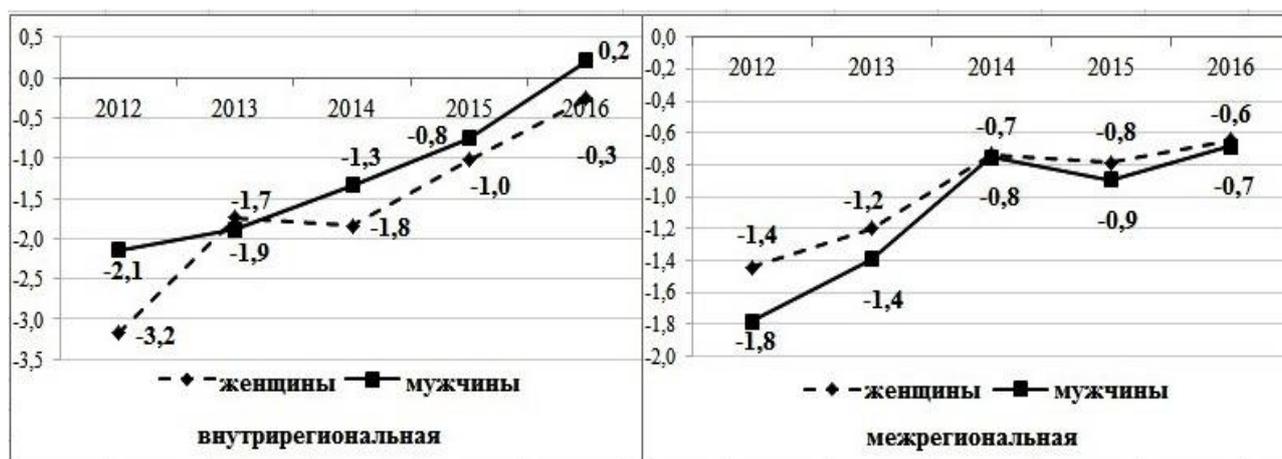

Рис. 7.4. Динамика внутри- и межрегиональной миграционной активности гендерных подгрупп сельской молодежи Алтайского края в 2012-2016 гг., тыс. чел.

Таблица 7.1

Демографические характеристики сельской молодежи России и Алтайского края (по данным Всероссийской переписи 2002 г. и Росстата в 2016 г.)

Показатели	Перепись 2002 г.		2016 г.	
	Россия	Алтайский край	Россия	Алтайский край
Численность, тыс. чел.	7456,7	233,5	6293,6	140,5
Доля в сельском населении трудоспособного возраста, %	34,4	32,8	30,1	25,2

Среди селян трудоспособного возраста доля молодежи в крае уменьшилась с трети до четверти (в РФ – только на 13%), а в отдельных районах и селах эта доля составляет менее пятой-десятой части, что не позволяет обеспечивать процесс воспроизводства. «Точка невозврата» в демографическом воспроизводстве для отдельных сельских территорий, по оценкам ученых и практиков, уже практически пройдена¹.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что если в начале 2000-х гг. в Алтайском крае сокращение численности сельского населения трудоспособного возраста за счет миграции происходило благодаря молодежи, то в последние годы за счет заметного роста миграционного оттока сельских жителей более старшего трудоспособного возраста. В 2016 г. различия во вкладе данных территориально-демографических групп в миграцию заметно сократились (рис. 7.1, 7.2).

Во многом следствием миграционного оттока молодежи из села являются качественные сдвиги в возрастной структуре сельских жителей края, а именно: сокращение доли представителей трудоспособного возраста, рост показателя демографической нагрузки. С начала 2000-х гг. в регионе наблюдается тенденция сокращения в возрастной структуре селян представителей трудоспособного возраста, причем численность молодых селян сократилась более существенно (на 40%) в сравнении с остальным сельским трудоспособным населением (17,9%). В начале 2017 г. показатель демографической нагрузки в сельской местности региона составил 977 чел. на 1 тыс. нетрудоспособных, что на четверть выше, чем в городах, и на 16,1% превышает среднее значение по РФ.

---

¹ См., например: Борисенко М.А. Демографические изменения в сельских населенных пунктах Алтайского края в постсоветский период // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2017. – № 8(154). – С. 75-80; Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.): монография. – Барнаул: Азбука, 2011. – 272 с.

7.2. Потенциальная миграция сельской молодежи: масштабы, сдвиги, социальный профиль

Динамика и векторы потенциальной миграции. Предвестником миграционного оттока являются миграционные установки, формирующие потенциальную миграцию. По результатам опросов сельской молодежи в Алтайском крае, потенциальная миграция из сельской местности (доля желающих уехать, без учета затруднившихся с ответом) с 2008 по 2013 гг. сократилась в 1,7 раза: с 60% до 43% в 2011 г. и далее до 36% в 2013 г. Но с начала последнего кризиса она вновь стала расти и достигла 58% в 2017 г., т.е. почти вернулась на уровень 2008 г. (табл. 7.2)¹.

Таблица 7.2

Миграционные установки сельской молодежи, %
(по опросам 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг.)²

	2008	2011	2013	2016	2017
Не хотели переезжать из своего села	35,2	51,6	59,3	43,8	36,6
Хотели бы переехать, но нет возможности	10,4	20,9	7,3	9,2	5,4
Планировали переехать:					
- в пределах сельской местности	1,8	4,4	0,7	3,8	3,3
- в город своего края	23,7	13,2	14,0	14,3	29,6
- в другой регион России	8,2	2,1	10,7	10,0	8,6
- в другую страну	1,9	1,1	0,0	0,0	2,1
- еще не знали куда	11,1	4,4	1,4	12,0	8,6
Затруднились с ответом	7,7	2,3	6,6	6,9	5,8

¹ Масштабы потенциальной миграции молодежи из сельской местности с учетом затруднившихся с ответом чуть меньше: 54% в 2017 г.

² Сельской молодежи были заданы следующие вопросы: «Хотели бы Вы сменить место жительства? Куда планируете переехать?».

Совокупный миграционный потенциал сельской молодежи неоднороден. Его в основном образуют те, кто уже запланировал отъезд из сельской местности и определился с местом переезда (в 2017 г. 40% ответивших). Около 9% еще не определились с местом переезда, но уверены в своем намерении уехать из села. В совокупный миграционный потенциал входят и чуть более 3% тех, кто запланировал переезд в другие села; мы их не учитывали при определении масштабов потенциальной миграции молодежи из села.

Небольшую группу потенциальных мигрантов (чуть более 5% в 2017 г.) образуют молодые селяне, желающие переехать, но не имеющие для этого возможности на момент опроса в подавляющем большинстве случаев из-за отсутствия денег на переезд. В случае улучшения материального положения они войдут в группу потенциальных мигрантов с высокой степенью вероятности реализации установки на отъезд, в противном случае такая молодежь оказывается вынужденно «закрепленной» в местах своего проживания. Удельный вес этой группы нестабилен, увеличивается в период наибольшего влияния кризисов, за последний год наблюдений он уменьшился почти в два раза.

В 2017 г. более половины молодых потенциальных мигрантов планировали уехать из села в города края, 15% – в Москву, Новосибирскую область и другие регионы страны и около 4% – в другие страны. Но если учитывать только имеющих конкретные планы на отъезд из сельской местности, то в этом случае распределение будет таким: доля планировавших уехать в города края составляет почти три четверти, каждый пятый – в другие регионы страны и 5% – в другие страны.

Потенциальная миграция молодежи из села значительно больше, чем среди селян более старшего трудоспособного возраста (30-60 лет): в 2017 г. 58% против 31%. Причем масштабы миграционных установок на отъезд из села среди селян среднего (30-45 лет) и старшего трудоспособного возраста (46-60 лет) практически не различаются (32 и 30% соответственно). Однако существенные различия наблюдаются в структуре потенциала миграционной активности: если в миграционных установках сельской молодежи преобладают конкретные планы на отъезд из села, а на долю желающих уехать, но не имеющих пока воз-

возможностей, приходится менее 10%, то это «слабое звено» миграционного потенциала среди селян более старшего трудоспособного возраста существенно больше (54%). Причем эта доля «слабого звена» увеличивается с возрастом: менее 30% в группе 30-35 лет, 47% – 20-45 лет и 64% – 46-60 лет.

В сравнении с сельской молодежью потенциальная миграция всех сельских жителей в 2008-2017 гг. была в полтора-два раза ниже: 40% потенциальных мигрантов из села среди сельских жителей против 60% среди молодежи в 2008 г., затем она упала почти в два раза – до 22% против 43% в 2011 г. и 20% против 36% в 2013 г.¹ Но в 2017 г. доля потенциальных мигрантов из сельской местности среди всех сельских жителей составила уже 34%, то есть выросла почти в полтора раза с 2013 г.

Особую роль для демографического и социально-экономического развития сельских территорий региона имеет сельская молодежь, намеревающаяся и далее проживать в сельской местности: в своем селе² либо переехать в другое село. С 2008 до 2013 гг. наблюдалось заметное увеличение доли молодежи, желающей остаться жить в селе: с 40% в 2008 г. до 57% в 2011 г. и 60% в 2013 г. (табл. 7.2). В последние годы желание остаться у молодежи сокращалось: до 51% в 2016 г. и 42% в 2017 г.

Социальный профиль потенциальной миграции. Миграция является, как уже отмечалось, результирующим показателем социального положения молодежи, его динамики. Среди факторов формирования миграционного потенциала молодых людей лидирующую роль играют образование и статус занятости, а также большое значение имеют материальное положение, жилищные условия, семейный статус. Желание уехать из села чаще имеют молодые люди младшего возраста (16-24 года), не имеющие профессионального образования (чаще закончившие среднюю школу и нацеленные на получение образования в городе), безработные, представители сельской молодежи с относительно не-

---

¹ Подробнее см.: Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 8: в 2 ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 26.

² ... включая тех, кто живет в селе и ездит либо планирует ездить на учебу или работу в город или другое село.

благополучным материальным положением, пока не образовавшие семью, не обеспеченные своим жильем и проживающие вместе с родными, родственниками (табл. 7.3).

Таблица 7.3

Миграционный потенциал различных групп сельской молодежи, %
(по опросам 2008, 2011, 2013 и 2017 гг.)*

Характеристики		2008	2011	2013	2017
В целом по массиву		56,1	45,1	34,5	58,0
Образование	<i>начальное</i> и основное общее	21,4	62,5	...	63,8
	среднее общее	70,2	55,0	40,0	79,5
	начальное профессиональное	51,6	34,8	40,0	25,0
	среднее профессиональное	46,4	45,5	14,3	46,7
	неполное высшее	72,5	14,3	40,0	90,9
	высшее	53,8	54,5	42,9	54,7
Занятость	занятые в экономике	53,4	38,9	38,5	48,4
	безработные, не занятые	75,0	80,0	0,0	60,6
Материальное положение	бедно и очень бедно (<i>«хватает средств только на питание и оплату коммунальных услуг» либо «денег иногда не хватает даже на питание»</i>)	90,9	41,7	0,0	82,1
	средне (<i>«покупка вещей длительного пользования является проблемой»</i>)	64,2	44,8	31,6	56,0
Жилищные условия	живут в собственном доме, собственной квартире	53,5	48,4	23,5	39,0
	живут с родителями	67,4	42,9	100,0	78,5
	снимают жилье, живут в служебной квартире (доме)	42,9	30,8	40,0	74,6

Примечание. * Удельный вес сельской молодежи (16-29 лет), желающей уезжать из села. Рассчитано в процентах к соответствующей группе ответивших, не включая затруднившихся с ответом; ... – данная группа отсутствует в выборке.

По опросу 2017 г., были наиболее настроены на смену места жительства, имели более высокий миграционный потенциал:

1) *по возрасту*: представители младшей группы молодежи (16-24 лет) в сравнении со старшей (25-29 лет): 73% против 40%;

2) *по образованию*: молодежь со средним общим (закончившие среднюю школу) (около 80%) и с неполным высшим образованием (более 90%) против тех, кто имеет только начальное профессиональное образование (25%). Близкий к среднему миграционный потенциал у молодежи со средним профессиональным (специальным) и высшим образованием (47% и 55%);

3) *по статусу занятости*: безработные (61%) в сравнении с занятыми в экономике (48%). Среди занятых самый высокий миграционный потенциал у самозанятых (88%) и у студентов, учащихся (82%), а самый низкий – у предпринимателей (29%). Ближе к среднему значению – у наемных работников (48%) и занятых в ЛПХ (50%);

4) *по наличию жилья*: проживающие с родителями, родственниками или снимающие жилье (79% и 75%, соответственно) в сравнении с живущими в собственном доме или собственной квартире (39%);

5) *по материальному положению семьи*: с одной стороны, бедные (84%) и чуть меньше крайне бедные (75%), а с другой, напротив – обеспеченные (71%), что существенно больше в сравнении со средней группой, представляющей относительную бедность (56%);

6) *по семейному положению*: холостые (незамужние) (70%) в сравнении с образовавшими свою семью (42% среди женатых и замужних с учетом официально незарегистрированных браков);

7) *по наличию собственных детей* (проживающих вместе с респондентом): не имеющие детей (63%) в сравнении имеющими собственных детей, с ними проживающих (37%).

По опросу 2007 г. не выявлено существенной зависимости миграционного потенциала сельской молодежи от *людности населенного пункта* (численности проживающего в нем населения) как места постоянного жительства. Про-

живающие в больших селах (более 1 тыс. жителей) лишь чуть в большей мере, чем в малых (менее 500 человек), настроены на отъезд (62% против 58%), в средних по размеру села (от 500 до 1 тыс. жителей) таковых 59%. Кроме того, отсутствуют явные гендерные различия в миграционных установках сельской молодежи, миграционный потенциал мужчин и женщин практически не различался.

В младшей группе молодежи (до 24 лет включительно) более выражена установка на отъезд из села среди получивших среднее общее (выпускников школы) и незаконченное высшее образование (продолжающих учебу в вузах), а также среди ее безработных представителей.

По данным опроса сельской молодежи, в 2017 г. относительно низкими миграционными установками обладают занятые в сельском хозяйстве (25%), что существенно отличается от более ранних наблюдений (2008 и 2011 гг.), где нами выявлено более высокий потенциал миграционной активности¹. Это может косвенно свидетельствовать об изменении положения молодых работников данной отрасли.

Не выявлено сильной корреляционной зависимости между миграционными установками на отъезд из сельской местности и длительностью проживания в селе. Так, по опросу 2017 г. подавляющее большинство молодых респондентов имеют сельские корни: проживают в своем селе с рождения (73%). К ним может быть отнесена большая часть молодежи, приехавшей в села, где нами проводился опрос, из других сельских поселений (их 17% среди всех опрошенных нами молодых селян), а именно лишь те (из этих 17%), кто проживал в сельской местности с рождения. Еще большая доля респондентов (более 90%) характеризуются глубоким освоением сельского образа жизни – те, кто проживает только в данном селе 10 лет и более, а также те, кто приехал из других сел и проживает в данном селе не менее 5 лет. Лишь около 11% опрошен-

---

¹ См., например: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 126-151; Сергиенко А.М., Иванова О.А. Образование и занятость как факторы миграции сельской молодежи Алтайского края: что изменилось с начала 2000-х? // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2016. – № 14. – С. 28-34.

ной сельской молодежи проживало в данном селе от 1 до 10 лет (но две трети из них приехало из других сел) и менее 1% – до 1 года (все они из других сел). Большинство молодежи, приехавшей в села, где нами проводился опрос, – из других сел России либо стран ближнего зарубежья: 17% среди всех респондентов против 10% респондентов, приехавших в село из города или поселка городского типа.

7.3. Причины возвратной и невозвратной миграции молодежи из села

Общие причины миграционного оттока молодежи из села. По результатам анкетного опроса *сельской молодежи* в 2017 г. основные причины миграционных установок на отъезд из сельской местности – социально-экономического характера. В первую очередь они связаны с неразвитостью сельского рынка труда (29% хотели бы переехать *из-за отсутствия рабочих мест*: в основном речь идет о потребности в хорошо оплачиваемой работе, но отмечается также отсутствие подходящей по специальности работе и даже любой работы). Во-вторых, это *неразвитость социальной сферы*: сферы культуры и досуга для молодежи (21%), низкая доступность, низкое качество медицинских услуг (18%). Каждым десятым респондентом отмечается в целом *неблагоустроенность поселения*, 8% выделяют низкую транспортную доступность, удаленность от городов, других сел. На жилищные проблемы, отсутствие коммунальных удобств как причину потенциальной миграции ссылаются лишь немногим более 5% молодых селян. Малозначимыми причинами являются рост преступности, распространение алкоголизма, наркомании, их отмечают только около 2% респондентов.

В совокупности же все эти причины, связанные с низкой оценкой микро-среды жизнедеятельности, определяют относительно высокий рейтинг причины миграционных установок, связанных с *низкими перспективами в селе для жизни (будущих) детей* (более 30%). Остальные планируют уехать из села в основном ради получения профессионального образования (более 16%), пре-

имущественно высшего. Небольшая доля причин потенциального отъезда из села связана с семейными обстоятельствами (более 5%) и менее 2% планируют вернуться на прежнее место жительства.

Близкие оценки получены из полустандартизированных интервью с представителями *сельского бизнеса* (2017 г.). К причинам миграции сельской молодежи они отнесли ***нехватку подходящих рабочих мест*** (более половины), а также ***низкие перспективы для развития (будущих) детей*** (чуть менее половины). По мнению каждого пятого эксперта, такими причинами являются *низкие доступность и качество медицинских услуг, неразвитость сферы культуры и досуга для молодежи, неблагоустроенность поселения*. Но в отличие от опроса сельской молодежи предприниматели видят главную причину их оттока из села прежде всего ***получение профессионального образования в городе после окончания школы*** (две трети экспертов).

Из интервью с помощником главы фермерского хозяйства (с. Николаевка, Михайловский район, 2015 г.): *«Много молодежи, конечно, уезжает. Из выпускников школы последних лет в сельском хозяйстве я никого не вижу. Из более ранних выпускников — да, молодежь 30-35 лет, вот в этом промежутке она есть. Это те, которые по каким-либо причинам не сумели по окончании школы как-то определиться с учебным учреждением, и вот как-то так здесь остались. Но особой-то перспективы у них здесь нет...»*.

По данным ранее проведенных полустандартизированных опросов сельской молодежи, среди основных причин потенциальной миграционной активности сельской молодежи региона высокую значимость имеют *неудовлетворительное материальное положение* (68 и 53% опрошенных в 2016 и 2008 гг. соответственно), *отсутствие подходящего рабочего места* (34 и 48%), а также *возможность получения желаемого уровня образования* (19 и 14%).

По материалам *фокус-групповых опросов сельской молодежи* в 2016-2017 гг., после окончания школы из больших сел уезжают учиться в города 70-75% выпускников, 90-95% — из малых сел. Лишь небольшая часть уезжает работать в города сразу после школы или переезжает в город после попыток

трудоустроиться в своем селе, а также после службы в армии. Привлекательность переезда в города связывается молодежью с *возможностью получить профессиональное образование, трудоустроиться, улучшить жилищные условия и организовать свой досуг.*

Масштабы и причины реэмиграции сельской молодежи после учебы или работы в городах. По данным анкетного опроса сельской молодежи 2017 г., большинство ответивших (59%) не планировали возвращаться в свое село из города после учебы или работы (либо оставаться там в случае маятниковой миграции на учебу), сделают все возможное, чтобы остаться жить и работать в городе. Лишь 7% планировали вернуться в свое или другое село. И более трети не определились с планами (*«возможно, вернусь в село после учебы, если будут какие-либо изменения с рабочими местами и зарплатой»*), это довольно большой и еще незадействованный резерв для потенциального возвращения молодых селян, на который можно воздействовать различными механизмами привлечения молодежи в село.

Причины их потенциальной возвратной миграции в сельскую местность почти в половине случаев связаны со значимостью семейно-родственных сетей (*в селе осталось много родных и близких, друзей*). Большинство таких молодых людей выделяет в качестве причины потенциального возвращения привлекательность сельского образа жизни в явно осознанном (размеренность, близость к природе) или не вполне неосознанном виде (*«есть что-то, что тянет назад в село, но пока не могу понять, что именно»*). Каждый третий потенциальный реэмигрант намерен вернуться из-за проблем с жильем (*«в городе дорого снимать жилье, а в селе есть где жить»*). Еще реже причины потенциального возвращения в село связаны с желанием найти подходящую работу в своем селе или относительной комфортностью проживания в селе в сравнении с городом (*«есть (почти) все условия для нормальной жизни, а в городе трудно устроиться на работу и снять подходящее жилье»*). И каждый четвертый-пятый планирует вернуться, чтобы стать маятниковым мигрантом, каждый девятый-десятый – сезонным мигрантом.

По результатам фокус-групповых исследований 2016-2017 гг., сразу после учебы в городах молодежь возвращается главным образом только в большие и пригородные села, где есть подходящие рабочие места. По оценкам представителей местной власти в 2017 г., вынужденно возвращается в большие села около трети-четверти уехавших учиться и такая же доля – по собственному желанию. Причем значительная часть из них становится маятниковыми или сезонными мигрантами (до 30-40%).

Сдерживающими факторами возвращения молодежи после учебы в городах являются часто те же, что и при переезде в город, – проблемы трудоустройства, нехватки подходящих рабочих мест и жилищного обустройства.

Из интервью с молодой безработной (п. Комсомольский, Павловский район, 2015 г.): *«После окончания педагогического вуза я вернулась в родное село, но в местную школу мне устроиться не удалось, а идти на сельхозпредприятие «за копейки» я не хочу. Поэтому придется ехать в город и устраиваться по специальности, родители обещали помочь с арендой жилья, а там, может, удастся удачно выйти замуж».*

Из интервью с молодым инженером СПК «Знамя Родины» (с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район, 2015 г.): *«Пробовал зацепиться в городе, однако без стажа работы где там по специальности устроишься? Разве что на подхвате в многочисленных шиномонтажных и прочих автомастерских. Такая перспектива положительных эмоций не вызывала, и не только у меня...».*

Те, кто завершил обучение или получил опыт работы с постоянным пребыванием в городе (их 39%), в качестве основных причин возвращения в село выделили *семейные обстоятельства* (26% среди от получивших опыт пребывания в городе), *проблемы трудоустройства в городе («не смог трудоустроиться, не нашел подходящей работы в городе»)* (16%) и *аренды подходящего жилья («не смог снять недорогое жилье в городе»)* (12%). Самую большую долю такой молодежи (с опытом постоянного проживания в городе) составили *вернувшиеся после получения нужного профессионального образования («оставаться в городе планов не было»)* (27% среди по-

лучивших опыт пребывания в городе, или 11% среди всех опрошенных нами представителей сельской молодежи). Небольшая часть молодежи (чуть больше 8% с опытом проживания в городе) вернулась, поскольку им *«не понравилось жить в городе, не подошел городской образ жизни»*. В отдельных случаях причинами возвращения стали работа на семейном предприятии, семейный бизнес (более 5%), появление привлекательных рабочих мест (более 2%), возможность снять или купить жилье (более 4%). Единичным случаем, ставшим причиной возвращения в село из города, стало получение грантовой поддержки государства.

Причины потенциальной невозвратной миграции сельской молодежи. По мнению подавляющего большинства молодых селян, не планировавших возвращаться в сельскую местность после учебы или работы в городе¹ (69%, треть общего состава респондентов по опросу 2017 г.), такой причиной является *привлекательность городского активного образа жизни* (*«больше возможностей для реализации»*). Около половины потенциальных невозвращенцев указали на *неблагоприятную ситуацию на сельском рынке труда* (*«в селе нет рабочих подходящих мест»* по образованию, квалификации, но прежде всего – по оплате труда). Около 30% выделили *низкое благоустройство села* (плохие дороги, асфальтовые дорожки, освещение и др.), *небольшую численность его жителей* (*«слишком маленькое село для проживания, мало молодежи, (почти) вся молодежь уезжает»*), *нехватка досуговых учреждений для молодежи в селе*, включая дома культуры, кинотеатры, музеи, кафе и развлекательные учреждения (*«негде провести свободное время»*).

Кроме того, значимыми причинами, по мнению каждого восьмого-десятого потенциально невозвратного молодого мигранта, являются отсутствие (или нехватка) в селе необходимых медицинских учреждений и врачей, спортивных объектов (*тренажерных залов, бассейнов*), а также Интернета, качественной мобильной связи, дорожно-транспортной связи с городом и других необходимых условий для нормальной жизни. Еще реже выделяется в качестве

---

¹ Респондентам задавали вопрос: *«Если вы не планируете вернуться в свое (или другое) село после учебы, работы в городе либо пока не определились с планами на отъезд, что на это влияет в первую очередь?»*.

причины отсутствие собственного жилья в селе, необходимых коммунальных удобств, а также детского сада для дошкольников, нехватка мест в них (7-8%). Иногда среди причин выделяется влияние семейно-родственных сетей: *«родители или другие родственники (близкие) рекомендуют (поддерживают решение) переехать в город, планируют помочь закрепиться в городе»* (16%), семейные обстоятельства (каждый десятый ответ)¹.

Прожективные условия потенциальной возвратной миграции молодежи в село². Среди таких прожективных условий с большим отрывом от остальных лидируют условия, связанные с влиянием семейно-родственных сетей (*«семейные обстоятельства»*) (41%). Экономическими условиями потенциальной возвратной миграции в сельскую местность являются в первую очередь **вопросы трудоустройства**: каждый пятый потенциально мог бы вернуться, если бы не смог трудоустроиться, не нашел бы подходящей работы в городе либо на селе появились привлекательные рабочие места. Следующим фактором является **возможность решения жилищных проблем** в селе (если *«можно будет снять или купить жилье в селе»*) (15%) и/или проблемы аренды недорогого жилья в городе (*«не смогу снять недорогое жилье»*) (9%). Потенциальным фактором возвращения в село может стать непривлекательность городского образа жизни (если *«не понравится жить в городе, не подойдет городской образ жизни»*) (14%). Но более трети потенциальных невозвращенцев (36%) не видят таких причин³.

Причины, по которым молодые сельяне остаются жить в сельской местности. Такие причины являются почти зеркальным отражением причин миграции из села. По опросу 2017 г. большинство (53% ответивших) **надеется**

---

¹ Только 9% затрудняются ответить, пока не думали об этом.

² Не планирующим возвращаться в сельскую местность после учебы или работы в городе или неопределившимся (47% всего массива респондентов – представителей сельской молодежи) задавали вопрос: *«Что может повлиять на ваши планы, на решение не возвращаться в свое (или другое) село после учебы, работы в городе? при каких условиях вы потенциально могли бы вернуться?»* (опрос 2017 г.).

³ Затруднились с ответом 17% респондентов данной группы.

*найти подходящую работу в селе*¹. Многих останавливает *дорогая стоимость покупки или аренды жилья в городе* («в городе дорого снимать жилье, а в селе есть где жить», 41%). Весомыми являются инерционность поведения («привык(ла) жить в селе, не хочу ничего менять», 39%) и *привлекательность сельского размеренного образа жизни*, близость к природе (35%). В каждом пятом случае такой причиной является *удовлетворенность условиями жизни в селе* («в селе есть (почти) все условия для нормальной жизни, а в городе трудно устроиться на работу и снять подходящее жилье»). Почти в каждом втором-третьем случае определяющими являются семейно-родственные и дружеские отношения («в селе живет много родных и близких, друзей», 47%), семейные обстоятельства (33%).

Каждый шестой-восьмой молодой селянин выделяет *близость города* в качестве причины остаться жить в селе: «до города недалеко, есть неплохие дороги и регулярное транспортное сообщение, буду жить в селе и (почти) ежедневно ездить на работу в город» (16%), «в близлежащем городе можно получить медицинские и другие услуги, которых нет в селе» (12%).

Реже значимую роль играют такие причины экономического характера, как создание или развитие бизнеса: «в селе можно получить грант или другую поддержку государства, местных органов для организации своего бизнеса», «работа на семейном предприятии, семейный бизнес» (13-14%).

Для подавляющего большинства ответивших (88%) решение остаться жить в сельской местности (в своем селе или переехать в другое село) добровольным, причем для 69% – абсолютно добровольным и 19% – скорее добровольным при определенной степени вынужденности. Лишь для менее 4% молодых селян, планирующих остаться в селе, такое решение является в большей мере вынужденным, чем добровольным.

---

¹ Не планирующим уезжать из сельской местности в город (38% всего массива респондентов – представителей сельской молодежи) задавали вопрос: «Если вы хотите жить в своем селе (или переехать в другое село), не планируете уезжать в город, что на это повлияло в первую очередь?».

По результатам фокус-групп и материалам экспедиций в 2015-2017 гг., небольшая часть молодежи (10-15%) остается учиться в больших селах, где есть колледжи и другие учреждения среднего профессионального образования. Некоторые из них трудоустраиваются, совмещая работу с учебой. Такой выбор довольно часто определяется низким уровнем их подготовки для учебы в городе (низкие показатели ЕГЭ для поступления в вузы).

С начала 2010-х гг. в Алтайском крае сохранили свою значимость в качестве основных причин потенциального оттока молодежи из села неудовлетворительное материальное положение, отсутствие подходящего рабочего места и возможности получения желаемого уровня образования. В рейтинге миграционных предпочтений сельской молодежи выраженные лидерские позиции сохранили города региона. Особую роль для демографического и социально-экономического развития сельских территорий региона, а следовательно, необходимости особого внимания со стороны органов власти, имеет сельская молодежь, намеревающаяся и далее проживать в своих сельских населенных пунктах.

7.4. Практики маятниковой и сезонной миграции как альтернатива оттоку молодежи из села

Не только сезонная, но и маятниковая образовательная и трудовая миграция все чаще становятся альтернативой переезда в город на постоянное место жительства. Если масштабы сезонной миграции (преимущественно это работа на Севере) постепенно нарастали с 1990-х гг. (наиболее активно в кризисные годы), то наиболее значительный рост маятниковой трудовой миграции приходится на период со второй половины 2000-х, когда она увеличилась в разы, с одной стороны, из-за значительного сокращения рабочих мест в селах, а с другой – вследствие качественных изменений в развитии дорожно-транспортной сети и увеличения стоимости жилья и затрат на его аренду в больших городах.

Как уже отмечалось, каждый четвертый-пятый опрошенный в 2017 г. представитель сельской молодежи планировал вернуться в свое (или другое) село, чтобы стать маятниковым мигрантом (*«до города недалеко, есть неплохие дороги и транспортное сообщение, буду жить в селе и (почти) ежедневно ездить на работу в город»*), а каждый девятый-десятый – сезонным мигрантом (*«планирую стать сезонным мигрантом: жить в селе и ездить на работу на Север или в регионы, города с высокооплачиваемыми рабочими местами»*).

Маятниковая миграция сельской молодежи. Сельские жители из сел, расположенных, как правило, в пределах полутора-двухчасовой доступности от крупных и средних по численности городов края, ежедневно ездят на работу на заводы, в строительные, торговые и другие организации. Среди них не только молодежь, но и много представителей среднего и старшего трудоспособного возраста. По мнению руководителей сельсоветов, близко расположенных к Барнаулу, каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, *«села пустеют»*.

Из-за отсутствия рабочих мест выросла маятниковая миграция из малых сел в большие, но это относится к представителям среднего и старшего трудоспособного возраста, поскольку молодежь выбирает работу, хоть и более удаленную, но с относительно высокой зарплатой, что крайне редко встречается в сельской местности.

Возникло новое явление маятниковой миграции, не получившее массового характера, – трудовая миграция из города в село. Сельская молодежь остается после учебы жить в городе, удовлетворяя таким образом потребность вести более привлекательный городской образ жизни, но ездит в село работать в семейных фермерских хозяйствах или в своих ИП (КФХ, мелкие торговые и транспортные организации), которые родители помогли организовать для своих детей. Иногда при этом молодые люди, как начинающие фермеры, предприниматели получают гранты на 1,5-3 млн рублей.

По данным опроса сельской молодежи в 2017 г., 11% имеют опыт работы в городе без постоянного пребывания, без переезда, то есть в качестве маятникового мигранта. Самыми значительными проблемами, с которыми столкнулся каждый третий маятниковый мигрант, являются, во-первых, большие транс-

портные расходы и затраты времени на дорогу (в среднем около 3 часов), во-вторых, нехватка времени на общение в кругу семьи, с друзьями, родственниками. В единичных случаях отмечаются плохая работа транспорта, нерегулярное транспортное сообщение, плохие дороги. Почти две трети маятников-мигрантов планируют и дальше работать в городе без переезда, прежде всего поскольку такая работа дает значительный доход или пока не найдут подходящую работу в селе.

Из интервью со студенткой медицинского колледжа (с. Стуково, Павловский район, 2015 г.): *«Если бы после получения диплома я нашла работу с жильем, то наверняка осталась бы в городе. Но найти такую работу очень непросто... Поэтому придется жить в деревне с родителями, а на работу ездить каждый день по 40 км до города и обратно».*

Сезонная миграция сельской молодежи. По данным опроса сельской молодежи в 2017 г., опыт сезонной работы в удаленном городе, районе подтвердили 11% респондентов. Около 30-40% сезонников также выделили в качестве главных проблем такой работы большие затраты времени на дорогу и транспортные расходы, во-вторых, недостаток времени на общение в кругу семьи, с друзьями, родственниками. Иногда такими мигрантами отмечаются перегрузки, вызывающие утомление и оказывающие влияние на здоровье, а также трудности создания семьи. По этим причинам более трети не собираются дальше работать в сезонном режиме, но около 40% планируют продолжить такую работу из-за возможности получать значительные доходы, а каждый пятый планирует в ближайшее время переехать поближе месту работы.

* * *

Итак, анализ миграции сельской молодежи Алтайского края показал, что с начала «нулевых», за исключением недавних пяти лет (2011-2016 гг.), миграция сельской молодежи росла, включая 2017 г. В последние годы вновь возросла и потенциальная миграция, достигнув почти до 60%. При этом лишь 7% молодых людей планировали вернуться в село после учебы, работы в городах для

дальнейшего проживания. Доминируют среди потенциальных мигрантов выпускники школ с намерением получить профессиональное образование в городе, а также молодые люди, не имеющие семьи и собственного жилья. Наряду с отъездом из села преимущественно в города края и других регионов на постоянное место жительства выросли процессы маятниковой и сезонной миграции.

Масштабы и последствия миграции сельской молодежи сегодня таковы, что данная проблема становится уже реальной угрозой социально-экономическому развитию не только отдельных сельских территорий, но и региона в целом. Значительное сокращение численности молодежи в сельской местности уже привело к качественным сдвигам в демографической структуре, последствиями чего являются сокращение среди сельских жителей трудоспособного возраста до четверти, проблемы демографического воспроизводства поселений и территорий, обеспеченности сельской экономики квалифицированными кадрами.

Все эти процессы являются следствием влияния комплекса разнонаправленных факторов-условий и факторов-регуляторов, как позитивно, так и негативно воздействующих на положение сельских жителей, в том числе молодежи. Здесь, с одной стороны, сказываются результаты более активной аграрной и сельской политики, политики импортозамещения, улучшение качества дорог и обеспечение информационными и мобильными средствами связи, но и, с другой стороны, – это переход на новые технологии в сельском хозяйстве, следствием чего является сокращение занятости, последствия кризисных явлений последних лет, в том числе рост бедности и безработицы.

Наблюдается рост значимости таких причин потенциальной миграции, как нехватка рабочих мест с адекватной оплатой труда, стремление повысить уровень образования, низкая доступность и качество медицинских услуг, низкий уровень развития молодежного досуга и спорта, привлекательность городского образа жизни.

Глава 8. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИЮ

8.1. Дифференцированный анализ демографических характеристик сельской молодежи

Помимо численности молодежи, ее динамики, сдвигов в возрастной структуре, о чем уже говорилось в главе 7, факторами демографического воспроизводства сельского населения являются также смертность, половая, брачная и семейная структуры. Здесь будут рассмотрены изменения данных характеристик в селах Алтайского края, выделены их особенности по отношению к сельской молодежи в сравнении с городской молодежью, а также сельским населением более старшего трудоспособного возраста (30-60 лет).

Динамика смертности. Возрастной коэффициент смертности сельской молодежи Алтайского края в 2010 г. составил 2,2‰ (среди мужчин – 3,3‰), снизившись с 2000 г. на 0,3 п.п. преимущественно за счет мужчин (на 0,7 п.п. против 0,2 п.п. среди молодых сельских женщин). Более чем втрое (до 0,7 п.п.) увеличились соответствующие различия между сельской и городской молодежью за счет более существенного снижения смертности среди последней (в 1,5 раза до 1,5‰).

Особенности половой структуры сельской молодежи. Сельское население региона традиционно отличалось более сбалансированной половой структурой по сравнению с городским. В 2016 г. в Алтайском крае на 1 тыс. мужчин приходилась 1132 женщины (на 67 чел. меньше, чем в городах).

По данным исследований Ф. Зиятдиновой и Е. Кучаевой, актуальной проблемой демографического развития села является нехватка невест в селах (в 2006 г. на 1 тыс. мужчин-селян 20-24 лет в Татарстане приходилось 872 женщины)¹. Схожая ситуация наблюдалась и в Алтайском крае, где в 2017 г.

---

¹ Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 62.

на 1 тыс. сельских мужчин 20-24 лет приходилось 910 женщин (в городах – 1056), в целом по группе показатель составил 913 (в городах – 1024). В 2017 г. половая структура сельской молодежи края была более сбалансированной в сравнении с ситуацией в среднем по РФ (913 против 876).

Мы разделяем мнение Е. Колосовой о том, что наблюдаемый на селе демографический дисбаланс между численностью молодых женщин и мужчин также является причиной нежелания остаться на селе, поскольку существуют определенные трудности в создании семьи, поиске спутника жизни¹.

Влияние гендерного фактора (или пола как демографической характеристики социального положения) на изменение различных характеристик социального положения и перспективы социальной мобильности молодежи являются предметом исследования отечественных и зарубежных ученых. Так, исследование китайских ученых Й. Чанг, Э. Хэннум и Г. Кэо показали, что пол играет значимую роль в формировании миграционных и образовательных стратегий сельской молодежи (на примере Китая). Так, в связи с особенностями демографической политики в Китае молодые сельские женщины, у которых большая вероятность возможности иметь младших братьев, часто выполняют функции присмотра и воспитания, откладывая или вовсе отказываясь от получения образования и, соответственно, отъезда из общины². По данным исследований Э. Хита, сравнивавшего карьерные возможности гендерных групп, перспективы женщин покинуть низшие должности, связанные с физическим или рутинным умственным трудом, используя рыночные возможности, гораздо меньше, чем мужчин, однако у последних ниже шансы на вертикальную мобильность посредством вступления в брак³.

По мнению В. Радаева и О. Шкаратана, горизонтальная сегрегация женщин означает их сосредоточение в определенных профессиях и сферах занято-

---

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 240.

² Chiang Y., Hannum E.C., Kao G. Who Goes, Who Stays, and Who Studies? Gender, Migration, and Educational Decisions among Rural Youth in China // International Journal of Chinese Education. – 2012. – Vol. 1. – Iss. 1. – Pp. 106-107.

³ Heath A. Social Mobility. – Glasgow, 1981. – Pp. 107-136.

сти (образование, здравоохранение и проч.) при относительной исключенности из других, вертикальная сегрегация – в более низком уровне оплаты труда (зачастую) в сравнении с мужчинами¹. Данные выводы справедливы и по отношению к сельской молодежи Алтайского края. С начала 2000-х гг. молодые селянки региона при более высоком уровне образования имели более неблагоприятные характеристики занятости и доходов в сравнении с сельскими молодыми мужчинами. Например, по микропереписи 2015 г. среди сельских молодых женщин заметно больше имеющих высшее образование (13,9%) и меньше неграмотных (0,26%), чем среди сельских молодых мужчин (9,3% и 0,51%). При этом молодые селянки отличались более высоким удельным весом безработных: по той же переписи 14,7% женщин против 9,3% мужчин. Только 35,6% женщин получали в качестве основного доход от трудовой деятельности против 61,6% таких мужчин.

Брачное состояние сельской молодежи. На воспроизводство населения также оказывают влияние такие демографические процессы, как брачность и разводимость. В Алтайском крае начиная с 2000-х гг. количество создаваемых браков в сельской местности было неизменно большим, нежели расторгаемых. В 2016 г. удельный вес созданных брачных союзов на селе, как и в городах края, превышал удельный вес расторгнутых в 1,4 раза (в 2010 г. – в 1,7 и 1,8 раза соответственно).

По данным двух всероссийских переписей населения и микропереписи 2015 г., с начала 2000-х гг. брачное состояние сельской молодежи Алтайского края оказалось более устойчивым в сравнении с молодыми горожанами (табл. 8.1).

---

¹ Радаев, В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. – С. 116.

Таблица 8.1

Демографические характеристики сельской и городской молодежи, сельского населения трудоспособного возраста от 30 лет и старше Алтайского края

(по данным переписей населения 2002, 2010 и 2015 гг.,

по данным Росстата 2017 г.)

Характеристики	Сельская молодежь	Городская молодежь	Сельское население трудоспособного возраста от 30 лет и старше
Число женщин на 1 тыс. мужчин, чел.			
2002	966	1057	935
2010	961	1028	864
2017	913	1024	852
Доля лиц в браке, %			
2002	45,9	34,7	82,7
2010	45,8	39,0	80,1
2015	44,2	46,0	79,0
Доля лиц в зарегистрированном браке, %			
2002	78,6	79,4	85,0
2010	74,0	73,6	82,0
2015	75,3	74,6	84,0
Доля женщин, не имеющих детей, %			
2002	51,4	68,3	4,2
2010	46,9	65,9	5,4
2015	50,0	62,5	5,8
Рожденных детей на 1 тыс. женщин, чел.			
2002	647	370	2060
2010	742	411	1889
2015	576	431	1838
Доля лиц русской национальности, %			
2002	93,1	96,7	91,3
2010	96,3	98,2	93,5
2015	92,8	97,5	90,7
Доля лиц с хроническими заболеваниями, из них инвалиды, % (2015 г.)	6,5 38,7	4,1 20,4	12,3 28,4
Доля лиц с инвалидностью, % (2015 г.)	2,3	0,8	4,6

Так, незначительно снизилась (за счет женщин) доля состоящих в браке молодых селян (на 1,7 п.п., до 44,2%), в то время как аналогичный показатель среди городской молодежи, напротив, увеличился до 46,0% или на 11,3 п.п. (за счет обоих полов) (табл. 8.1). Данные процессы привели к тому, что характер различий между молодыми селянами и горожанами в регионе по рассматриваемой демографической характеристике их положения качественно изменился: если в начале 2000-х гг. доля «семейной» сельской молодежи превышала соответствующий показатель среди городской почти на 11 п.п., то в середине 2010-х гг. удельный вес состоящей в браке городской молодежи, напротив, оказался выше на 1,8 п.п. (46% против 44,2% среди сельской).

Среди сельского населения более старшего трудоспособного возраста также наблюдалась тенденция снижения брачной активности – почти на 3 п.п. (с 82,7% по переписи 2000 г. до 79% по микропереписи 2015 г.), в целом же по территориальной группе сельского населения региона удельный вес состоящих в браке с начала 2000-х гг. не изменился и составлял 67,4% (табл. 8.1).

По данным исследований А. Еремина и Н. Быкова, рост числа зарегистрированных браков в Алтайском крае в 2000-е гг. в значительной степени обеспечивался социально более зрелыми людьми, в том числе по причинам продолжающегося повышения уровня образования населения (в особенности женщин)¹. Применительно к сельской молодежи Алтайского края (согласно переписным данным) с начала 2000-х гг. наблюдалась противоположная ситуация: более чем на 3 п.п. вырос удельный вес незарегистрированных семейных союзов (каждый четвертый брак оказался неофициальным), в большей степени за счет молодых сельских мужчин (23,2% против 26,4% среди сельских женщин по микропереписи 2015 г.). Для сравнения: среди городской молодежи региона доля сожительства выросла еще более значительно – почти на 5 п.п. (табл. 8.1). Таким образом, тенденция снижения брачной активности (откладывание созда-

---

¹ Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 139-140.

ния собственных семей) молодых селян региона в исследуемый период сопровождалась ростом распространенности незарегистрированных семейных союзов.

Из интервью с молодым работником Черемновского лесничества (п. Комсомольский, Павловский район, 2015 г.): *«Живем в незарегистрированном браке, несмотря на рождение ребенка. Жена решила, что от статуса матери-одиночки получит больше выгоды, да и мне меньше проблем. А что? Многие так живут».*

В рассматриваемый период Алтайский край в целом отличался более высокой брачной активностью сельской молодежи на фоне СФО и РФ, а также большей распространенностью незарегистрированных браков, чем в целом по стране и, напротив, меньшим удельным весом сожителств в сравнении с федеральным округом (табл. 8.1). К середине 2010-х гг. различия между брачным состоянием молодых сельских и городских женщин в Алтайском крае оказались практически нивелированы, что подтверждается сближением удельных весов показателей как лиц, состоящих в браке (49,9 и 50,1% соответственно), так и незарегистрированных браков (76,8 и 76,4%).

Репродуктивная активность сельской молодежи. В тесной связи с брачным состоянием сельской молодежи находится и такая демографическая характеристика ее социального положения, как репродуктивное состояние, выражаемое в различных показателях рождаемости. С начала 2000-х гг. в Алтайском крае (по данным переписей населения 2002 и 2015 гг.) молодые сельские женщины в сравнении с городскими отличались более высокой репродуктивной активностью (табл. 8.1). Так, в 2015 г. собственных детей не имела почти каждая вторая сельская жительница 16-29 лет (42,4%). Вместе с тем соответствующая характеристика демографического состояния горожанок, несмотря на ее заметное снижение с начала 2000-х гг. (почти на 6 п.п.), была заметно выше и составляла 62,5%.

Если в «нулевых», по данным переписей 2002 и 2010 гг., наблюдалось повышение репродуктивной активности сельских молодых женщин в регионе (на 14,7%, с 647 до 742 детей в расчете на 1 тыс. женщин), то в первой поло-

вине 2010-х гг. выраженной негативной тенденцией изменения их демографического состояния стало заметное снижение среднего числа рожденных детей (на 11,0%, до 576 детей в расчете на 1 тыс. женщин), в то время как аналогичный показатель среди городской молодежи, напротив, вырос на 16,5%. По данным микропереписи 2015 г., более половины (53,7%) молодых сельянок с детьми имели одного ребенка (тогда как среди молодых горожанок – только 69,9%), более трети (37,5%) – двух детей (что соответствует значению аналогичного показателя у молодых горожанок), менее десятой части (8,8%) – трех и более детей (против 3,0% среди молодых горожанок).

С начала 2000-х гг. показатели брачного и репродуктивного состояния сельской молодежи Алтайского края были более высокими в сравнении с РФ и, напротив, уступали средним значениям по федеральному округу (табл. 8.2).

Таблица 8.2

Демографические характеристики сельской молодежи Алтайского края,
Сибирского федерального округа и Российской Федерации
(по данным переписей населения 2002, 2010 и 2015 гг.,
по данным Росстата 2017 г.)

Показатель	АК	СФО	РФ
Доля мужчин, %:			
2002	50,9	51,3	51,7
2010	51,0	51,8	52,2
2017	52,3	н.д.	53,4
Число женщин на 1 тыс. мужчин, чел.:			
2002	966	950	933
2010	961	931	916
2017	913	н.д.	876
Доля лиц, состоящих в браке, %:			
2002	45,9	н.д.	36,7
2010	45,8	41,5	36,5
2015	44,2	41,7	37,2

Показатель	АК	СФО	РФ
Доля лиц, состоящих в зарегистрированном браке ко всем состоящим в браке, %:			
2002	78,6	н.д.	80,8
2010	74,0	67,5	77,8
2015	75,3	70,2	79,1
Доля женщин, не имеющих собственных детей, %:			
2002	51,4	н.д.	56,1
2010	46,9	49,6	56,7
2015	50,0	48,6	55,6
Среднее число рожденных детей на 1 тыс. женщин, чел.:			
2002	647	н.д.	629
2010	742	732	626
2015	576	586	478
Доля женщин, % (2015 г.):			
с 1 ребенком	53,7	48,7	57,1
с 2 детьми	37,5	27,1	33,4
с 3 и более детьми	8,8	24,2	9,5
Доля лиц с инвалидностью, % (2015 г.)	2,3	2,6	2,0
Доля лиц с хроническими заболеваниями, ограни- чивающими жизнедеятельность, % (2015 г.), из них имели инвалидность	6,5 38,7	6,1 45,4	4,5 47,5

Последнее отчасти связано с традиционно высокой брачной и репродуктивной активностью отдельных национальностей, проживающих на территории республик – субъектов СФО (например, речь идет о Республиках Тыва и Алтай), что подтверждается почти втрое большей долей молодых сельских женщин с тремя и более детьми по федеральному округу в целом в сравнении с Алтайским краем (табл. 8.2).

О неблагоприятных тенденциях изменения репродуктивной активности сельской молодежи Алтайского края также свидетельствуют данные опросов 2008, 2016 и 2017 гг., согласно которым в последние годы ее репродуктивные планы заметно изменились. В 2016 г. менее половины молодых селян (45%) заявили о желании иметь детей в будущем (в том числе дополнительно к имею-

щимся), что на треть меньше, чем 8 лет назад; существенно снизилось среднее желаемое число детей в семье: 42% молодежи желали иметь одного ребенка (в 2008 г. – 25%), менее половины (45%) – двух детей (61%), трех и более детей – 13% (15%). По опросу 2017 г. уже 57% сельской молодежи планировали рождение детей, не планировали – только 22%, в том числе 15% всех ответивших респондентов ориентировались на полную бездетность (против 67%, 15% и 9% в 2008 г. соответственно).

Из интервью со студенткой медицинского колледжа (с. Стуково, Павловский район, 2015 г.): *«Мне 20 лет, и я планирую сразу родить ребенка, как только закончу колледж. Всего я бы хотела двух детей, потому что больше вряд ли смогу себе позволить, так как зарплата у медсестры небольшая, а у моего молодого человека вообще нет постоянной работы. Родители помогут».*

По мнению С. Соболевой и О. Чудаевой, показатели социально-экономического развития территории и уровня жизни ее жителей оказывают существенное влияние на формирование демографических угроз, а также на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения¹.

Применительно к сельской молодежи Алтайского края отметим, что в 2010-х гг., по данным опросов, сохранили свою значимость в качестве основного фактора, препятствующего рождению желаемого числа детей, низкий уровень доходов и плохие жилищные условия (33 и 37% в 2016 и 2008 гг. соответственно). Полученные результаты подтверждаются данными переписи населения 2015 г., в соответствии с которыми наиболее значимыми условиями, способствующими рождению желаемого числа детей, для сельской молодежи региона являлись возможность получения беспроцентной ссуды на покупку жилья, федерального и регионального материнского (семейного) капитала, ежемесячного денежного пособия по уходу за ребенком до 3 лет, а также гарантиро-

---

¹ Соболева С.В., Чудаева О.В. Риски в формировании демографической среды // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 29.

ванная возможность устройства ребенка в детский сад (ясли). В сравнении с аналогичными группами СФО и РФ для сельской молодежи Алтайского края гораздо большую значимость имела возможность улучшения жилищных условий за счет получения безвозмездной помощи от государства (при одинаковой важности функционирования программы семейного капитала).

Репродуктивные установки сельской молодежи Алтайского края дифференцированы в зависимости от демографических и социально-экономических характеристик ее положения. Так, по данным опроса 2016 г., наименее настроенными на рождение детей (в том числе второго и последующих) оказались женщины (46% против 22% мужчин)¹, молодежь 25-29 лет (57% против 7% молодежи 18-24 лет), не имеющие профессионального образования (37% против 30% молодежи с высшим профессиональным и послевузовским образованием), бедные (36% против 12% обеспеченных).

Национальная принадлежность сельской молодежи. По данным переписи 2010 г., в Алтайском крае наибольшая доля молодежи встречалась среди армянской национальности (22,5% среди пяти наиболее многочисленных национальностей), а наименьшая – среди украинцев (4,1%); среди русского населения данный показатель составил 17,9%. С начала 2000-х гг. гомогенность национального состава сельской молодежи Алтайского края немного снизилась (доля лиц русской национальности уменьшилась на 0,3 п.п., до 92,8%), однако оставалась более высокой в сравнении с более старшим сельским населением трудоспособного возраста (90,7%) – табл. 8.1. На протяжении исследуемого периода национальный состав молодых селян региона в целом оставался более разнообразным и одновременно более устойчивым в сравнении с молодыми горожанами.

Мы разделяем мнение И. Октябрьской и Н. Смирновой о том, что этническая принадлежность оказывает влияние на процессы воспроизводства и формирования человеческого потенциала населения только во взаимосвязи с обра-

---

¹ Рассчитано как доля лиц, отрицательно настроенных на рождение первого или последующих детей, к 100% опрошенных соответствующего пола.

зовательным и общекультурным уровнем, степенью урбанизации, видом занятий¹. Учеными определено, что в СФО (по данным переписи 2002 г.) при переходе от старших возрастных групп к младшим происходит сокращение дифференциации уровня рождаемости между различными этническими сообществами (для женщин 20-29 лет максимальный разброс среднего числа рождений (украинцы и русские) составляет 1,06 раза, что в 2,3 раза меньше в сравнении с подгруппой старше 70 лет)². Результаты проведенного нами исследования также подтверждают качественные возрастные различия по уровню рождаемости разных этнических групп. По данным переписи населения 2010 г., в Алтайском крае максимальные различия в уровне рождаемости женщин 20-29 лет разных этнических групп составили 1,4 раза (армяне и казахи), а соответствующий показатель для женщин старше 70 лет – 2,2 раза.

Здоровье сельской молодежи. Здоровье сельской молодежи является важной характеристикой ее демографического состояния. По мнению почти двух третей экспертов, опрошенных в 2011 г., ухудшение здоровья селян, недоступность и низкое качество медицинских услуг являются актуальными проблемами социального развития алтайского села.

По данным микропереписи 2015 г., сельская молодежь Алтайского края отличалась худшим состоянием здоровья, в частности более высоким удельным весом имеющих различные хронические заболевания, ограничивающие жизнедеятельность, как на фоне СФО и РФ в целом (6,5% против 4,5% в РФ и 6,1% в СФО), так и в сравнении с молодыми горожанами региона (6,5%, в том числе с инвалидностью 38,7%, против 4,1 и 20,4% соответственно) – табл. 8.1-8.2. Удельный вес молодых селян с инвалидностью в регионе в 2015 г. почти втрое превышал соответствующий показатель среди городской молодежи (2,3% против 0,8%). Наиболее неблагоприятным состоянием здоровья отличались сельские молодые мужчины (2,7% инвалидов против 2% среди женщин) – табл. 8.1.

---

¹ Октябрьская И.В., Смирнова Н.Е. Этническая компонента в формировании человеческого потенциала Сибири // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 434-435.

² Там же. С. 439.

Косвенным подтверждением ухудшения состояния здоровья сельской молодежи (как, впрочем, и остальных сельских жителей трудоспособного возраста) Алтайского края с начала 2000-х гг. является рост удельного веса тех, для которых основным источником доходов являлась пенсия по инвалидности: по данным переписей, с 2,2% в 2002 г. до 2,6% в 2015 г.

Результаты проведенных нами опросов подтверждают данные переписей. В 2016 г. почти каждый десятый молодой селянин Алтайского края имел различные проблемы со здоровьем: 7% – серьезное хроническое заболевание, 2% – инвалидность. По опросу 2017 г. показатели здоровья сельской молодежи были немного лучше: не имели проблем со здоровьем 94% респондентов, но более 4% имели серьезное хроническое заболевание и около 1% – инвалидность¹.

В 2016 г. почти половина опрошенной сельской молодежи оценивала состояние своего здоровья на основе собственной оценки и лишь каждый тридцатый – по итогам медицинского обследования. Комплексное медицинское обследование по контролю состояния здоровья с участием разных специалистов в течение последних 2-3 лет прошла лишь четверть опрошенных молодых селян.

Дифференцированный анализ отношения сельской молодежи Алтайского края к состоянию своего здоровья показал, что более значимые различия наблюдались между разными возрастными группами, нежели гендерными (табл. 8.3).

Возраст, как группообразующая характеристика сельской молодежи, являлся значимым критерием внутренней дифференциации ее социального положения. Согласно данным опроса 2018 г., младшая возрастная подгруппа молодых селян края (до 24 лет) отличалась более низким уровнем образования и большей долей безработных, менее интенсивной репродуктивной активностью в сравнении с более старшими представителями сельской молодежи, которые преимущественно уже завершили процесс получения образования, со-

---

¹ Данные различия по опросам 2016 и 2017 г. во многом объясняются различиями в возрастной структуре выборочных массивов: в выборке 2016 г. представительство старшей возрастной группы (25-29 лет) заметно выше (54% против 37% в 2017 г.).

здали семьи, стали родителями и в связи с этим оказались более «привязанными» к местам своего постоянного проживания.

Из интервью с молодой жительницей с. Стуково, находящейся в декретном отпуске (Павловский района, 2015 г.): *«Моему сыну почти 2 года. Нас с мужем не устраивает невозможность найти работу в нашем селе с достойной заработной платой, но решиться на переезд в город мы не можем, потому что устроить ребенка в детский сад в городе гораздо проблематичнее, а съемное жилье мы не потянем».*

Таблица 8.3

Характеристики состояния здоровья и отношения к нему сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опроса 2016 г.)

	Возраст		Пол	
	18-24 года	25-29 лет	мужчины	женщины
Доля лиц, оценивающих состояние здоровья исключительно на основе медицинского обследования	8	0	4	4
Доля прошедших комплексное медицинское обследование за последние 2-3 года	33	18	20	29
Доля лиц, оценивших уровень личной ответственности за свое здоровье, как низкий	22	26	23	25

По данным исследований И. Журавлевой и Н. Лакомовой, с показателями здоровья населения коррелируют такие социальные факторы, как социально-экономический статус и уровень образования (особенно – уровень образования матери)¹. По мнению ученых, среди лиц с высоким социально-экономическим статусом ниже заболеваемость и смертность, они меньше курят и злоупотребляют наркотиками, а также более информированы в вопросах сохранения здоровья. Данные выводы применимы и к сельской молодежи Алтайского края:

¹ Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Социальная политика по формированию у молодежи отношения к здоровью. – Ульяновск: Зебра, 2016. – С. 35.

по опросу 2016 г. наиболее образованные и обеспеченные молодые сельские жители более ответственно относились к своему здоровью, чаще проходили медицинские обследования.

Проблемы улучшения состояния своего здоровья сельская молодежь Алтайского края связывает главным образом с низким уровнем доходов (43% в 2016 г.), а также с низким уровнем личной ответственности (каждый четвертый).

Из интервью с молодой жительницей с. Стуково, находящейся в декретном отпуске (Павловский район, 2015 г.): *«До своей беременности я почти к врачам и не обращалась, тем более что ехать до райцентра в больницу часто было проблематично, да и лень, если честно. Я и во время беременности нерегулярно посещала женскую консультацию. А зачем, если чувствовала себя нормально? Только зря деньги катать...»*.

Как утверждает Е. Колосова, особое значение для сельской молодежи имеют также проблемы получения качественной медицинской помощи, отражающие низкий уровень развития сельской социальной инфраструктуры, поскольку качество медицинского обслуживания влияет на возможность благополучного рождения детей¹.

Еще одной актуальной проблемой, связанной с состоянием здоровья молодежи в целом и сельской молодежи в частности, является высокий уровень употребления алкогольных напитков и наркотических веществ. Так, С. Соболева, О. Чудаева и Н. Смирнова отмечают, что огромную роль в увеличении смертности в России играет алкоголизация населения, опасность которой заключается, в частности, в ее распространении преимущественно в молодежной среде². По данным проведенного нами опроса в 2016 г., для пятой части молодых сельских жителей Алтайского края алкоголизация населения и распространение наркомании являлись наиболее острыми проблемами социального развития их сель-

---

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 238-239.

² Соболева С.В., Чудаева О.В., Смирнова Н.Е. Формирование демографического потенциала Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 172.

ских поселений (20 и 17% соответственно). И почти каждый шестой опрошенный молодой селянин лично столкнулся с данными проблемами в последнее время (либо столкнулась его семья), а каждый третий рассматривал борьбу с алкоголизмом и наркоманией, в том числе среди сельской молодежи, в качестве наиболее приоритетной меры по сокращению миграционного оттока молодежи из села.

Из интервью с молодым механизатором (с. Стуково, Павловский район, 2015 г.): *«По выходным часто с друзьями собираемся и что-нибудь пьем. А что еще делать, если некуда пойти, не в библиотеку же? Правда, в последнее время стал замечать, что некоторые парни совсем запиваться стали, даже могут на работу не ходить. Но пока не вижу в этом серьезной проблемы, если будет нужно, я уверен, они ни капли не выпьют».*

Состояние здоровья сельской молодежи, по данным опроса 2016 г., оказывало значительное влияние на ее социально-экономическую активность и материальное положение. Молодежь, имеющая проблемы со здоровьем, хуже оценивала свое материальное положение и его динамику, доступность получения желаемого уровня образования, дальнейшие жизненные перспективы.

Влияние демографического состояния сельской молодежи на их миграционные установки. Как отмечалось в главе 7, по опросу 2017 г. в существенно большей мере были настроены на отъезд из сельской местности представители младшей группы молодежи (в сравнении с молодежью 25-29 лет: 73% против 40%), холостые (70% против 42% в сравнении с образовавшими свою семью), молодые люди, не имеющие собственных детей (63% в сравнении с 37% имеющих собственных детей, с ними проживающих).

Близкие пропорции получены нами и по ранее проведенным опросам. Так, в 2016 г. желали сменить место жительства 61% молодежи 18-24 лет против 29% молодежи 25-29 лет, 57% холостяков против 32% молодежи, состоящей в браке (включая незарегистрированных), 55% молодых селян, не имеющих детей, против 39% с собственными детьми.

Вместе с тем не выявлено устойчивой корреляционной зависимости между полом и миграционными установками сельской молодежи. По опросу 2017 г.

существенных различий в миграционном потенциале мужчин и женщин не установлено, хотя в 2016 г. более высокое миграционное настроение наблюдалось среди мужчин (53% желающих уехать из села против 34% таковых среди женщин)¹. Кроме того, отсутствует устойчивая корреляционная связь между здоровьем сельской молодежи и ее миграционным настроением. По опросам 2016 и 2017 гг., миграционные установки среди сельской молодежи, имеющей проблемы со здоровьем в форме хронических заболеваний, оказались чуть выше в сравнении со здоровой частью респондентов. Так, по опросу 2017 г., миграционный потенциал среди сельской молодежи с серьезным хроническим заболеванием составил 68% против 61% среди не имеющих проблем со здоровьем. Однако в случае инвалидности миграционный потенциал резко падает.

8.2. Образование как драйвер изменения социального положения и миграционной активности сельской молодежи

Изменение уровня и структуры образования сельской молодежи региона. По уровню образования сельского населения Алтайский край несколько уступает среднероссийскому региону и лидирует среди сибирских. В 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян достигал 10,8 года, сельского населения РФ – 11,0, а СФО – 10,6. Структура сельских жителей края по уровню образования несущественно отличалась от аналогичной структуры в России и Сибири. Вместе с тем, несмотря на то, что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования оно значительно уступает городскому. В сельской местности по сравнению с городской на полтора с лишним года меньше среднее число накопленных лет образования, в 2-2,5 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2-3 раза выше доля лиц с начальным образованием (табл. 8.4).

---

¹ Данный гендерный сдвиг в сторону мужчин может объясняться более неблагоприятной экономической ситуацией 2016 г. По результатам наших более ранних исследований, в кризисные периоды мужчины чаще стремятся уехать из села, чем женщины. Например, в 2011 г. также выявлен более высокий миграционный потенциал мужчин, тогда как в более благополучные периоды (например, летом 2008 и 2013 гг.) различий в миграционных установках не обнаружено. См., например: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 208-215.

Таблица 8.4

Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%) и уровень образования (лет), по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

	Год	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее проф.	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования ¹
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,6
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7
Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	11,0

По сравнению с переписью 2002 г. в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения, вырос удельный вес лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократился – с более низким. Отметим, что максимальные темпы прироста (снижения) наблюдались в группах с высшим образованием (+40%) и начальным профессиональным (–47%). В условиях сокращения количества выпускников школ и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

¹ Под уровнем образования мы понимаем среднее количество лет образования.

Будущее села во многом зависит от развития трудового потенциала сельской молодежи и ее закрепления в сельской местности¹. В образовательной структуре молодежи произошли более значительные сдвиги в сравнении с сельским населением в целом. Более чем в два раза (почти до 10%) вырос удельный вес сельской молодежи с высшим образованием (рис. 8.1). Заметно сократилась доля молодежи с основным общим и начальным образованием. Вместе с тем сельская молодежь заметно уступает по уровню образования более старшим сельским жителям трудоспособного возраста и городской молодежи, и со временем отставание от городской молодежи не сокращается.

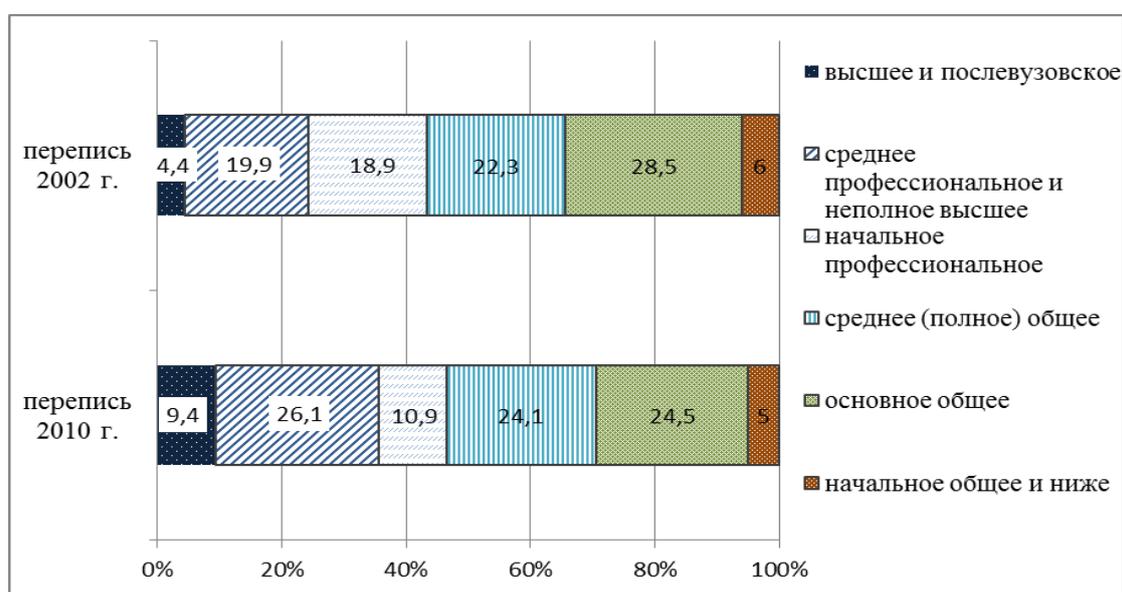

Рис. 8.1. Структура сельской молодежи Алтайского края по уровню образования, % (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.)

По итогам микропереписи 2015 г. в сравнении с данными всероссийской переписи 2002 г. доля сельской молодежи с высшим образованием выросла почти в 3 раза (до 13%), с профессиональным образованием – на 20% (52%), а доля занятой в экономике молодежи с профессиональным образованием увеличилась на 18% (почти до 70%) (табл. 8.5)².

¹ Чередниченко Г.А. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий): монография. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 392 с.

² Рассчитано по следующим источникам: «Всероссийская перепись населения 2002 года: Том 3. Образование. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=15>; «Всероссийская перепись населения 2010 года: Том 3. Образование. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Микроперепись населения

Особой характеристикой последнего межпереписного периода для Алтайского края стало увеличение удельного веса неграмотных среди сельской молодежи в целом почти на 40%, а в возрастной группе до 20 лет – в 2,5 раза. Несмотря на то, что абсолютные значения показателей неграмотности невелики – это очень тревожный сигнал. В стране до недавнего прошлого всеобщей грамотности увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. Парадоксально, что это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития.

Таблица 8.5

Характеристики образования сельской и городской молодежи, сельского населения трудоспособного возраста от 30 лет и старше в Алтайском крае, %
(по данным переписей населения 2002, 2010, 2015 гг.)

Показатель	АК	СФО	РФ
Доля лиц с высшим профессиональным образованием:			
2002	4,4	7,2	9,2
2010	9,4	13,6	17,5
2015	12,6	12,9	17,2
Охват профессиональным образованием:			
2002	43,3	38,1	42,2
2010	46,7	43,6	49,1
2015	52,0	48,1	55,4
Охват профессиональным образованием лиц, занятых в экономике:			
2002	59,0	54,9	60,8
2010	61,0	58,0	64,5
2015	69,4	65,3	73,5
Доля лиц, не имеющих начального общего образования (из них неграмотных):			
2002	1,0 (75,0)	1,1 (78,8)	0,8 (76,1)
2010	1,3 (70,2)	1,4 (69,5)	0,9 (69,2)
2015	0,6 (64,0)	0,9 (62,4)	0,7 (55,9)

Анализ результатов опросов молодых селян в Алтайском крае показал, что чем выше уровень их образования, тем выше уровень занятости и экономической активности. Молодые селяне с более высоким уровнем образования сконцентрированы преимущественно в отраслях социальной сферы, а с более низким – в сельском хозяйстве. Среди молодежи без профессионального образования больше безработных и домохозяек.

Качество и доступность образования. В пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования в целом наблюдаются неоднозначные тенденции. С одной стороны, открываются новые школы, повышается техническая оснащенность образовательных учреждений, развивается Интернет. Введение ЕГЭ, несмотря на определенные негативные последствия, увеличивает доступность качественного образования для талантливой сельской молодежи.

С другой стороны, закрываются малокомплектные школы и, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую сторону сама концепция образования – из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу растущих и все вытесняющих платных услуг со всеми вытекающими отсюда социокультурными, экономическими и другими последствиями. Качество образования в целом снижается, по яркому высказыванию Т.И. Заславской, «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников – меньше»¹. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала как в городах, так и в сельской местности.

Наличие школы в сельском населенном пункте является важнейшим индикатором его устойчивого развития, а ее отсутствие свидетельствует о разрушительных социальных процессах, ведущих к его ликвидации. По данным Росстата, с 2000 до 2015 гг. количество общеобразовательных учреждений в сельской местности Алтайского края сократилось более чем в полтора раза. Результаты проведенных нами выборочных опросов сельских жителей Алтайского

---

¹ Заславская Т.И. Избранное: в 3 т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 378.

края последнего десятилетия показывают, что снижение качества и доступности образования входит в первую десятку наиболее острых социальных проблем села.

Территориальная или финансовая недоступность школьного образования являются важнейшим показателем социальной исключенности сельских жителей¹. По данным проведенного нами опроса сельских жителей в 2011 г., более 70% сельских жителей, имеющих детей-школьников, испытывают трудности по обеспечению детей школьными письменными принадлежностями, одеждой, учебниками, оплате школьного питания. Из-за отсутствия средств в каждой пятой сельской семье дети не смогли продолжить обучение после окончания средней школы.

Влияние образования на занятость и миграцию молодежи. По мнению шотландских ученых С. Пэвиса, С. Плэтта и Дж. Хаббарда², достигнутый уровень образования является значимым фактором не только выбора типа занятости сельской молодежи, но и фактором формирования отношения к местному сообществу и сельской жизни в целом. В Алтайском крае стремление повысить уровень образования также является одной из наиболее популярных причин формирования миграционных установок сельской молодежи. Росту распространенности таких установок способствует ухудшение ситуации с доступностью профессионального образования в сельской местности, что в свою очередь приводит к усилению проблемы обеспечения сельской экономики квалифицированными кадрами. По мнению экспертов, закрытие профессионального училища довольно часто становится одной из главных причин оттока молодежи из села.

Вместе с тем наличие подходящей занятости и оплаты труда в сельской местности способствуют тому, что значимая часть сельской молодежи сознательно отказывается от продолжения своего образования в городах.

---

¹ Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 186-188.

² Pavis, S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – P. 30.

Из интервью с оператором машинного доения в 2015 г.: *«Я окончил девять классов в школе и дальше не захотел учиться. Пошел дояром на ферму. Это все, что мне нужно, и иного я не желаю. У меня, например, зарплата выходит тысяч тридцать в месяц»¹.*

Благоприятным фактором, сдерживающим миграционный отток сельской молодежи, является также развитие дистанционного обучения в сельской местности.

Из интервью с сотрудником сельской администрации: *«Я несколько лет работаю в комитете по финансам. Когда появилась перспектива повышения, мне сказали, что необходимо получить высшее образование. Хорошо, что его можно получить дистанционно, а то бы пришлось отказаться от этой идеи, потому что в город на сессии не наездишься».*

Результаты фокус-групповых опросов сельской молодежи, обучающейся в вузах Барнаула (2016-2017 гг.), показали, что наиболее мощным условием возвращения молодежи в село после обучения прежде всего является возможность ее трудоустройства, хотя безусловно необходимо учитывать весь комплекс условий жизнедеятельности сельской молодежи, включая обеспеченность жильем и его качество, развитие сельской социальной инфраструктуры, наличие дорог хорошего качества и регулярного транспортного сообщения с крупными городами. По результатам фокус-групп потенциал реэмиграции составляет от 2-5% для молодежи из небольших по численности сел до 10% – из крупных сел, но резко повышается при создании перечисленных выше условий – до 30-50% в случае возвращения в большие села.

---

¹ Для сравнения: по данным Росстата, в тот год (2015 г.) среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в Алтайском крае составляла 20,1 тыс. рублей, в сельском хозяйстве – 15,2 тыс. руб.

По результатам опросов руководителей сельскохозяйственных предприятий в большинстве хозяйств наблюдается нехватка кадров, преимущественно квалифицированных, и острота проблемы усиливается.

Из интервью с руководителем СПК (2015 г.): *«Надо обязательно остановить массовый отток молодежи из села. Уже сейчас нет ясной картины, кто будет трудиться на полях через 5-10 лет. Однако эта проблема требует комплексного решения государства – сил только одних хозяйств в этом вопросе недостаточно».*

В связи с изменением ситуации на рынке труда изменилась и оценка качества работников. Если в 2008 г. руководителей хозяйств в большей мере беспокоили в работниках недисциплинированность, пьянство, безразличие к работе, склонность к хищениям, то в 2013 г. в первую очередь – низкий уровень профессиональной подготовки работников. Это явилось одним из факторов изменений в кадровой политике хозяйств. В 2008 г. кадровая политика строилась на принципах сохранения имеющихся кадров и отбора не злоупотребляющих алкоголем; уже через пять лет, помимо стремления иметь постоянные кадры, многие руководители выделили повышение квалификации за счет предприятия и стимулирование работников.

Прогноз численности выпускников школ как индикатор занятости и миграции в перспективе. Одним из показателей, который может оказать влияние на масштабы занятости и миграции в регионе и в сельской местности в частности, является численность выпускников общеобразовательных учреждений. На основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю в 2016 г. О.Н. Колесниковой сделан прогноз данного показателя до 2026 г. (табл. 8.6)¹.

---

¹ Колесникова О.Н. Инновации в образовании как составляющие социального благополучия населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 2. – Барнаул: Изд-во Алт.-ун-та, 2010. – С. 11-16.

Численность выпускников 11 классов школ Алтайского края
в 2016-2026 гг. (прогноз)

	2016 (база зо- вый)	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Всего	11068	11592	12002	12534	13143	13824	14570	14462	14061	13975	15710
% к 2016 г.	100,0	104,7	108,4	113,3	118,7	124,9	131,6	130,7	127,0	126,3	141,9
% к преды- дущему году	-	104,7	103,5	104,4	104,9	105,2	105,4	99,3	97,2	99,4	112,4
город	6001	6414	6017	6442	6788	7216	7704	7767	7668	7615	8445
село	5067	5178	5985	6092	6355	6608	6866	6695	6393	6360	7265

Прогнозный анализ строился на экспертном предположении о том, что количество обучающихся в 10-11 классах по сравнению с количеством обучающихся в 9 классах сокращается на 40-43% ежегодно в связи с поступлением выпускников школ, получивших основное общее образование, в учебные заведения среднего профессионального образования (колледжи и лицеи).

Согласно данному прогнозу, в целом динамика численности выпускников 11 классов положительная. Так, в 2026 г. ожидается, что их численность составит 15,7 тыс. человек, то есть в сравнении с 2016 г. прирост будет равен 42%. Причем в сельской местности прогноз роста количества выпускников еще больше – 43,3%. В течение прогнозного периода ожидается неравномерный прирост численности выпускников. Так, если до 2022 г. прогнозируется рост количества выпускников, то в дальнейшем, вплоть до 2025 г. включительно, возможно ее сокращение (почти до 14 тыс.). Однако в 2026 г. прогнозируется значительное увеличение количества выпускников, что связано с влиянием мер государственной политики по стимулированию рождаемости, запущенных в 2006 г. и оказавших более активное воздействие на жителей сельской местно-

сти (14,2% роста только в 2026 г. в сравнении с 2025 г., тогда как в городах 10,2%).

Вместе с тем как практически любой прогноз, данный вариант имеет существенные ограничения, в частности он не учитывает прогноз миграции в регионе, последствием которой может стать даже сокращение выпускников, а также ряд других факторов различной направленности. К последним, например, могут быть отнесены сокращение детской смертности вследствие улучшения медицинского обслуживания и распространения здорового образа жизни, снижение интереса к среднему профессиональному образованию и его рост по отношению к получению высшего образования.

Образование как механизм улучшения положения сельской молодежи и катализатор миграционных процессов: результаты опроса сельской молодежи и оценки представителей местной власти в 2017 г. Возможность повышения уровня образования и квалификации не является ведущим мотивом (стимулом) трудовой деятельности *сельской молодежи*. Вместе с тем она является одним из мотивов трудовой деятельности для каждого восьмого представителя сельской молодежи, в том числе для каждого девятого респондента в возрасте 16-24 лет. По их признанию, для улучшения материального положения им не хватает прежде всего образования, знаний и опыта (45% среди всех респондентов, 57% в младшей группе), и это заметно выше, чем более высокая оплата труда (36% сельской молодежи, в том числе 28% в младшей группе) и «*подходящее место работы*» (29 и 33% соответственно).

Получение профессионального образования, преимущественно высшего, является одной из пяти наиболее значимых причин миграционных установок на отъезд из сельской местности, хотя только для 16% представителей сельской молодежи она становится основной, в том числе: для 24% представителей младшей группы молодежи (16-24 года) и лишь для около 3% – старшей (25-29 лет). Это существенно ниже значимости таких причин, как низкие перспективы для (будущих) детей (для 30% сельской молодежи, в том числе более 34% – младшей и 23% – старшей), отсутствие рабочих мест (29, 36 и 18% соот-

ветственно), а также причин, связанных с неразвитостью сферы культуры и досуга для молодежи (21, 24 и 15%) и низкими доступностью и качеством медицинских услуг (18, 22 и 11%).

Получение нужного профессионального образования в городе («*далее не было планов оставаться в городе*») является самой популярной причиной возвращения в село (второй по значимости причиной являются семейные обстоятельства и лишь третьей-четвертой – проблемы, возникшие в городе с трудоустройством и арендой недорогого жилья). По этой причине вернулись в село почти половина (45%) тех, кто имел опыт учебы или работы с постоянным пребыванием в городе (их около 40% среди всех респондентов), далее они не планировали оставаться в городе.

По мнению каждого пятого респондента, снижение доступности и качества школьного и профессионального образования является самой большой проблемой для социального развития их села. Несмотря на более высокую долю сельской молодежи, ответившей, что возможность получения профобразования (начального, среднего) за последние годы не изменилась (таких около половины всех респондентов), в сравнении с оценками позитивной динамики значительно перевешивает мнение об ухудшении ситуации в этой сфере: 27% против 6%.

Вместе с тем только по мнению каждого пятого-шестого представителя сельской молодежи, значимым фактором поддержки и закрепления молодежи на селе являются программы и проекты поддержки государством школьного и дошкольного образования, ремонта и строительства школ и детских садов.

Около половины молодых селян оценили действия государства по улучшению качества и доступности услуг школьного и образования на «*хорошо*» и «*отлично*», более трети – на «удовлетворительно» и только 15% дали низкие оценки («*очень плохо*» и «*плохо*»). Гораздо ниже оценены молодежью действия государства в области профессионального образования: 8% хороших и отличных оценок против 45% – плохих.

Решение проблем по повышению уровня и качества образования относится, по мнению 47% сельской молодежи, к наиболее важным направлениям из-

менения ситуации на селе, позволяющим сократить отток молодежи (вслед за такими лидирующими направлениями, как решение проблем занятости, улучшения качества и доступности медицинских услуг, культуры, физкультуры и спорта, благоустройства поселений).

В рейтинге остроты и актуальности социально-экономических проблем на селе, в оценках *представителей местной власти* в 2017 г., снижение доступности и качества профессионального образования занимает седьмое место (в первую тройку лидеров проблем вошли миграция молодежи из села, нехватка квалифицированных работников и низкий уровень заработной платы). Каждый четвертый-пятый эксперт относит эту проблему к наиболее острым, почти каждый третий – к одной из самых важных. Оценивая изменения в решении этой проблемы в их селе, районе, эксперты дали несколько больше негативных оценок, чем позитивных (22% против 16%) при значительном перевесе нейтральных (почти 60% экспертов считают, что ситуация не изменилась).

Снижение доступности и качества школьного образования получило гораздо более низкий рейтинг (пятнадцатое место из двадцати выделенных): почти каждый десятый относит эту проблему к наиболее острым и каждый третий – к одной из самых важных. Более того, среди оценок экспертов оказалось чуть больше позитивных оценок изменения ситуации в этой области, чем негативных (20% против 15%).

Именно получение профессионального образования (среднего, высшего) является главной причиной миграции выпускников из села, по мнению 85% экспертов. Следующей причиной, с большим отрывом от первой, является нехватка рабочих мест (с этим согласны менее половины экспертов). Поскольку именно получение нужного профессионального образования являлось причиной отъезда в город, около 40% экспертов считают, что это становится и причиной возвращения молодежи в село. Причем она почти не уступает лидирующей, по их мнению, причине – трудностям возникшим в городе при трудоустройстве (не нашли подходящей работы в городе).

Каждый третий опрошенный нами руководитель органов местного самоуправления является сторонником точки зрения, что профессиональная ориентация, профессиональное обучение и переобучение относятся к реальным мерам, направленным на сокращение невозвратной миграции сельской молодежи, которые наиболее часто предпринимаются государственными и муниципальными органами управления в их селе, районе (третье место в рейтинге таких мер, наряду с поддержкой личного подсобного хозяйства и содействием трудоустройству по месту жительства).

Местная власть в целом положительно оценила действия государства по улучшению качества и доступности услуг школьного образования: 48% хороших и отличных оценок при 2% плохих (при половине удовлетворительных) – это самые высокие оценки среди 12 выделенных направлений. Значительно ниже оценки действий государства в области улучшения качества и доступности услуг профобразования, хотя в целом позитивные оценки перевешивают негативные: 26% против 18% (41% удовлетворительных оценок).

Около половины (44%) представителей местной власти выделили позитивное влияние на закрепление молодежи программы стимулирования занятости на селе молодых учителей, которое ощущается в их селе, районе, каждый пятый – программ и проектов поддержки школьного и дошкольного образования, ремонта и строительства школ и детских садов, хотя безусловными лидерами такого воздействия являются другие программы и проекты: стимулирования рождаемости (так считает 70% экспертов), стимулирования занятости на селе молодых врачей и среднего медперсонала (57%). Поддержка молодых учителям многими отнесена к примерам успешных действий государства в области поддержки и закрепления молодежи на селе.

Среди неэффективных действий государства в развитии села, которые могут сработать или уже повлияли на рост миграции молодежи из села, руководителями органов местного самоуправления отмечаются объединения школ, установление сравнительно низких зарплат в сфере образования и свободное распределение после вуза студентов, обучающихся на бюджетной основе («надо

отправлять туда, где нуждаются в специалистах на 3-5 лет, не закрепятся – другие придут на смену»).

* * *

Дифференцированный анализ демографических характеристик и образования сельской молодежи Алтайского края и их влияния на миграцию позволил сделать следующие выводы.

1. С начала 2000-х гг. наблюдается существенное сокращение смертности среди сельской молодежи, вместе с тем выросло отставание по данному показателю от городской молодежи. Особенностью половой структуры сельской молодежи Алтайского края является дисбаланс, выраженный в существенно меньшей численности женщин по сравнению с мужчинами, что является одной из причин нежелания остаться на селе.

Брачное состояние сельской молодежи Алтайского края остается более устойчивым в сравнении с молодыми горожанами. С начала 2000-х гг. в сельской местности Алтайского края неизменно создается больше браков, чем расторгается, но разница между ними заметно сокращается. В рассматриваемый период Алтайский край отличался более высокой брачной активностью сельской молодежи на фоне СФО и РФ, а также большей распространенностью незарегистрированных браков, чем в целом по стране.

Особенностью репродуктивного настроения сельской молодежи является то, что с начала 2000-х гг. сельские молодые женщины отличаются более высокой репродуктивной активностью в сравнении с городскими.

Состояние здоровья оказывает значительное влияние на социальное положение сельской молодежи. Молодежь с проблемами здоровья отличается более высоким уровнем бедности, имеет больше проблем с получением образования, медицинского и социального обслуживания.

2. С начала 2000-х гг. наблюдаются значительные изменения в уровне образования сельской молодежи Алтайского края. Большинство сельской моло-

дежи получило профессиональное образование, доля сельской молодежи с высшим образованием выросла почти в три раза. В целом образование все в большей мере становится социальным лифтом, обеспечивающим доступ к более качественным рабочим местам, с более высоким уровнем заработной платы.

В сфере сельского общего и профессионального образования наблюдаются неоднозначные процессы. С одной стороны, проявляются процессы обновления состава общеобразовательных организаций: ремонтируются, модернизируются имеющиеся, открываются новые школы, повышается их техническая оснащенность. С другой стороны, особенно активно со второй половины 2000-х гг. происходит закрытие малокомплектных школ и учреждений среднего и начального профессионального образования, что привело к снижению территориальной доступности школьного и профессионального образования, прежде всего для жителей малых поселений.

По уровню образования сельское население Алтайского края лидирует среди регионов СФО, хотя и уступает среднему уровню по РФ. Вместе с тем сельская молодежь края заметно уступает по уровню образования городской молодежи, причем отставание не сокращается.

3. Демографическое состояние и уровень образования сельской молодежи влияют на ее миграционные установки. Наибольший миграционный потенциал имеют представители младшей группы молодежи, холостые (незамужние), а также не имеющие собственных детей. Брачное состояние и наличие детей являются факторами, снижающими миграционный потенциал сельской молодежи.

Стремление повысить уровень образования является одной из наиболее популярных причин формирования миграционных установок сельской молодежи, чему способствует ухудшение ситуации с доступностью профессионального образования в сельской местности. К наиболее острым последствиям миграции молодежи относится усиление проблемы обеспечения сельской экономики квалифицированными кадрами.

Глава 9. СЕЛЬСКИЙ РЫНОК ТРУДА И МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

9.1. Теоретические положения и математические модели влияния миграции молодежи на сельский рынок труда

Миграция как форма движения населения и трудовых ресурсов является важнейшим механизмом формирования цены, спроса и предложения на рынке труда. Все перемещения населения относительно какой-либо территории слагаются из потоков выбытий и прибытий. Приток мигрантов в регион при прочих равных условиях формирует не только дополнительное предложение на рынке труда, но и дополнительный спрос на рабочую силу, прежде всего в социальной сфере, жилищном строительстве и смежных с ним отраслях, производстве местных потребительских товаров, торговле и других секторах экономики. Отток населения из региона может вызвать как дополнительный спрос на рынке труда, так и его сокращение из-за уменьшения численности населения, а соответственно и потребности в товарах и услугах местного производства¹.

В отношении взаимосвязи между миграцией и ценой рабочей силы широко распространено мнение о том, что миграционный приток населения в регион, усиливая конкуренцию за рабочие места, способствует снижению уровня заработной платы, а его отток может привести к дефициту ресурсов труда и повышению цены рабочей силы, хотя иногда эмпирические исследования опровергают это мнение².

Занятость в различных сферах экономики является одним из основных условий притока в регион трудоспособного населения. Это направление движе-

---

¹ Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

² Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Миграция и демографический кризис в России. – М.: ИНП РАН, 2010. – 94 с.; Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.

ния трудовых ресурсов наиболее тесно связано с размещением объектов производства и непроизводственной сферы и их потребностью в рабочей силе. Основными факторами привлечения рабочей силы в регион являются как имеющиеся вакантные рабочие места, так и вновь создаваемые¹.

Другой движущей силой пространственного перераспределения населения и трудовых ресурсов в пользу более привлекательных территорий являются существующие межрегиональные различия в условиях жизни населения. Степень привлекательности территории зависит от множества факторов, побуждающих человека к выбору определенного места проживания: уровня доходов и степени развития социальной инфраструктуры в регионе, состояния окружающей среды, уровня политической безопасности и многих других. Значительную часть этих факторов можно оценить количественно. Так, условия жизни в конкретном регионе в первую очередь определяются насыщенностью сферы формирования человеческого потенциала основными фондами и уровнем доходов населения. Мерой для оценки условий жизни может служить обеспеченность жителя региона основными фондами и уровень заработной платы как главного источника доходов. Отношение данных региональных показателей к среднероссийскому уровню будет характеризовать степень относительной привлекательности территории. Отсутствие подходящих рабочих мест в регионе и плохие условия жизни вызывают отток рабочей силы из региона².

Влияние миграции на городские и сельские рынки труда имеет значительную специфику. Выгоды и потери от нее неравномерно распределяются между городами и сельскими поселениями. Города, как правило, характеризуются миграционным приростом населения, а села – миграционной убылью.

Наибольшей миграционной активностью отличается молодежь. Молодежь, особенно без опыта работы, традиционно подвержена высокому риску

---

¹ Локшин М.М., Чернина Е.М. Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. – Т.17. – № 1. – С. 41-74.

² Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. – 2017. – №3. – С. 40-57; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – 424 с.

безработицы на рынке труда, испытывает дискриминацию при найме на работу и увольнении, при оплате труда и др. Английский ученый М. Шуксмит отмечает, что для большинства молодежи безработица – нормальное явление в переходный период к взрослой жизни, причем сельская молодежь сталкивается с дополнительными барьерами, связанными с их географической изоляцией и узким ассортиментом доступных возможностей¹. По Шуксмицу, сельская молодежь интегрируется либо в географически отдаленный рынок труда с хорошо оплачиваемыми рабочими местами и перспективами карьерного роста, либо в местный – с низкой оплатой труда и меньшими перспективами².

В распределении молодых мигрантов по видам занятости можно выделить два основных направления: продолжение учебы и непосредственное включение в сферу экономики. В зависимости от времени обучения вступление молодых людей на рынок труда происходит с лагом в один-десять лет. Важно также учитывать, что часть молодежи совмещает учебу и работу, другая – так и не заканчивает полного курса обучения по различным причинам, а третья – нигде не учится и не работает.

При оценке и прогнозировании влияния миграции молодежи на рынок труда необходимо учитывать по возможности всю совокупность действующих на нее факторов, сложившиеся тенденции в их развитии и те изменения, которые могут произойти с ними в прогнозируемом периоде. Исходя из сказанного, предложение рабочей силы в регионе, обусловленное миграцией молодежи, может быть рассчитано по формуле:

$$SMM_t^r = \left(a_1 + a_2 \sum_{ij} VR_{ij,t-1}^r \cdot bv_{ij,t}^r + a_3 \sum_{ij} W_{ij,t-1}^r \cdot bw_{ij,t}^r + a_4 \sum_j FN_{j,t-1}^r \cdot bf_{j,t}^r \right) \cdot dms_t^r, \quad (1)$$

где SMM – предложение рабочей силы в регионе, обусловленное миграцией молодежи;

VR – количество вакантных рабочих мест; bv – темп роста VR;

¹ Shucksmith M. Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. – York: Joseph Rowntree Foundation, 2000. – Pp. 26-27.

² Там же. С. 27.

W – уровень заработной платы; bw – темп роста W;

FN – обеспеченность жителя региона основными фондами сферы формирования и развития человеческого потенциала; bf – темп роста FN;

bv, bw, bf – показатели, определяемые экспертным путем;

i – индекс категории рабочей силы;

j – индекс вида экономической деятельности;

r – индекс региона, r = 1 – регион в целом, r = 2 – города региона, r = 3 – сельские поселения региона;

t – индекс соответствующего года;

a1, a2, a3, a4 – коэффициенты уравнения, определяемые экспертным путем и уточняемые в ходе численного эксперимента;

dms – доля молодежи среди иммигрантов, прибывших в регион на работу.

Дополнительный спрос на рабочую силу на рынке труда, вызванный миграцией молодежи, формируется за счет рабочих мест, освободившихся в результате увольнения молодых работников, уехавших из региона, и вновь созданных рабочих мест в сфере формирования, сохранения и развития человеческого потенциала для проживания и обслуживания молодых иммигрантов. Его можно определить следующим образом:

$$DMM_t^r = \left(\sum_{ij} LU_{ij,t-1}^r \cdot bl_{ij,t}^r + \sum_j \frac{FN_{j,t-1}^r \cdot bf_{j,t}^r \cdot M_{t-1}^r \cdot bm_t^r}{kf_{j,t-1}^r \cdot bk_{jt}^r} \right) \cdot dmd_t^r, \quad (2)$$

где DMM – спрос на рабочую силу в регионе, обусловленный миграцией молодежи;

LU – численность работников, требуемых для замещения рабочих мест, освободившихся в результате увольнения работников, уехавших из региона;

bl – темп роста LU;

M – численность мигрантов, прибывших в регион; bm – темп роста M;

kf – коэффициент фондовооруженности; bk – темп роста kf;

bl, bm, bk – показатели, определяемые экспертным путем;

dmd – доля молодежи среди эмигрантов из региона.

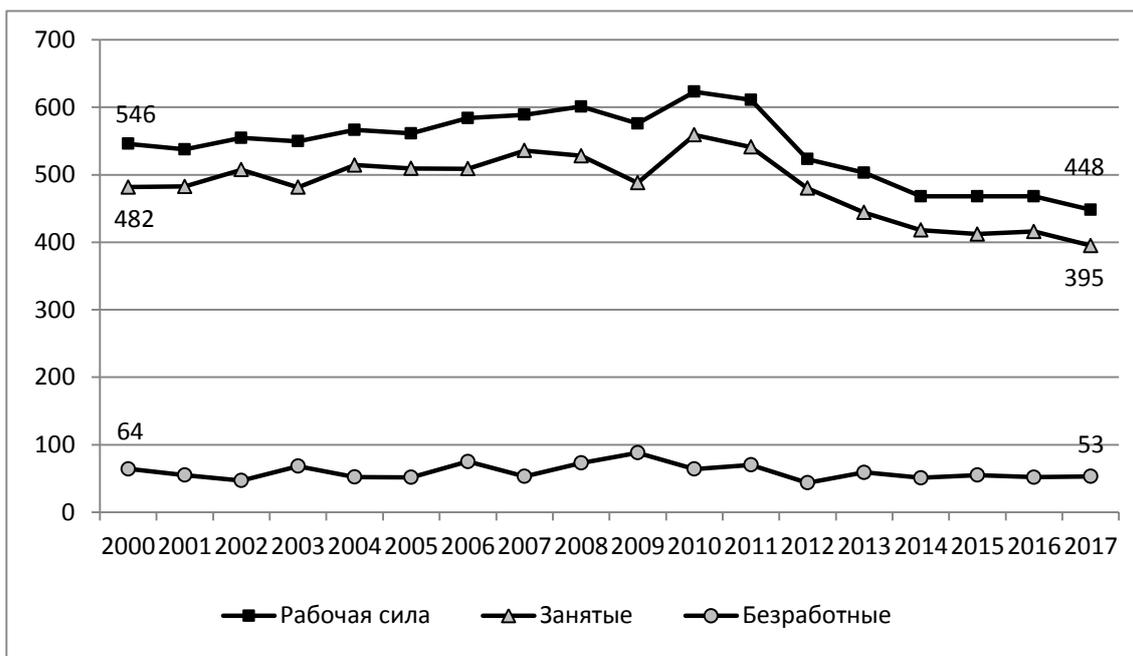
Для проведения расчетов по данным моделям необходима информация, которая только частично может быть получена из официальных статистических данных. Другая же часть необходимой информации может оцениваться косвенно: либо по данным первичного статистического учета, либо по данным единовременных обследований населения, либо экспертным путем.

9.2. Специфика развития сельского рынка труда

Сельский рынок труда Алтайского края отличается более низкой занятостью и участием населения в рабочей силе и более высокой безработицей по сравнению как с аналогичными российским и сибирским рынками, так и с городскими рынками. По данным проведенного Росстатом «Обследования рабочей силы в 2017 г.», численность сельской рабочей силы в крае составляла 448 тыс. человек, занятых в экономике – 395 тыс., а безработных – 53 тыс. человек.

В развитии сельского рынка труда до 1998 г. происходило устойчивое падение занятости и экономической активности, рост безработицы. В 1999-2010 гг. динамика этих показателей не отличалась стабильностью: периоды подъема и снижения неоднократно сменяли друг друга. Но уже с 2011 г. преобладает тенденция снижения их абсолютных значений, главным образом под воздействием демографических факторов – сокращения численности населения в трудоспособном возрасте (рис. 9.1).

Динамика относительных характеристик сельского рынка труда региона в последний период времени была более разнообразна. Особо следует выделить 2015-2016 гг., когда под давлением международных экономических санкций и обострения политической обстановки в мире предприятия агропромышленного комплекса и оборонной промышленности – ведущих отраслей экономики края – получили дополнительные стимулы к ускоренному развитию, что позитивно отразилось на уровнях участия в рабочей силе, занятости и безработицы.

Источник: данные Росстата: «Обследование населения по проблемам занятости» – 2000-2015 гг.; «Обследование рабочей силы» – 2016-2017 гг.

Рис. 9.1. Рабочая сила, занятость и безработица в сельской местности Алтайского края в 2000-2017 гг., тыс. чел.

К началу 2000-х гг. в структуре занятости сельского населения произошли качественные трансформации. Преодолена абсолютная концентрация занятости в организациях государственной и бывшей колхозно-кооперативной собственности, снизилась занятость в крупных хозяйствах и соответственно выросла – в малых и средних, существенно увеличилась доля занятых в торговле и других сферах обслуживания населения и сократилась – на предприятиях агропромышленного комплекса и в строительстве. В движении рабочей силы наблюдалось ее перераспределение с действующих предприятий на вновь созданные, с занятости по найму – на самозанятость, из официально-организованного сектора экономики – в теневой.

По данным проведенных нами социологических опросов показатели занятости отдельных социально-демографических групп сельского населения края имели ярко выраженную специфику. В 2017 г. более высокой занятостью

отличались сельские мужчины по сравнению с сельскими женщинами (почти на 40%), лица среднего и старшего трудоспособного возраста по сравнению с молодежью (90% против 53%), женатые и замужние в отличие от несемейных.

Сельский рынок труда Алтайского края характеризуется также повышенной напряженностью, значительными по масштабам долговременной и скрытой безработицей, глубокими и устойчивыми во времени территориальными диспропорциями. По данным Росстата и Минтрудсоцзащиты Алтайского края, в 2017 г. в сельской местности проживало 68% безработных, выделенных по методике Международной организации труда, и более 70% официально зарегистрированных, уровень общей безработицы составлял 11,8%, а официальной – 2,6%.

Разрыв между наиболее и наименее проблемными сельскими районами в Алтайском крае в 2017 г. составил по уровню официально зарегистрированной безработицы 11 раз, по показателю хронической безработицы – 9 раз, по нагрузке незанятого населения на одну вакансию – 23 раза. Дифференциация по уровню заработной платы, возрастные и гендерные диспропорции на рынке труда достигали в тот год от полутора до двух раз. Риску безработицы в наибольшей степени подвержены молодежь, не имеющая опыта работы, женщины с малолетними детьми, население в старшем трудоспособном возрасте и инвалиды. Они становятся объектами дискриминации при устройстве на работу и увольнении, при определении размера заработной платы и в доступности наиболее привлекательных рабочих мест.

Другая особенность сельского рынка труда Алтайского края заключается в более низкой цене рабочей силы. Несмотря на активное сокращение за последние десять лет разницы между заработной платой в сельском хозяйстве и заработной платой в среднем по экономике региона, отставание первой от второй достигает почти 30%.

В целом же, несмотря на отдельные позитивные тенденции в последние годы (рост заработной платы, снижение безработицы), на сельском рынке труда

Алтайского края по-прежнему сохраняется более напряженная ситуация по отношению к общероссийскому и общесибирскому рынкам.

9.3. Положение молодежи на сельском рынке труда

С начала 2000-х гг. наблюдаются позитивные изменения в уровне и структуре экономической активности сельской молодежи Алтайского края. По данным всероссийской переписи 2002 г. и микропереписи 2015 г. к подобным изменениям следует отнести рост уровня ее экономической активности, уменьшение доли безработных среди экономически активной молодежи, почти двукратное снижение удельного веса молодых селян в структуре безработных сельских жителей региона (табл. 9.1). Эти изменения объясняются не столько более интенсивным сокращением безработицы среди молодежи в сравнении с остальной частью сельского населения трудоспособного возраста, сколько уменьшением ее доли в структуре сельского населения трудоспособного возраста.

Вместе с тем на сельском рынке труда молодежь остается одной из наиболее депривированных групп, что проявляется в сохранении высокой доли молодежи среди сельских безработных¹. В 2015 г. удельный вес безработных среди сельской молодежи был на 42% выше, чем среди городской, и почти на четверть выше, чем среди селян более старшего трудоспособного возраста (табл. 9.1).

---

¹ Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 60-66; Великий П.П., Лучков Н.А. Парадоксы репродукции ресурсов жизни села // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 370-377.

Таблица 9.1

Характеристики экономической активности сельской и городской молодежи, сельского населения трудоспособного возраста старше 30 лет в Алтайском крае (по данным переписей населения 2002, 2010, 2015 гг.), %

	Сельская молодежь	Сельское население трудоспособного возраста от 30 лет и старше	Городская молодежь
Доля экономически активных:			
2002	53,1	81,1	53,9
2010	66,8	79,6	65,5
2015	56,4	79,1	63,7
Доля занятых в экономике:			
2002	81,6	89,6	82,3
2010	82,8	86,8	87,1
2015	89,0	91,7	93,6
Доля безработных среди экономически активных:			
2002	18,4	10,4	17,7
2010	17,2	13,2	12,9
2015	11,0	8,3	6,4
Доля в структуре безработных селян/горожан:			
2002	38,6	59,6	45,4
2010	30,3	67,9	45,1
2015	22,0	72,5	30,4

В сравнении с аналогичными группами молодежи регионов Сибирского федерального округа и России сельская молодежь Алтайского края с начала 2000-х гг. отличалась более благоприятной структурой экономически активного населения: более высокой занятостью в экономике и, соответственно, меньшим удельным весом безработных (табл. 9.2). Так, в 2015 г. краевой показатель безработицы сельской молодежи был в 1,2 и 1,3 раза меньше аналогичных в СФО и РФ.

Таблица 9.2

Характеристики экономической активности сельской молодежи Российской Федерации, Сибирского федерального округа и Алтайского края
(по данным переписей населения 2002, 2010, 2015 гг.), %

	Российская Федерация	Сибирский федеральный округ	Алтайский край
Доля экономически активных:			
2002	52,4	50,6	53,1
2010	66,5	64,6	66,8
2015	61,7	58,9	56,4
Доля занятых в экономике:			
2002	76,2	76,3	81,6
2010	79,4	79,7	82,8
2015	87,7	85,4	89,0
Доля безработных среди экономически активных:			
2002	23,8	23,7	18,4
2010	20,6	20,3	17,2
2015	13,3	14,6	11,0

Основными причинами выбытия сельской молодежи Алтайского края из состава рабочей силы, согласно микропереписи 2015 г., являлись прежде всего обучение (53,5%), ведение домашнего хозяйства и воспитание детей (28,6%). В гораздо меньшей степени такой причиной становилась невозможность найти работу (6,4%) и только в 2% случаев – отсутствие необходимости работать. Тем не менее в сравнении с городской молодежью невозможность найти работу для сельской молодежи в 9 раз чаще становилось причиной выбытия из состава рабочей силы, а отсутствие необходимости работать – почти в 2 раза.

Характеристика занятости сельской молодежи по опросным данным. По опросу 2016 г., наиболее актуальными проблемами, связанными с местом работы, являлись для сельской молодежи низкий размер оплаты труда

(70% опрошенных), проблемы условий труда (физически тяжелый труд, вредные условия, несоблюдение техники безопасности и проч.) (35%), опасение потерять работу (19%), проблемы получения социальных гарантий (невыплаты по больничным листам, отсутствие медицинского полиса, пенсионного страхования и проч.) (16%), а также задержки по выплате заработной платы (16%). Лишь менее десятой части работающих молодых селян не сталкивалось с какими-либо серьезными проблемами на своем рабочем месте.

В последнее десятилетие наблюдалось ослабление остроты проблем безработицы и опасения потерять работу: в 2016 г. 29% молодых селян отнесли эти проблемы к наиболее актуальным против 38% в 2008 г. Но если оценивать изменения в последние годы, то оценки меняются на противоположные. Так, по мнению молодежи в 2017 г., занятость, возможность трудоустроиться является лидером ухудшающейся ситуации на селе за предшествующие опросу 3-4 года, то есть за период с 2013(2014) г. до середины 2017 г. (так считает более половины опрошенных молодых селян) (табл. 6.2).

Вместе с тем, по мнению сельской молодежи в 2016 г., снизилась ее удовлетворенность своей работой (24% против 35%) и повысилась значимость поиска подходящего рабочего места в качестве причины смены места жительства (34% против 27%).

Экспертные оценки представителей органов местного самоуправления подтверждают остроту проблем занятости и их влияния на миграцию молодежи из села. Так, в 2017 г. к трем наиболее острым и актуальным социально-экономическим проблемам села, наряду с миграцией молодежи из села (лидером рейтинга), представители местной власти отнесли нехватку квалифицированных работников и низкий уровень заработной платы (табл. 6.1). По оценкам данных экспертов, в 2013(4)-2017 гг. в топ-пятерку негативных изменений на селе (помимо оттока молодежи из села и ухудшения ситуации с обеспеченностью и качеством досуговых учреждений для молодежи) вошли ухудшение ситуации в сфере занятости (в том числе возможности трудоустройства) и оплаты труда (снижение ее уровня и своевременности).

Из интервью с работницей небольшого частного магазина (с. Ануйское Смоленского района, 2015 г.): *«Два года я работала неофициально, лишь с этого года идет запись в трудовой книжке. Хотя толку все равно мало: официальная зарплата 7,5 тысяч рублей, имеется устное предупреждение и на больничный лучше не уходить (желающих поработать на моем месте много). А в какие-то отчисления на пенсию я не верю, да она слишком далеко...».*

По опросу 2017 г. наиболее важными в трудовой деятельности для сельской молодежи являлись размер заработной платы (44%) и регулярность ее выплаты (28%), а также официальное (легальное) оформление на работу (на основе трудового договора, контракта) (34%). Кроме того, молодежь обращает внимание на условия и режим труда (19%), возможность продвижения по службе, карьерный рост (15%), повышение уровня образования и квалификации (13%). Важное значение для каждого восьмого-девятого молодого селянина имеют социальные льготы, предоставляемые работникам (ведомственное жилье, бесплатное или льготное питание, место в детском дошкольном учреждении и т.п.) (12%), премии и другие денежные доходы, кроме заработной платы (11%). Социально-психологический климат в трудовом коллективе выделило 9% опрошенной сельской молодежи.

Вместе с тем почти каждый десятый представитель сельской молодежи в 2017 г. был оформлен на работу без трудового договора (контракта), около 12% имели непостоянную работу (сезонную, временную, разовую). Более трети (37%) занятых молодых селян отметили проблему необоснованно низкой заработной платы, 12% – проблему задержек по выплате заработной платы, более 6% – проблему обеспечения социальных гарантий. Опасались потерять работу 17% опрошенных молодых селян.

Структура отраслевой занятости сельской молодежи разрушает упрощенное бытовое представление о том, что село предоставляет рабочие места преимущественно в сельском хозяйстве. По опросу 2017 г. в сельской экономике было занято более половины опрошенной молодежи (51%), в том числе среди последних: каждый четвертый – в промышленности, строительстве, транспорте

и связи; еще каждый четвертый – в сфере торговли, общепита и бытового обслуживания; 13% – в государственном управлении или местном самоуправлении, в социальном и пенсионном обеспечении; около 12% – в сельском хозяйстве и менее 11% – в образовании. Дополнительную работу (сельскохозяйственные и строительные работы, транспортные и туристические услуги, репетиторство) имели на момент опроса менее 3% занятых молодых селян. И лишь 5% всех опрошенных молодых селян имели ЛПХ. Такая структура основной и дополнительной занятости отражает не только реальное предложение рабочих мест для молодежи в сельской местности, но и отчасти структуру их притязаний.

Основными практиками сельской молодежи на рынке труда, по опросу 2017 г., являлись поиск основной или дополнительной работы, реже расширение личного подсобного хозяйства, смена работы на более оплачиваемую и открытие собственного дела. Доля тех, кто ничего не предпринимал из-за здоровья или по другим причинам (например, «*все устраивает*»), среди опрошенной сельской молодежи относительно невысока (чуть более 3%).

Молодежь с более высоким образованием характеризовалась более активным поведением на рынке труда, занятостью в более оплачиваемых сферах деятельности.

Из интервью с предпринимателем (с. Смоленское Смоленского района, 2015 г.): «*К моменту окончания вуза я уже решил, что останусь жить в своем селе, и стал продумывать различные варианты трудоустройства. Остановился на том, чтобы открыть свое дело. В центре занятости выделили небольшие деньги, открыл пекарню. Главное – не сидеть сложа руки*».

Вместе с тем молодежь без профессионального образования отличалась большими долями безработных и домохозяек, а также занятых в сельском хозяйстве и ЛПХ. Наиболее негативно оценивали размер оплаты труда и уровень доходов в целом, обладали высоким потенциалом миграционной активности молодые работники сельского хозяйства.

Из интервью с работником птичника (п. Новые Зори Павловского района, 2015 г.): *«Работа в птичнике не из легких: постоянно следить за поголовьем, убирать, перетаскивать с места на место, а зарплата маленькая, еще и штрафы всякие начальство придумало. Однако выбора особо нет. Куда меня еще без образования и с судимостью возьмут? Не в администрацию же... А у меня жена и двое детей».*

Результаты опросов показали, что сельская молодежь все больше осознает экономическую выгоду профессионального образования и ее связь с получением рабочего места с адекватными оплатой и условиями труда. Сокращению отставания заработной платы в сельском хозяйстве от средней по экономике региона отчасти способствовал рост образования и притязаний молодых селян.

9.4. Оценка влияния миграции молодежи на рынок труда

Современные отечественные исследователи фиксируют высокий миграционный отток населения из сельской местности, преимущественно его самой молодой, трудоспособной и образованной части¹. Причиной массовой миграции молодежи во многом является состояние сельского рынка труда, нехватка подходящих рабочих мест, их низкое качество².

Особую роль занятости в миграции сельской молодежи отмечают и западные исследователи. Так, по данным канадских ученых У. Колдвелла, Дж. Болла и И. Чана, отсутствие возможностей реализации потенциала молодых людей, в том числе в трудовой сфере, побуждает их мигрировать из села³. «Закрепление» молодежи на селе, по их мнению, относится к наиболее острым проблемам регионального развития Онтарио и требует разработки комплекса мер, мотивирующих молодежь оставаться на селе.

---

¹ Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 65-79; Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие: из села в город // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 75-91.

² Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник московского университета. – Серия 5. География. – 2017. – № 5. – С. 58-67.

³ Caldwell W., Ball J., Chan Y., Ainley S. Rural Research Priorities. – Ontario, 2010. – P. 8.

Английские исследователи Ф. Картмель и Э. Ферлонг также считают ограниченные возможности занятости одним из стимулов миграционного оттока сельской молодежи¹. Они выявили существенные различия у горожан и селян в «мостах», обеспечивающих для молодежи доступ к качественным рабочим местам. В частности, такими «мостами» являются коллективные социальные сети, которые для молодых селян играют особую роль.

Согласно расчетам по вышеприведенным моделям, доля миграции среди всех источников формирования предложения ресурсов туда в Алтайском крае превышает 7%, а доля спроса на них составляет 5%. Среди мигрирующего населения 75-80% составляют лица в трудоспособном возрасте, в то время как среди всего населения региона удельный вес этой категории не превышает 55%. По результатам опроса населения, проведенного Управлением по труду и занятости населения Администрации Алтайского края в 2011 г., из числа прибывающих в край мигрантов в трудоспособном возрасте на работу в первый год после переезда устраивается 78% мужчин и 75% женщин. В соответствии с модельными расчетами в 1990-2016 гг. предложение рабочей силы на региональном рынке труда увеличивалось за счет миграции в среднем на 32 тыс. человек в год, а спрос – на 37 тыс. человек.

Пик миграционной подвижности приходится на лиц в возрасте 16-29 лет. По данным Росстата, доля молодых мигрантов в общей численности переселенцев в трудоспособном возрасте составляет около 50%. В силу сказанного влияние миграции на формирование спроса и предложения на молодежном сегменте рынка труда наиболее весомо. В большинстве сельских районов края эмиграция молодежи выступает главным ограничителем их устойчивого развития. Одной из основных причин выбытия этой категории населения является отсутствие подходящей работы и низкая заработная плата.

При сохранении тенденций, сложившихся в механическом движении населения, в ближайшей перспективе дополнительное предложение рабочей

---

¹ Cartmel F., Furlong A. Youth unemployment in rural areas. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – Pp. 4-5.

силы на рынке труда Алтайского края в результате территориального перераспределения молодежи может составить около 16 тыс. человек в год, дополнительный спрос – примерно 19 тыс. человек, а на его сельской составляющей – 6 и 9 тыс. человек соответственно.

* * *

Итак, проведенный анализ показал, что миграция является одним из важнейших механизмов формирования и развития рынка труда агропромышленного региона. С начала 2000-х сельские территории Алтайского края теряют свое население, при этом более 70% миграционной убыли приходится на эмиграцию сельской молодежи. Основной причиной ее оттока является отсутствие подходящих рабочих мест, низкий уровень условий и оплаты труда.

Прогнозные расчеты свидетельствуют о том, что на сельском рынке региона формируется значительный дефицит рабочей силы, который при сохранении существующих тенденций будет усиливаться. Это может привести к существенным ограничениям в развитии экономики и социальной сферы сельских территорий. Уже сегодня влияние миграции молодежи на рынок труда в Алтайском крае таково, что она становится вызовом социально-экономическому развитию региона. Следовательно, необходим комплекс мер государственной политики, позволяющих сократить масштабы миграции молодежи с учетом специфики влияния такой миграции на региональный рынок труда.

Глава 10. ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Для изучения территориальных особенностей социально-экономического развития 60 сельских муниципальных районов Алтайского края на основе 25 статистических показателей развития сфер здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, общего и дошкольного образования, социально-культурной сферы, потребительского рынка товаров и услуг, сферы доходов и занятости, экономики в 2000 и 2010 гг. осуществлен факторный анализ. На сформированных факторах проведена кластеризация и выделено по три типа районов, значительно различающихся уровнем социально-экономического развития¹: относительно благополучные (7 в 2000 г. и 18 в 2010 г.), районы со средним уровнем развития (39 и 38) и относительно неблагополучные (14 и 4)². Расположение выделенных типов на карте Алтайского края представлено на рисунках 10.1-10.2.

Типы районов, выделенные в 2000 г. (рис. 10.1, табл. 10.1), характеризуются следующим. Первый тип районов (*«относительно благополучные»*), являющийся наименее наполненным (7 районов), по сравнению с остальными типами отличался наиболее высокими показателями обеспеченности населения медицинскими кадрами (при самой низкой обеспеченности медучреждениями), развития потребительского рынка товаров и услуг, размера заработной платы, объема производства промышленной продукции.

---

¹ Для характеристики типов районов дополнительно использованы показатели экономического развития (относительные показатели произведенной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестиций в основной капитал), не участвующие в факторном анализе.

² Подробнее см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцковского; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 315-331.

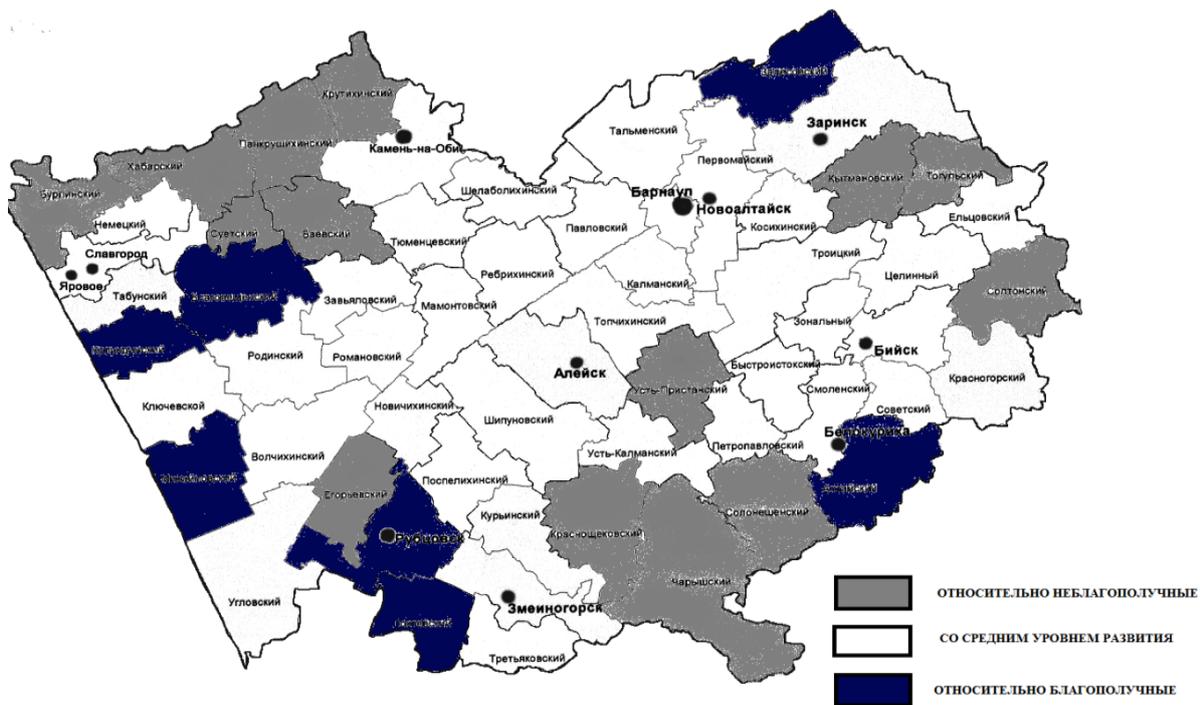

Рис. 10.1. Типы социально-экономического развития сельских муниципальных районов Алтайского края в 2000 г.

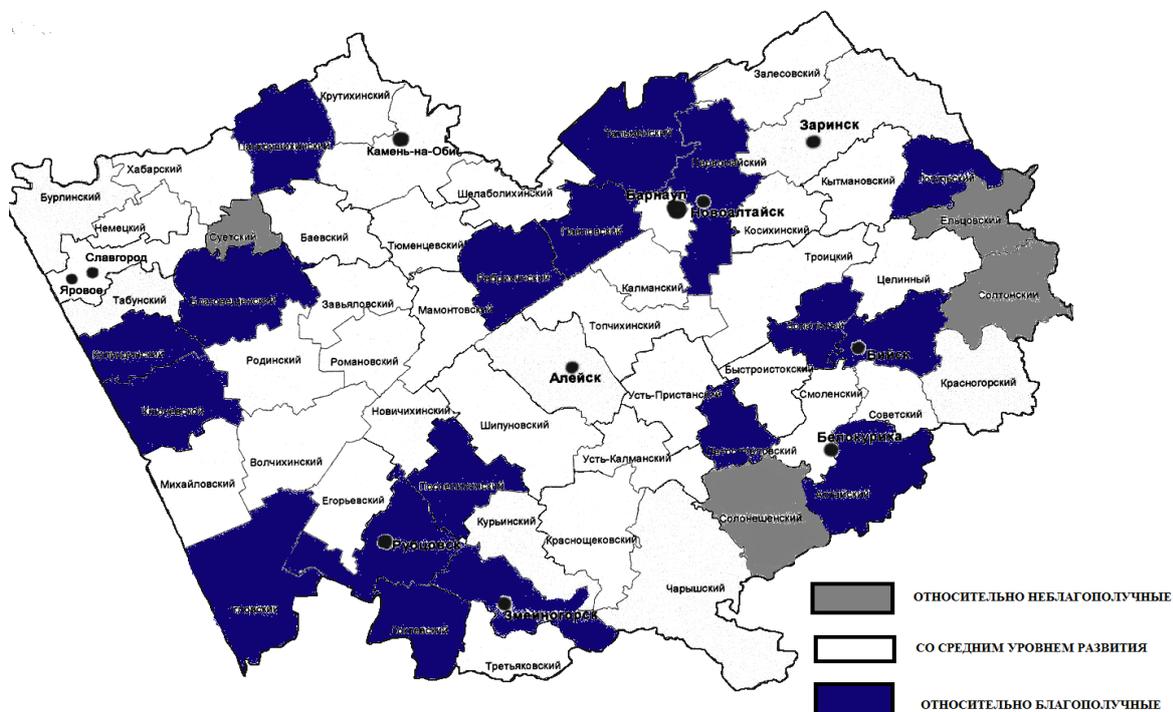

Рис. 10.2. Типы социально-экономического развития сельских муниципальных районов Алтайского края в 2010 г.

Однако в данных районах сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспечения жильем (при самой низкой доле ветхого жилья в общей площади жилфонда и среднем уровне его ввода в действие наблюдалась самая низкая обеспеченность населения его общей площадью), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Второй тип районов (*«со средним уровнем развития»*), являющийся самым наполненным (39 районов), характеризовался наибольшей приближенностью показателей уровня социально-экономического развития к среднекраевым значениям (развитие потребительского рынка, размер заработной платы, обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы и др.). В данных районах сложилась наиболее благоприятная ситуация в сфере обеспечения жильем и его качества.

Третий тип (*«относительно неблагополучные»*), представленный 14 районами, отличался наиболее низкими значениями следующих территориальных характеристик развития районов: обеспечение населения медучреждениями и медицинскими кадрами, ввод в действие жилья и его качество, развитие потребительского рынка, размер заработной платы, развитие промышленного производства, инвестиции в основной капитал и др.

По результатам типологического анализа сельских районов края по уровню социально-экономического развития в 2010 г. (рис. 10.2, табл. 10.1) значения большинства показателей в 18 *«относительно благополучных»* районах были заметно выше среднекраевых (развитие потребительского рынка, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиции в основной капитал, размер оплаты труда и др.). Вместе с тем в районах данного типа сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности жильем (самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда при самой низкой доле ветхого жилья), а также зафиксирована наиболее низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, медучреждениями и средним медперсоналом.

Таблица 10.1

Распределение сельских районов Алтайского края по типам, различающимся уровнем социально-экономического развития в 2000 и 2010 гг.

		2000 г.		
		Относительно благополучные	Со средним уровнем развития	Относительно неблагоприятные
2010 г.	Относительно благополучные	1. Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский (5 ед.)	2. Бийский, Змеиногорский, Зональный, Ключевский, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тальменский, Угловский (11 ед.)	3. Панкрушихинский, Тогульский (2 ед.)
	Со средним уровнем развития	4. Залесовский, Михайловский (2 ед.)	5. Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Немецкий национальный, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский (г. Славгород), Смоленский, Советский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шелаболихинский, Шипуновский (27 ед.)	6. Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский (9 ед.)
	Относительно неблагоприятные	–	7. Ельцовский (1 ед.)	8. Солонешенский, Солтонский, Суетский (3 ед.)

Многие показатели уровня социально-экономического развития в районах второго типа («со средним уровнем развития»), являющегося самым напол-

ненным (38 районов), по своим значениям были наиболее близки (по сравнению с другими типами) к среднекраевым. При этом данные районы отличались наиболее высокими показателями первичной заболеваемости населения и официально зарегистрированной безработицы.

Уровень социально-экономического развития в районах третьего типа («относительно неблагоприятные»), являющегося наименее наполненным (4 района), был существенно ниже среднего по краю и в целом уступал остальным типам районов. В 2010 г. эти районы-аутсайдеры отличались наиболее низкими показателями произведенной сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также инвестиций в основной капитал. Как следствие, в этих районах самая низкая заработная плата, особенно в сельском хозяйстве. Кроме того, ниже среднекраевых были показатели ввода жилья и его качества, развития потребительского рынка. В то же время эти районы характеризовались наиболее высокой обеспеченностью населения учреждениями культуры, а также медучреждениями и средним медперсоналом, что способствовало снижению заболеваемости.

По результатам факторного анализа показателей социально-экономического развития сельских районов края в 2000 и 2010 гг. выделены показатели, оказывающие наибольшее влияние на дифференциацию районов. В 2000 г. наибольшее влияние оказывали факторы, объединяющие следующие показатели: 1) уровень заработной платы, ввод в действие жилья и обеспеченность им, миграция населения (собственное значение фактора – 3,16, процент объясненной дисперсии равен 12,63); 2) качество жилищного фонда: доля жилья с водопроводом, канализацией, горячей водой, доля ветхого жилья (2,61; 10,46); 3) обеспеченность социальной инфраструктурой: библиотеки, клубы, детсады, больницы (2,60; 10,42); 4) демографические показатели естественного движения населения: естественный прирост, доля учащихся школ (2,45; 9,81). В 2010 г. наибольшее влияние на дифференциацию социально-экономического развития сельских территорий региона оказывали факторы, наполненные показателями: 1) обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры (библиотеками, культурно-досуговыми учреждениями) и развития потребительского рынка товаров и услуг, строительство жилья, миграции сельского

населения (собственное значение фактора – 3,86, процент объясненной дисперсии равен 15,45); 2) обеспеченности населения медучреждениями (2,50; 10,01); 3) обеспеченности жилья коммунальными услугами: доля жилья с водопроводом, канализацией и горячей водой (2,41; 9,64); 4) износа жилья: доля ветхого жилья (2,45; 9,81).

Изменение дисперсии и коэффициентов вариации показателей социально-экономического развития районов в 2010 г. по сравнению с 2000 г. свидетельствует о том, что за прошедшее десятилетие, с одной стороны, значительно выросли территориальные различия по рождаемости, заболеваемости, обеспеченности жильем, развитию потребительского рынка, сети учреждений культуры, а с другой стороны, существенно снизилась дифференциация районов по уровню миграции, обеспеченности медицинскими учреждениями и кадрами, качеству жилищного фонда, оплате труда, уровню безработицы.

Наиболее значимые различия между благополучными и неблагополучными районами в 2010 г. сложились по показателям ввода и качества жилья (в 9-11 раз – по вводу жилья и его ветхости, в 3 раза – по доле жилья с горячей водой), обеспеченности сельских жителей медучреждениями (больницами и поликлиниками – в 2-3 раза), интенсивности миграционного оттока (в 3,4 раза). Вместе с тем различия по уровню рождаемости, заработной платы, безработицы, обороту торговли не превышали 20-30%.

Таким образом, с начала 2000-х гг. произошли *качественные изменения в дифференциации уровня социально-экономического развития сельских районов Алтайского края*, а именно: заметно усилилось дифференцирующее влияние уровня обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры при сохранении высокой значимости миграции селян. Вместе с тем рост дисперсии большинства территориальных характеристик (в том числе между относительно благополучными и относительно неблагополучными типами районов) свидетельствует об увеличении *различий в социально-экономическом развитии сельских территорий*.

Пересечение типологий сельских районов региона, по данным 2000 и 2010 гг., осуществлено посредством выделения в каждом из трех типов районов по уровню социально-экономического развития в 2010 г. (*«относительно*

благополучные», «со средним уровнем развития», «относительно неблагоприятные») восьми подтипов по характеру перемещения между типами с 2000 г. (условно положительная¹, условно нулевая², условно отрицательная³) – табл. 10.1.

Пересечение двух типологий сельских районов по уровню их социально-экономического развития в 2000 и 2010 гг. позволило выявить следующее: на одном полюсе размещаются 18 благополучных районов, сохранивших или повысивших свой относительный статус за прошедшее десятилетие, а на другом – 4 наиболее неблагоприятных района-«аутсайдера» (Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский), сохранивших такие позиции или «угодивших» в эту категорию. Отличительной особенностью географического расположения неблагоприятных кластеров районов является их периферийность, пограничность (либо близость к границе Алтайского края), наряду с удаленностью от авто- и железнодорожных магистралей, тогда как наиболее благополучный кластер территориально тяготеет к Барнаулу и другим крупным городам, а также к селам-райцентрам, где расположены крупные предприятия сельхозпереработки.

Выделенные типы сельских районов качественно различаются между собой по уровню и динамике социально-экономического развития и могут стать основой для разработки дифференцированных политик. Положительный полюс образуют около трети районов с относительно высоким уровнем и позитивной динамикой, которые могут рассматриваться как территории социально-экономического благополучия и «роста», привлекательные для инвестиций. Наряду с устойчивым центром со средним уровнем развития, образованным почти половиной районов края, середину заполнили также 15% ранее неблагоприятных районов. Отрицательный полюс наполнен только 4 районами с наиболее проблемной социально-экономической ситуацией, концентрирующими неблагоприятие не только в статике, но и в динамике. Узлы проблем развития этих районов сосредоточены в сфере АПК, что формирует низкие оплаты

---

¹ Здесь и далее говорим «условно», поскольку имеется в виду формальный переход в более благополучный тип районов, согласно типологии 2010 г., например, из кластера относительно неблагоприятных районов в 2000 г. в кластер районов со средним уровнем развития.

² Принадлежность к тому же типу по уровню социально-экономического развития.

³ Переход в менее благополучный тип районов по уровню социально-экономического развития.

труда и платежеспособность сельских жителей, отражающиеся на развитии потребительского рынка, низких объемах строительства жилья и, как следствие, высоких показателях миграционного оттока населения, низкой привлекательности этих территорий для квалифицированных работников. По отношению к таким районам могут быть применены различные меры федеральной и региональной социально-экономической поддержки.

Изменение показателей уровня социально-экономического развития сельских муниципальных районов с начала 2000-х гг. позволяет говорить об улучшении их характеристик¹. Вместе с тем их сравнительный анализ с городскими территориями (муниципальными образованиями) региона в 2000 и 2016 гг. (табл. 10.2) показал, что, несмотря на сокращение различий между селом и городом по отдельным показателям развития потребительского рынка, здравоохранения оплаты труда, качества жилищного фонда (за счет более значимых изменений в сельской местности), существенного улучшения социально-экономических характеристик в сельской местности не произошло.

Таблица 10.2

Характеристики социально-экономического развития сельских муниципальных районов и городских муниципальных образований Алтайского края в 2000 и 2016 гг.

Характеристика	2000 г.			2016 г.		
	город	село	отношение село/город, %	город	село	отношение село/город, %*
Естественный прирост населения, ‰	-5,0	-4,7	0,3**	-0,2	-4,7	-4,5*
Миграционный прирост населения, ‰	2,6	-2,5	-5,1**	2,4	-3,7	-6,1*
Число больничных коек на 10 тыс. чел., ед.	100,6	87,8	0,87	84,5	49,6	0,59

¹ Подробнее см.: Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации / А.Я. Троцковский, Л.В. Родионова, А.М. Сергиенко и др. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

Характеристика	2000 г.			2016 г.		
	город	село	отношение село/город, %	город	село	отношение село/город, %*
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену, ед.	278,6	228,1	0,82	320,2	262,2	0,82
Врачи всех специальностей на 10 тыс. чел., чел.	40,5	18,2	0,45	42,5	22,3	0,52
Средний медперсонал на 10 тыс. чел., чел.	90,8	75,8	0,83	130,4	81,6	0,63
Площадь квартир на 1 чел., кв. м	17,8	18,7	1,05	22,1	23,3	1,05
Доля ветхого и аварийного жилья, %	1,5	1,3	0,87	1,6	2,9	1,81
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	0,2	0,148	0,74	0,45	0,126	0,28
Оборот розничной торговли на 1 чел., руб.	13478	4860	0,36	71751	26119	0,36
Оборот общественного питания на 1 жителя, руб.	316	106	0,34	971	692	0,71
Среднемесячная заработная плата, руб.	1788	913	0,51	24223	18726	0,77
Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, руб.	810	627	0,77	20128	16971	0,84
Уровень официальной безработицы, %	1,2	1,9	1,58	1,0	1,8	1,8
Количество детей на 1 детский сад, чел.	97,3	43,4	0,45	227	95	0,42
Библиотеки на 10 тыс. населения, ед.	1,1	8,8	8,0	0,5	8,6	17,2
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. чел., ед.	0,6	10,7	17,8	0,4	10,4	26,0
Инвестиции в основной капитал на 1 чел., руб.	2084	1156	0,55	9584	8366	0,87

Примечание. ** – рассчитана абсолютная разница показателей.

Причины менее благоприятного социально-экономического развития села по сравнению с городом в крае имеют во многом те же основы, что и в России в целом. Мы согласны с мнением Р. Салахудиновой и С. Ларцевой, что такими

причинами, в частности, являются следующие: 1) специфика расселения селян (территориальная отдаленность мелких сел от объектов социальной инфраструктуры и др.); 2) недостаточное развитие инфраструктуры (энерго- и газоснабжения, транспортных сетей, социальной сферы); 3) недостаток финансовых ресурсов в сельских муниципалитетах; 4) слабое развитие малого предпринимательства; 5) моноотраслевой характер экономики¹.

Результаты типологизации сельских районов Алтайского края за предыдущие десятилетия, позволили выявить устойчивость позиций регионов-«аутсайдеров» и факторы их неблагополучия. История изменения статуса выделенных четырех районов на фоне других районов края показала, что еще в середине 1980-х гг. эта четверка занимала только средние или худшие позиции. В советское время благодаря инвестиционной политике урбанизированные районы, расположенные близко к большим городам, имели более низкий уровень развития социальной инфраструктуры в отличие от периферийных, пограничных районов, но «выигрывали» в экономическом развитии². За последующие годы влияния советской социальной политики, направленной на поддержку удаленных от городов, периферийных районов, два района из проблемной четверки заняли благополучные позиции, удержать которые удалось даже в годы активных рыночных реформ, благодаря открывшимся возможностям взаимодействия с соседними регионами. С середины 1990-х гг. усилилась зависимость не только развития экономики, но и социальной инфраструктуры сельских районов от их географического положения. Наблюдалось расширение влияния крупных городов, что отразилось на улучшении экономического и социального положения каждого четвертого района Алтайского края. Более благополучные позиции заняло 15% районов, расположенных вблизи автомагистралей и железных дорог на границах с экономически более сильными регионами страны (Кемеровской и Новосибирской областями) и Казахстаном.

---

¹ Подробнее см.: Салахутдинова Р.Р., Ларцева С.А. Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 242-250.

² Подробнее см.: Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.

В наиболее неблагоприятной ситуации оказались районы, не имеющие таких явно выраженных преимуществ. Но особенностью выделенных районов-аутсайдеров является высокий природный потенциал, что может определить перспективу их социально-экономического развития. Внимание властей и предпринимателей к проблемным территориям со значительным природным потенциалом привело к тому, что в крае запущены различные программы и проекты с опорой на природную составляющую («Программа устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края до 2020 г.», Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и др.). Так, в Солонешенском районе в последнее десятилетие активно развивался туристический кластер, с 2013 г. формируется природно-археологический парк.

Итак, только к концу второго десятилетия пореформенной России в сельских районах Алтайского края получен явно выраженный эффект взаимосвязи экономического благополучия и развития социальной сферы через влияние крупных городов и другие выгоды географического положения. К этому времени влияние советской инвестиционной политики на развитие социальной сферы было нивелировано. С начала 2010-х гг. этот эффект усилился в еще большей мере. Для сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов требуется эффективное применение современных государственных инструментов сокращения масштабов социально-экономического неравенства сельских территорий, сближения стандартов жизни между городским и сельским населением. Драйверами социально-экономического развития сельских территорий в Алтайском крае и снижения миграции сельской молодежи являются не только ставшие традиционными программы занятости и стимулирования малого бизнеса, но и в целом формирование активной социальной среды внедрения инноваций в ключевых отраслях сельской экономики¹.

---

¹ Подробнее см.: Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцковского; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 423 с.

Глава 11. ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

11.1. Материальное положение сельской молодежи и их семей

Годы реформ, как отмечает И. Попова, привели к резкому обеднению населения, что в большей степени сказалось на селянах и связано с различиями в развитии рынка труда в городе и на селе. Свой вывод автор подтверждает результатами исследования в Костромской области, где даже в 2011 г. соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве со средним уровнем по области составило 74,3%¹. По данным исследований З. Калугиной, заработная плата работников сельского хозяйства в том же 2011 г. оставалась ниже минимального прожиточного бюджета и составляла примерно 45% от средней заработной платы по всей экономике².

Отметим, что сельская экономика, в первую очередь, сельское хозяйство, традиционно отличались более низкой производительностью труда, что привело к формированию более низкого уровня его оплаты, в том числе и в Алтайском крае. Вместе с тем разница по оплате труда в сельском хозяйстве и в среднем по экономике Алтайского края заметно сократилась с начала 2000-х гг. Если в 2000 г. размер заработной платы в отрасли составлял 55,7% от среднего по краю, то в 2017 г. – уже 77,3% (20,0 против 24,5 тыс. руб.). Такие благоприятные процессы связаны не только с изменением макроэкономических условий развития страны, но с целенаправленным влиянием государственной политики.

Как следствие, сократился и разрыв среднего размера оплаты труда на селе с аналогичным показателем по городам региона. В 2017 г. средний размер оплаты труда в сельской местности Алтайского края составил 19,8 тыс. руб.,

---

¹ Попова И.И. Сельский социум: мироощущение сельского жителя // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 130-131.

² Калугина З.И. Социальные риски воспроизводства человеческого потенциала в Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 59.

или 77,5% от соответствующего показателя в городах (в 2000 г. – 0,9 тыс. руб., или 66,0%). По данным выборочного обследования организаций, проведенного Росстатом в октябре 2009 г., средняя начисленная заработная плата молодежи в крае (16,5% в общей численности работников) составляла 97,2% от средней заработной платы работников более старшего трудоспособного возраста.

По результатам исследований Г. Солодовой и И. Харченко, в начале 2000-х гг. наблюдалась выраженная зависимость отношения к богатству от места проживания выпускников – сельские подростки в большей степени сохранили ориентации прежней социальной системы, что свидетельствует о поведенческой и ментальной устойчивости крестьянства и более реалистичной оценке практических возможностей достижения высокого уровня достатка¹. Выводы ученых подтверждаются и нашими исследованиями в Алтайском крае.

Из интервью с работником птичника из п. Новые Зори Павловского района (2015 г.): *«К жене приезжают подруги из города – то «айфонами», то сапогами за две моих зарплаты хвастаются, не понимаю я их. К чему эта «пыль в глаза», если все куплено в кредит? Я лучше окно в кухне на пластиковое поменяю или еще поросянку куплю».*

Динамика материального положения семей. Согласно данным социологических опросов 2002, 2008 и 2016 гг., несмотря на общее улучшение материального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг., в последние годы оно заметно ухудшилось, что может объясняться влиянием структурных кризисных явлений в экономике в 2014-2016 гг. (рис. 11.1). В 2011 г. в сравнении с более старшими селянами сельская молодежь края более позитивно оценивала свое материальное положение и его динамику что связано, преимущественно, с более благоприятным социальным самочувствием молодежи.

---

¹ Солодова Г.С., Харченко И.И. Формирование экономического сознания выпускников общеобразовательной школы // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 92.

Из интервью с экспертом, руководителем регионального органа исполнительной власти (2011 г.): *«Риск бедности связан не столько с возрастом селян, сколько с сознанием своей бедности. Молодой человек, скорее всего, бедным себя не осознает, хотя объективно может быть и беден, потому что у него еще есть перспективы самореализации».*

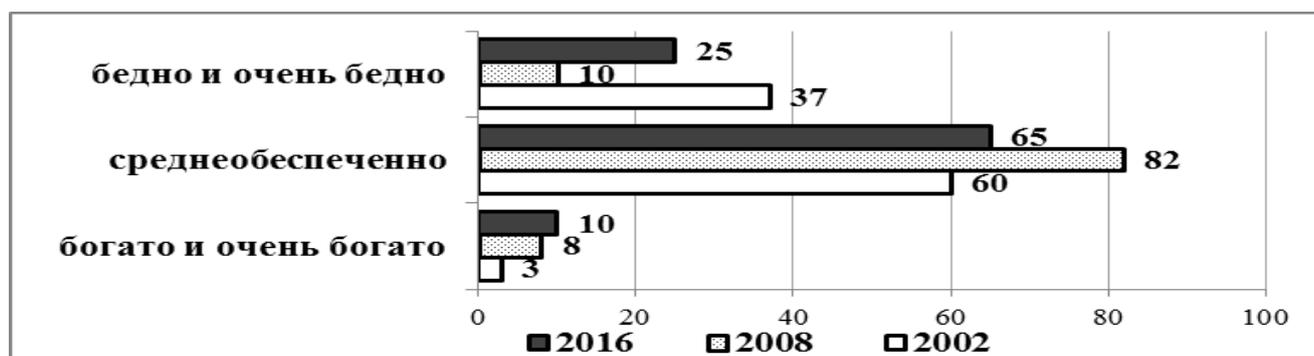

Рис. 11.1. Изменение материального положения сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2002, 2008 и 2016 гг.)

В 2016 г. в сравнении с 2008 г. в 2,5 раза вырос удельный вес бедных молодых селян (*«денег иногда не хватает даже на питание»*) и, соответственно, более чем на четверть снизилась доля среднеобеспеченных (*«на питание, недорогую одежду и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить»*). В 2016 г. почти каждый третий представитель сельской молодежи Алтайского края (34,9%) заявил об ухудшении своего материального положения в последние 2-3 года, и лишь менее восьмой части опрошенных молодых селян отметили, что оно несколько улучшилось.

Из интервью с жительницей с. Стуково Павловского района, находящейся в декретном отпуске (2015 г.): *«Я сейчас в декрете, что заметно отразилось на доходах нашей семьи. Основной добытчик теперь мой муж. Впереди зима, и перед нами остро встала проблема покупки зимних вещей для меня и ребенка. Если родители не помогут, даже и не знаю, что делать».*

В целом за последнее десятилетие, по данным опросов (2008 и 2016 гг.), резко снизился *уровень удовлетворенности* сельской молодежи Алтайского края своим *материальным положением* – в 9 раз, или на 18 п.п., до 2%¹. По данным опроса 2016 г., в *рейтинге условий, необходимых для улучшения своего материального положения*, на первом месте оказалось повышение размера оплаты труда (54% опрошенных), на втором – уверенность в собственном будущем (42%), на третьем – наличие подходящего по специальности и уровню образования места работы (34%). Образование и опыт рассматривались как факторы роста уровня благосостояния почти каждым четвертым молодым селянином (26%), а практически каждый десятый опрошенный в качестве такого фактора назвал личную инициативу (13%).

Результаты опроса 2017 г. свидетельствуют о заметном улучшении материального положения сельской молодежи в сравнении с данными опроса 2016 г. Так, в 2017 г. каждый десятый представитель сельской молодежи оценил свое материальное положение как бедное (*на скромное питание, оплату коммунальных услуг денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей – нет*) и очень бедное (*денег иногда не хватает даже на питание*), причем в последнюю группу вошло только 2% опрошенных. Среднее материальное положение (*на питание, недорогую одежду и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить*) было у подавляющего большинства молодых селян (79%). Доля обеспеченных и зажиточных (*есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни*) составила около 11%, а относительно богатых (*не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают*) – менее 1%. За предшествующие опросу 2-3 кризисных года заметно больше оказалось тех, чье материальное положение улучшилось, в сравнении с теми, чье положение ухудшилось: 27% против 18%. Материальное положение почти по-

---

¹ Рассчитан как сумма положительных оценок на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...».

ловины опрошенных представителей сельской молодежи (46%) не изменилось (9% затруднились с ответом).

Доходы и структура сельской молодежи по их источникам. Для оценки социального положения сельской молодежи особое значение имеет ее структура по источникам получаемых доходов и средств к существованию, поскольку является результирующей процессов формирования уровня благосостояния группы, отражает количество источников доходов различными представителями группы, соотношение удельных весов лиц, получающих доходы от основной работы, дополнительных заработков и проч.

Анализ изменения *структуры сельской молодежи Алтайского края по источникам получаемых доходов* с начала 2000-х гг. (по данным социологических опросов 2002, 2008 и 2016 гг.) показал, что при сохранении высокого удельного веса получателей заработной платы по месту работы (почти три четверти опрошенных в начале и конце рассматриваемого периода) заметно снизилась распространенность доходов от личных подсобных хозяйств (на 22 п.п. или 33,8%). С другой стороны, существенно увеличилась доля получателей займов и кредитов (на 80 п.п.), помощи родственников и друзей (на 30 п.п.), различных социальных пособий (на 16 п.п.) – рис. 11.2. Мы разделяем мнение Е. Колосовой, полагающей, что сельская молодежь зачастую рассчитывает на помощь родных и близких, поскольку село традиционно отличается более близкими родственными отношениями¹.

Полагаем, что ухудшение материального положения сельской молодежи Алтайского края в кризисный 2016 г. подталкивало молодых людей к поиску дополнительных источников средств к существованию, о чем свидетельствует, по данным опросов 2008 и 2016 гг., заметный рост распространенности получения займов и кредитов (на 64 п.п. с 2008 г.), дополнительных заработков (на 14 п.п.), помощи родственников и друзей (на 19 п.п.), а также расширение ЛПХ (на 6 п.п.) – рис. 11.2. Также, согласно данным переписи 2015 г., сельская

---

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 235.

молодежь региона в сравнении с молодыми горожанами отличалась большей долей лиц с двумя и более источниками доходов – 29,8% (среди молодых горожан – 22,3%).

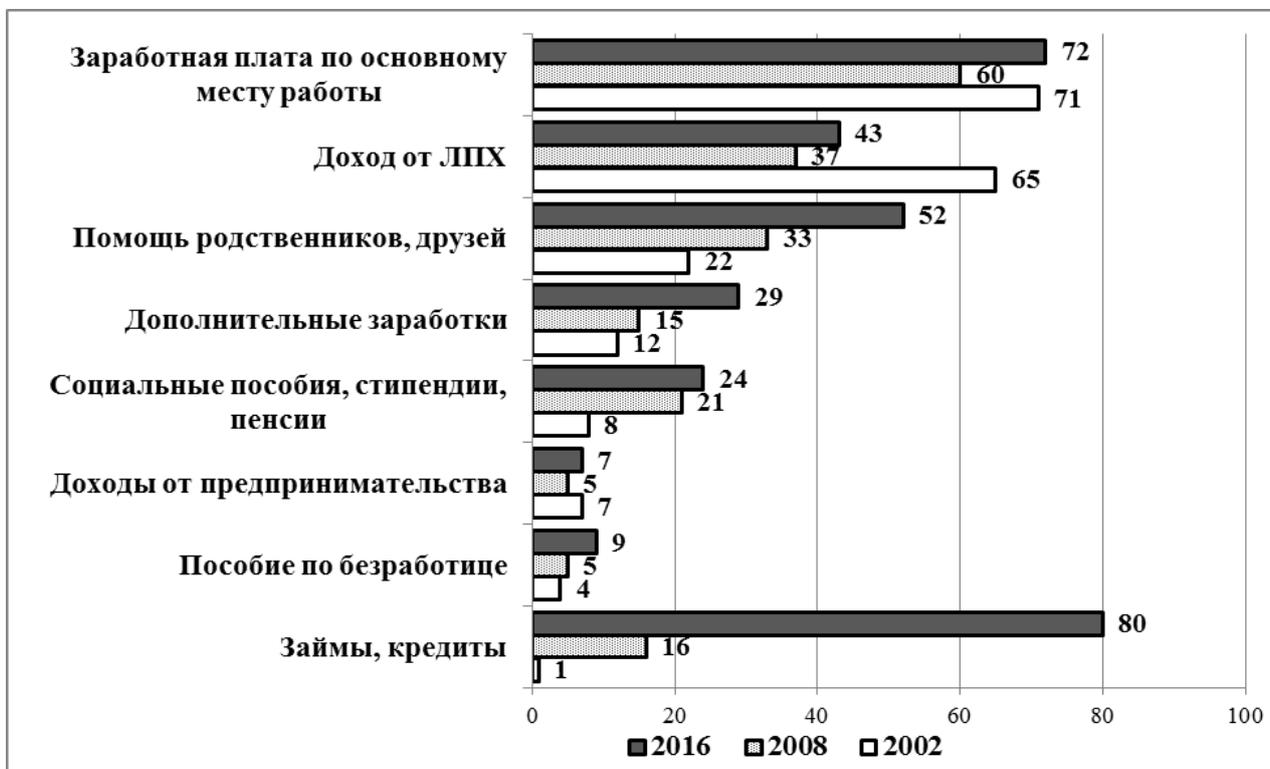

Рис. 11.2. Источники доходов и средств к существованию сельской молодежи Алтайского края, % опрошенных (по данным опросов 2002, 2008 и 2016 гг.)

По опросу 2017 г., около половины сельской молодежи (47%) получали заработную плату по основному месту работы, что заметно меньше, чем в предшествующие годы; дополнительные заработки имели 15% респондентов. Доход от семейного подворья получали только 12% сельской молодежи, что намного меньше, чем было зафиксировано нами в более ранних обследованиях. Менее 3% молодых селян имели доходы от предпринимательской деятельности, фермерский доход, а доходы от собственности – менее 1%. Каждый пятый получал какие-либо социальные трансферты (пенсии, социальные пособия, стипендии) и менее 2% – пособие по безработице. Более трети представителей

сельской молодежи (37%) находились на иждивении родителей или других родственников, близких. Кроме того, 13% опрошенных получали помощь родственников, друзей. Займы, кредиты имели уже только 9% респондентов.

Результаты социологических опросов о тенденциях изменения структуры источников дохода и средств к существованию сельской молодежи Алтайского края подтверждаются и официальными статистическими данными (рис. 11.3). По данным переписей населения 2002 и 2010 гг. и микропереписи 2015 г., наиболее существенными изменениями структуры сельской молодежи Алтайского края по *основному источнику получаемых доходов*¹ с начала 2000-х гг. стали рост удельных весов получателей заработной платы (на 11,5 до 49,4%) и помощи других лиц (на 11,2 до 29,7%), а также снижение распространенности получения доходов от ведения ЛПХ (почти впятеро до 3,9%), что отчасти свидетельствует о падении привлекательности сельского образа жизни.

В сравнении с более старшими селянами трудоспособного возраста изменение структуры сельской молодежи Алтайского края по основному источнику доходов с начала 2000-х гг. было менее значительным. В частности, речь идет и о таком положительном сдвиге, как рост удельного веса в данной структуре доходов от трудовой деятельности. По отношению к молодым горожанам рассматриваемые сдвиги в положении сельской молодежи также в целом оказались менее выраженными (кроме доходов от ЛПХ), но имели более отрицательный характер за счет роста зависимости от государственных социальных пособий и сторонней помощи. Как следствие, данные изменения способствовали сохранению соответствующей социальной дистанции между сельской и городской молодежью в регионе.

---

¹ Данные переписей 2002 и 2010 гг. представлены в разрезе возрастной группы 16-29 лет лишь по основному источнику доходов. При этом общая структура источников средств к существованию в разрезе данной возрастной группы не представлена, что не позволяет провести сравнительный анализ с данными микропереписи 2015 г.

Рис. 11.3. Источники основных доходов, % сельской молодежи Алтайского края (по данным переписи 2002 и 2010 гг.)

На фоне СФО сельская молодежь Алтайского края в исследуемый период отличалась более благоприятной структурой по основному источнику получаемых доходов (в частности, меньшими долями лиц, существующих на пенсии по инвалидности, доходы от помощи сторонних лиц и проч.), однако по большинству ее показателей уступала соответствующей территориально-демографической группе населения РФ в целом.

Особо отметим, что несмотря на уже обозначенное ранее существенное снижение роли личных подворий в качестве основного источника средств к существованию молодых селян в регионе, их роль как дополнительного источника доходов к концу исследуемого периода все же сохранилась (23,5% по данным переписи 2015 г.). Роль ЛПХ в жизни сельской молодежи края можно проиллюстрировать на примере молодой семьи из с. Сычевка Смоленского района¹. Причиной обзаведения семьей ЛПХ стала острая нехватка денежных средств. Молодые люди завели хозяйство, полученную продукцию продавали

¹ По материалам статьи «Личное подворье – кошельку подспорье» в газете «Алтайская нива» № 37 (551) 26 сентября-2 октября 2013 г.

на сельскохозяйственном рынке в райцентре, затем получили субсидию на ведение ЛПХ, купили теплицы для выращивания рассады цветов и овощей. По словам супругов, для рентабельного ведения хозяйства им не хватает трактора, наличие которого смогло бы решить множество проблем.

Из интервью с работником Черемновского лесничества из п. Комсомольский Павловского района (2015 г.): *«Подсобное хозяйство есть: быков держим и свиней. Тяжело их содержать, ведь еще и огород летом, но это единственный выход потом получить более-менее крупную сумму денег без всяких бешеных процентов. Хотя к зиме стараемся всех заколоть».*

По мнению исследователя Е. Колосовой, личные подсобные хозяйства являются важным источником дохода сельской молодежи, поскольку позволяют экономить средства на продовольствии, используя продукты собственного производства¹.

Жилищные условия как фактор формирования миграционных установок молодых селян. По данным опроса 2016 г., жилищные условия сохранили свою значимость в качестве фактора формирования миграционных установок молодых селян. Так, наличие собственного жилья и отсутствие крайней необходимости в улучшении жилищных условий имели прямую взаимосвязь с установкой на оседлость молодых селян².

Из интервью со студенткой медицинского колледжа, жительницей с. Стуково Павловского района (2015 г.): *«Если бы после получения диплома я бы нашла работу с жильем, то наверняка осталась бы в городе. Но найти такую работу очень непросто. Поэтому придется жить в деревне с родителями, а на работу ездить каждый день по 40 км до города и обратно».*

---

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тошенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 233.

² k Крамера = 0,201 и 0,143 при уровне значимости $p=0,001$ соответственно.

Как уже было обозначено нами ранее, с начала 2000-х гг. в Алтайском крае не произошло существенного сокращения различий между сельскими и городскими жителями по уровню развития микросоциальной среды их жизнедеятельности. В частности, это касается и качества сельского и городского жилищного фондов. Так, к середине 2010-х гг. наибольшие различия в указанном контексте сохранились по оборудованности жилья ваннами и горячим водоснабжением – более чем втрое (23,0 и 76,0%; 22,3 и 77,3% соответственно), а также напольными электроплитами – почти вшестеро (8,7 и 51,0%)¹.

В целом изменение жилищных условий сельской молодежи Алтайского края в последнее десятилетие, по данным опросов 2008, 2011 и 2016 гг., характеризовалось (как и в случаях со многими другими характеристиками ее положения) сочетанием разнонаправленных процессов. В указанный период существенно не изменилась *структура* молодых селян региона *по обеспеченности жильем*: треть молодых селян имела собственное жилье (дом или квартиру), почти каждый второй опрошенный проживал совместно с родителями или другими родственниками (рис. 11.4).

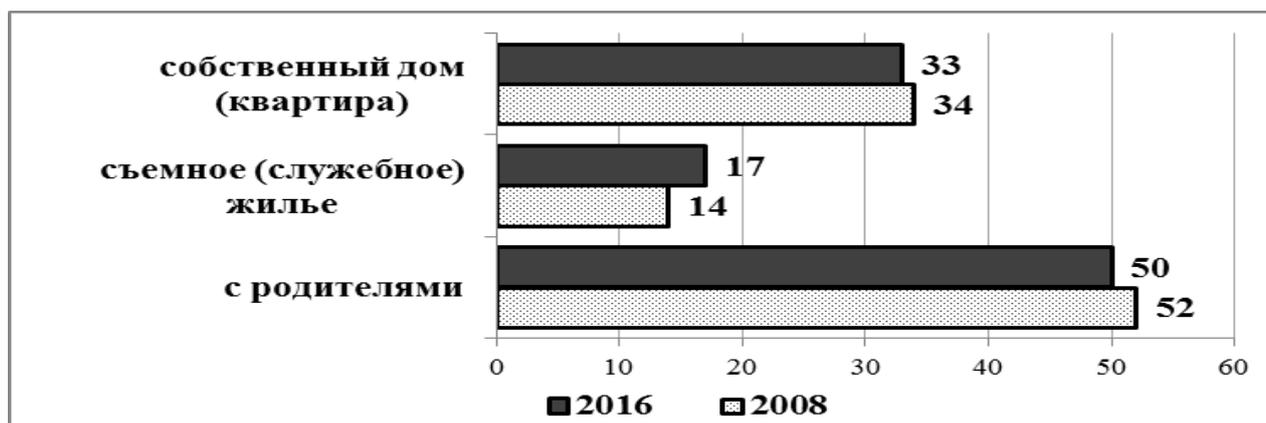

Рис. 11.4. Изменение жилищных условий сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2008 и 2016 гг.)

¹ По оборудованности горячим водоснабжением и напольными электроплитами различия сократились – с 9,8 до 3,5 раза и с 8,1 до 5,9 раза соответственно.

К положительным сдвигам в жилищных условиях сельской молодежи Алтайского края относятся, по данным опросов 2011 и 2016 гг., во-первых, качественное их улучшение, о чем свидетельствует снижение остроты многих жилищных проблем молодых селян и уменьшение их удельных весов в одноименном рейтинге, в особенности необходимости неотложного или экстренного ремонта жилья; во-вторых, заметное снижение удельного веса молодежи, признавшей себя остро нуждающейся в улучшении жилищных условий (почти вдвое до 22%) – рис. 11.5. Однако выделенные позитивные сдвиги в положении молодых селян региона сопровождались также ростом актуальности проблемы проживания в крайне стесненных условиях (в 1,2 раза до 27%). Кроме того, актуальность прочих проблем качества жилья для сельской молодежи региона, несмотря на ее снижение, осталась на достаточно высоком уровне. Например, почти треть сельской молодежи края проживала, по опросу 2016 г., в условиях отсутствия или нехватки необходимых коммунальных удобств (рис. 11.5).

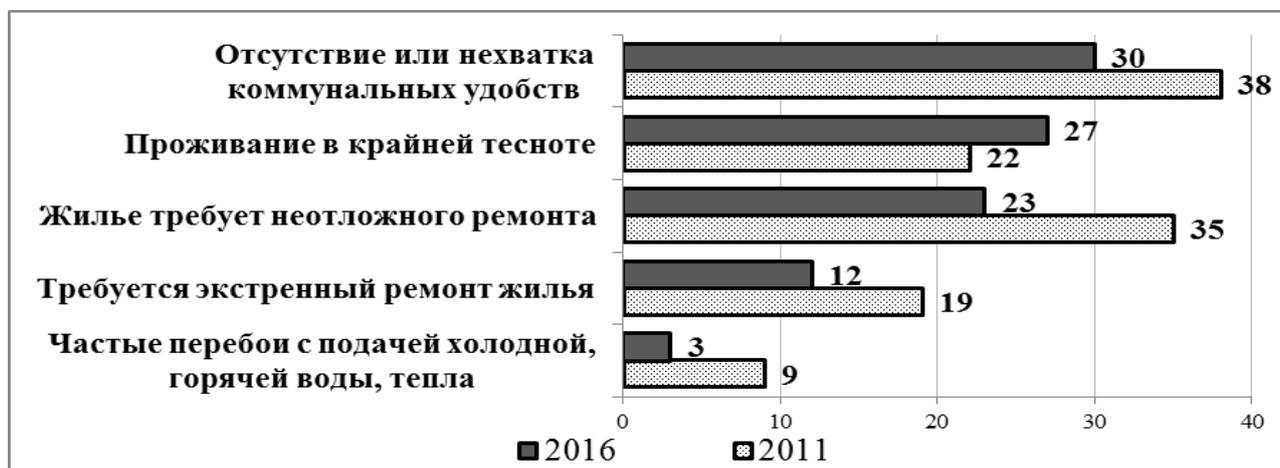

Рис. 11.5. Актуальные жилищные проблемы сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2011 и 2016 гг.)

Таким образом, несмотря на видимые положительные сдвиги в жилищных условиях сельской молодежи Алтайского края, сохранившаяся актуальность многих проблем качества жилья в последнее десятилетие привела к *сни-*

жению уровня удовлетворенности¹ молодых селян своими жилищными условиями (почти на треть до 28% в 2016 г.).

По опросу 2017 г. среди сельской молодежи 42% жили в собственном доме (квартире), 39% – с родителями, родственниками в их доме (квартире), 3% – в служебном доме (квартире), общежитии и 15% снимали жилье. Не имели своего жилья на момент опроса 0,2% опрошенных (8% затруднились ответить). Большинство респондентов (55%) отметили, что жилищных проблем у них нет. Среди основных жилищных проблем сельской молодежью выделены следующие:

- «*семья живет в тесноте*» (11%), проживание с родственниками или соседями в одном доме (квартире) (6%);
- отсутствие или нехватка коммунальных удобств (11%), частые перебои с подачей холодной, горячей воды, тепла (5%), жилье холодное, сырое (4%);
- жилье требует неотложного ремонта, в том числе капитального (11%).

* * *

Итак, анализ динамики материального положения сельской молодежи показал, что в целом с начала 2000-х гг. наблюдается улучшение большинства показателей, хотя, безусловно, кризисные годы отразились на ухудшении материального положения, росла бедность. Так, после ухудшения материального положения в кризисные 2014-2016 гг., когда около трети сельской молодежи отнесли себя к категории бедных и очень бедных, уже в 2017 г. только десятая часть молодых селян считали себя таковыми, как и летом 2008 г., накануне заметного воздействия глобального экономического кризиса.

Существенно трансформировалась структура сельской молодежи по источникам доходов и средств существования. Кардинально сократилась доля молодых селян, получающих доходы от ЛПХ как основные (с 19% до менее 4% по данным переписей 2002 и 2015 гг.), что свидетельствует о потере интереса

---

¹ Рассчитан как сумма положительных оценок на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...».

молодежи к традиционным видам хозяйственной деятельности в сельской местности. По опросу 2017 г. только каждый восьмой получал доходы от ЛПХ. Но значительно вырос удельный вес тех, кто получает разные виды выплат (более четверти). В сравнении с началом 2000-х гг. увеличилась закредитованность старшей группы сельской молодежи.

Актуальной остается проблема обеспеченности и качества жилья для сельской молодежи, снизилась ее удовлетворенность жилищными условиями. Как следствие, возросла роль данной проблемы как фактора ее миграционного оттока. Менее половины сельской молодежи обеспечена своим жильем, почти в половине случаев молодые селяне говорят о тесноте проживания, отсутствии коммунальных удобств, низком качестве жилья (его ветхости, необходимости капитального ремонта и др.).

11.2. Изменение социального самочувствия сельской молодежи

Результирующими показателями социально-экономических изменений на селе являются сдвиги в социальном настроении и самочувствии сельских жителей. Ухудшение социального самочувствия людей, как известно, является одним из индикаторов роста миграционных настроений и реального миграционного поведения. Вместе с тем у различных социальных групп с разными социально-демографическими характеристиками влияние социального самочувствия на миграцию проявляется по-разному. Различное воздействие на вектор и силу влияния социального самочувствия и градуса его изменения на миграцию оказывают характеристики социально-экономического положения, социально-культурная среда сообществ, состояние базовых институтов общества и др. Причем объектом внимания органов власти должен являться низкий градус социального самочувствия социальной группы населения, независимо от его воздействия на миграцию. Группы, имеющие относительно низкие параметры социального самочувствия в сравнении с остальными или с падающими его значениями, требуют специальных мер государственной политики. Высо-

кую востребованность в связи с этим имеют исследования социального самочувствия сельской молодежи как важнейшего социального ресурса воспроизводства и инновационного развития сельских сообществ.

О содержании и структуре социального самочувствия молодежи. Социальное самочувствие является фундаментом оценки более широкого понятия – социального настроения¹, вместе с тем первое является самостоятельным объектом исследования динамики характеристик отдельных групп, сложным и многомерным в интерпретации и измерении. Так, исследователи в своих работах рассматривают социальное самочувствие как «эмоциональный аспект оценки представителями социальной группы своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов»², как «интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, отношения к окружающей действительности, субъективных ее сторон», как «синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта»³. Л.П. Галич определяет социальное самочувствие как «эмерджентный (новоявленный) уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и собственной жизни с точки зрения настроения и самочувствия, удовлетворенности жизнью и материального бла-

---

¹ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.; Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55; Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М., 1996. – 195 с.; Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76-95.

² Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

³ Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55.

гополучия, терпимости и оптимизма, что обуславливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным формам социального действия»¹. Л.П. Галич справедливо подчеркивает, что социальное самочувствие как интегральный социопсихологический феномен «является результатом синтеза представлений и знаний о текущих событиях с прогнозом вероятности их изменения в ту или иную сторону (улучшения-ухудшения) и оценкой адаптационных и креативных возможностей субъекта в изменяющихся условиях»².

Специфика социологического подхода к исследованию социального самочувствия проявляется, во-первых, в представлении об относительной устойчивости эмоционально-психологической реакции индивида или социальной группы на условия жизнедеятельности (в этом случае учитывается уровень активности субъекта, его самореализация и самоутверждение, характер его включенности в социальные процессы) и, во-вторых, в применении интегральной характеристики взаимосвязи степени удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности и оценки социальным субъектом своих возможностей³. Социальное самочувствие формируется в процессе социального сравнения, сопоставления социального вознаграждения, возможностей для удовлетворения своих потребностей, реализации интересов различных групп и является показателем состояния социального здоровья общества, степени реализации принципа социальной справедливости⁴. Ш.Ч. Соян и Р.М. Севек обращают внимание на то, что при оценке своего социального самочувствия, являющегося обобщенным индикатором реакции людей на социальные преобразования, люди обычно ориентируются не на ситуативные эмоциональные состояния, вызван-

---

¹ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 43.

² Там же. С. 143-144.

³ Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76-95.

⁴ Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

ные всплесками и падениями общественных настроений, а на самооценку уровня благополучия в реализации основных социальных потребностей¹.

Исследователи социального самочувствия молодежи выделяют различные критерии и индикаторы его оценки. Так, для характеристики социального самочувствия российского студенчества Р.В. Карамельский использует в качестве его критериев удовлетворенность условиями жизни (учебой, работой, материальным положением), социально-психологический комфорт (самооценка удовлетворения потребностей социального существования), степень социальной активности и социальной адаптации к меняющимся условиям социальной среды, а в качестве индикаторов социального самочувствия выделяет самооценку статуса, субъективные оценки экономического и финансового положения, собственных жилищных условий, потребительские предпочтения и политические ориентации². По результатам большинства исследований социального самочувствия молодежи выявлена его структурная неоднородность и значительные различия в зависимости от гендерной, возрастной, социально-профессиональной, территориальной ее принадлежности и других характеристик, превалирование оптимистических оценок своего социального состояния и социальных ожиданий будущего³.

В данной статье рассмотрим, каковы уровень и динамика социального самочувствия сельской молодежи на примере Алтайского края как одного из агропромышленных регионов России, имеющего высокие показатели миграционных настроений⁴. В первую очередь из-за миграции численность молодежи

---

¹ Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 141-144.

² Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. – 20 с.

³ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55; Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. – 20 с.; Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 141-144.

⁴ См., например: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор

в крае сократилась в 1,7 раза, тогда как в России – в 1,2 раза. Качественным изменением является уменьшение доли молодежи в сельском населении трудоспособного возраста Алтайского края с трети до четверти.

Не претендуя на комплексность анализа социального самочувствия сельской молодежи, рассмотрим его отдельные ключевые характеристики, в том числе показатели социально-психологического состояния, удовлетворенности отдельными сторонами жизни и уверенности в ближайшем будущем. Кроме того, учитывая аффективную, когнитивную и конативную составляющие феномена социального самочувствия, попытаемся оценить, как оно связано с другими социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками сельской молодежи, а также какова сила влияния изменений социального самочувствия сельской молодежи на миграционные установки. Результаты исследования основаны главным образом на данных серии выборочных опросов сельского населения, в том числе молодежи, проведенных в Алтайском крае сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и факультета социологии Алтайского госуниверситета с начала 2000-х гг.¹.

Структура и динамика социального самочувствия сельской молодежи. По результатам социологического опроса в 2016 г. среди сельской молодежи самую большую группу опрошенных (40%) образовали те, кто *уверен в настоящем, с оптимизмом смотрит в будущее*, названные нами «уверенными оптимистами» (рис. 11.6). Менее трети (29%) составили те, кто *испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей* («обеспокоенные»). Вместе с тем каждый восьмой (13%) *ощущал на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находился «на грани нервного срыва»* («напряженные»), и чуть больше (17%) было

благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8: в 2 ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21-26; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.

¹ См. там же.

равнодушных, испытывающих апатию ко всему («равнодушные»). Причем среди «оптимистов» значительно чаще встречается молодежь с высшим (законченным и незаконченным) образованием, самозанятые и предприниматели, студенты и учащиеся, наиболее обеспеченные в материальном отношении, холостые (незамужние), среди «равнодушных» – безработные, среди «напряженных» – молодые селяне с низким образованием (ниже среднего общего, 9 классов), наиболее бедные, разведенные и вдовы.

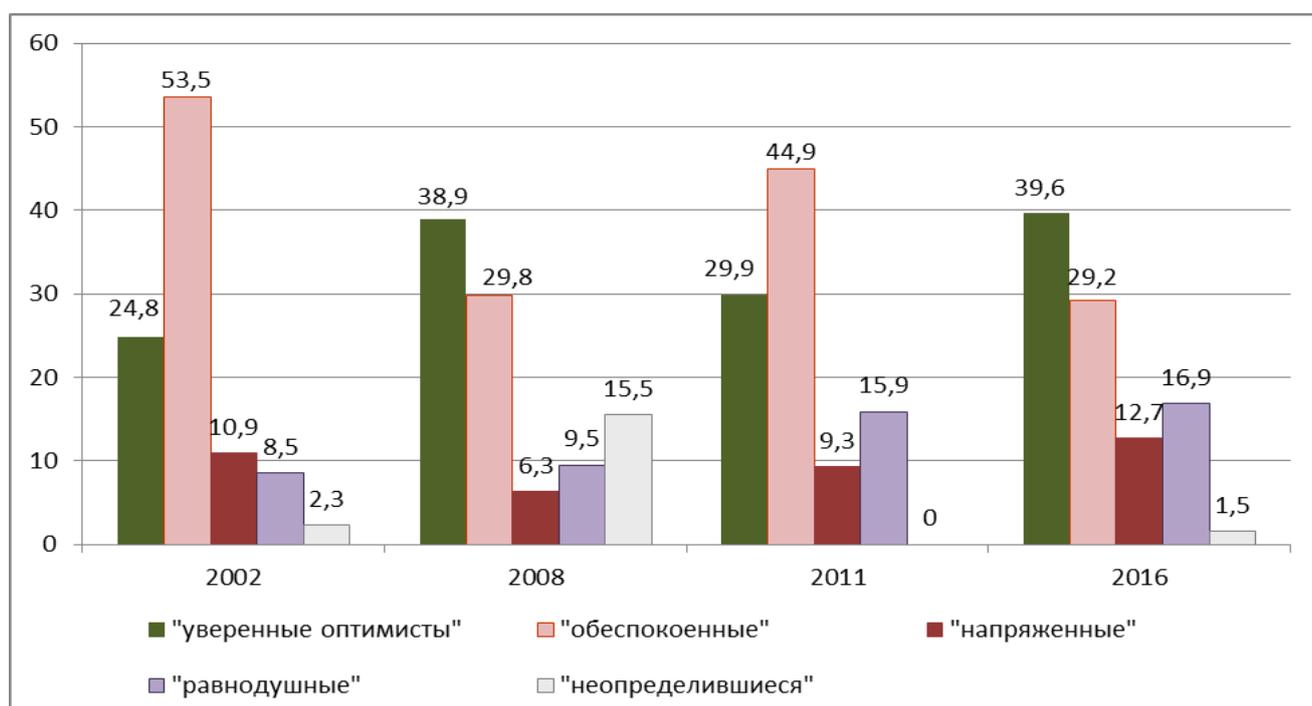

Рис. 11.6. Оценка сельской молодежью своего социально-психологического состояния в 2002, 2008, 2011 и 2016 гг., % опрошенных
(«Как бы Вы описали свое состояние, ощущения в последнее время?»)

Анализ динамики данного показателя за период с начала 2000-х гг. в целом свидетельствует об улучшении социального самочувствия сельской молодежи: с 2002 по 2016 гг. в полтора с лишним раза больше стало «уверенных оптимистов», в 1,8 раза меньше – «обеспокоенных» (рис. 11.6). Но при этом немного (менее чем на 2 п.п.) увеличилась доля «напряженных» и в два раза вы-

росла доля «равнодушных», что, безусловно, не является благоприятным процессом для развития сельских сообществ, поскольку такое состояние вызывается довольно часто, по мнению социальных психологов, невозможностью что-либо изменить к лучшему и может рассматриваться как другой вариант проявления низкого градуса социального самочувствия, наряду с «крайним напряжением».

Наиболее позитивный набор характеристик социального самочувствия молодых селян зафиксирован нами в 2008 г., в последний год экономического роста в крае накануне глобального экономического кризиса, когда не только «оптимизма» было почти столько же, как и в настоящее время (39%), но и «обеспокоенность и неуверенность», «равнодушие» и «напряженность» были на минимальной отметке или близкой к ней (30, 6 и 9,5% соответственно). Хотя справедливости ради надо отметить, что в тот год мы наблюдали и самый высокий уровень неопределенности в оценках сельской молодежи (15,5% затруднившихся с ответом).

Следствием воздействия кризисных явлений в экономике и накопления влияния других общественных процессов (предположим, к последним, скорее всего, можно отнести развитие потребительских ценностей в обществе в ущерб ценностям традиционного сельского образа жизни) в 2011 г. наблюдалась стагнация всех составляющих социально-психологического состояния сельской молодежи. За последующие пять лет, летом 2016 г., после всплеска последнего экономического кризиса (с конца 2014 г.) улучшились лишь две характеристики социального самочувствия молодых селян: вырос «оптимизм» и снизилась «обеспокоенность», но вместе с тем продолжали расти «равнодушие» и «напряженность», достигнув своего максимума с начала «нулевых».

По опросу 2017 г., доля «уверенных оптимистов» среди сельской молодежи составила около 40%, то есть масштабы оптимизма сохранились на уровне 2016 г. (рис. 11.6). Каждый третий в 2017 г. испытывал некоторое беспокойство, неуверенность в будущем (это лишь немногим больше, чем в 2016 г.). В то же время в состоянии равнодушия, апатии находилось 11% мо-

лодых селян, что заметно меньше, чем в 2016 г. (17%), почти на уровне 2008 г. (10%). Сильное напряжение, ощущение отсутствия какой-либо перспективы испытывало около 9% опрошенной сельской молодежи, что также заметно меньше, чем в 2016 г. (13%), на уровне 2011 г. Выросла доля затруднившихся оценить свое социальное самочувствие (8%). Следовательно, в целом можно говорить о некоторых позитивных изменениях в социальном самочувствии сельской молодежи в последнее время.

Оценки социального состояния сельской молодежи значительно более позитивны в сравнении с сельскими жителями более старшего возраста. Так, в 2011 г. «оптимизма» у молодежи было в 2,5 раза больше (30% против 12%) при значительно меньших масштабах «напряженности» (в 1,7 раза, 9% против 16%) и несколько меньших долях «равнодушия» (16% против 18%) и «некоторой обеспокоенности, неуверенности в будущем» (45% против 54%). Причем в сравнении с началом 2000-х различия в социальном самочувствии между двумя рассматриваемыми группами существенно выросли по оценкам «оптимизма» (с 1,7 раза до 2,5) и «напряженности» (с 1,2 раза до 1,7), т.е. с начала «нулевых» среди сельской молодежи в сравнении с другими взрослыми сельскими жителями становится еще больше «уверенных оптимистов» и еще меньше «напряженных».

Другими проявлениями социального самочувствия сельской молодежи являются показатели удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности и социальных ожиданий. В 2016 г. большинство представителей сельской молодежи было не удовлетворено (соответствует оценкам «1» и «2» по нарастающей пятибалльной шкале удовлетворенности от «совершенно не удовлетворен» до «полностью удовлетворен») своим материальным положением (58%), более трети (35% ответивших) – работой, каждый пятый – жилищными условиями, более 15% – ситуацией в своем селе и менее 8% – жизнью в целом. Соответственно, напротив, среди молодых селян зафиксировано 28,5% удовлетворенных («4» и «5» по шкале удовлетворенности) жилищными условиями, 24% – своей работой, 12% – ситуацией в сельском населенном пункте и лишь 2% –

материальным положением при 44% удовлетворенных жизнью в целом. В отношении ближайшего будущего в жизни своей семьи позитивные оценки сельской молодежи в 2016 г. значительно перевешивали негативные: более пятой части респондентов (21%) были уверены в том, что в следующие год-два их семьи будут жить лучше, и только 13,5% прогнозировали ухудшение ситуации в этом отношении; основная же часть (42%) не ожидала существенных перемен (остальные затруднились оценить). Сельская молодежь намного более оптимистична в своих оценках ближайшего будущего семьи в сравнении с селянами более старшего возраста. Например, в 2011 г. лучшего будущего ожидали более трети молодежи и только десятая часть представителей более старшей возрастной группы селян, а ухудшения положения – менее 5 и 11% представителей соответствующих групп.

По опросу 2017 г. получены самые высокие оценки удовлетворенности жизнью в целом (3,9 балла из 5 возможных), жилищными и бытовыми условиями (по 3,7 балла), самые низкие – ситуацией в населенном пункте и крае в целом (по 2,7 балла). Оценки удовлетворенности материальным положением и работой в 2017 г. заняли срединную позицию (по 3,1 балла), тогда как ранее оказывались «в хвосте».

Полученные нами результаты удовлетворенности сельской молодежи соответствуют в целом по диспозиции и трендам результатам выборочных опросов населения Алтайского края, проведенных О.Н. Колесниковой, В.А. Артюхиной и Т.В. Чукановой в 2010 и 2014 гг.¹. В результате этих исследований выявлено растущее доминирование положительных оценок удовлетворенности жизнью: в 2014 г. 54% жителей края на момент опроса были удовлетворены своей жизнью и 27% – не удовлетворены (при менее 5% крайне неудовлетворенных), тогда как в 2010 г., еще сохраняющем проявления глобального эконо-

---

¹ Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

мического кризиса, – 47% удовлетворенных и 34% неудовлетворенных. Кроме того, выявлена относительная стабильность в оценках уверенности жителей края в своем будущем (в 2014 г. 40% уверенных против 22% неуверенных при близких оценках в 2010 г.). Причем 35% опрошенных оптимистично оценивали будущие изменения в жизни своей семьи и 6% ожидали ухудшение.

Социальное самочувствие сельской молодежи как фактор миграционных установок. Социальное самочувствие в значительной степени определяет миграционные установки и, в конечном счете, реальное миграционное поведение сельской молодежи. По результатам опросов, «уверенные оптимисты» несколько чаще представителей других групп, различающихся своим социально-психологическим состоянием, желают остаться жить в своем селе, но если планируют, то это связывается чаще с выездом из Алтайского края в другие регионы страны или даже в другие страны. Так, в 2017 г. представители группы «оптимистов» были более настроены не уезжать из своего села (44%, на 6-10% больше, чем среди других групп), причем в сравнении с 2008 г. доля желающих остаться даже немного увеличилась (табл. 11.1). Вместе с тем треть «оптимистов», в той же мере, как и «обеспокоенные», планировали переезд в города края (против 17-19% в других группах). «Напряженные» опережают молодежь из других групп по масштабам миграционных установок из села без ресурсной обеспеченности: в 2017 г. 16% таковых хотели бы уехать из своего села, но не имели для этого необходимых средств (против 2-9% в других группах). «Равнодушные» чаще планировали переехать не только в другие села, но и в другие регионы, другие страны (9, 15 и 6%).

* * *

Таким образом, анализ структуры и динамики социального самочувствия сельской молодежи позволил сделать выводы о противоречивости и неоднозначности в их оценке. *Во-первых*, относительно высоким, в сравнении с более старшими по возрасту группами сельского населения, является

уровень «уверенного оптимизма» (40% в 2016 и 2017 гг.) сельской молодежи в своем настоящем и будущем (впрочем, как показывают результаты многочисленных исследований российских и зарубежных ученых, характерный для молодежи в целом).

Таблица 11.1

Миграционные установки сельской молодежи по группам, различающимся социально-психологическим состоянием в 2017 г., % ко всем опрошенным в данной группе

	Не хотят уезжать из своего села	Хотят, нет возможности (денег на переезд и др.)	Планируют уехать:			
			в города Алтайского края	в другие села Алтайского края	в другие регионы России	в другие страны
Всего, в т.ч.:	37,5	5,6	29,8	3,3	10,7	2,6
«уверенные оптимисты» (уверены в настоящем и будущем)	43,7	1,8	32,9	2,4	7,8	1,8
«обеспокоенные» (испытывают беспокойство, неуверенность в будущем)	29,3	7,1	32,1	3,6	11,4	2,9
«напряженные» (испытывают сильное напряжение, раздражение)	32,4	16,2	18,9	2,7	13,5	0,0
«равнодушные» (в состоянии равнодушия и апатии)	38,3	8,5	17,0	8,5	14,9	6,4

Наиболее мощными социальными лифтами для развития «оптимизма» сельской молодежи являются образование и занятость (прежде всего самозанятость и предпринимательство). Вместе с тем такие масштабы «оптимизма» не позволяют позитивно оценивать всю структуру социально-психологического состояния сельской молодежи: довольно значимой (13% в 2016 и 9% 2017 гг.) остается совокупная доля «напряженных» (испытывающих сильное напряжение, раздражение) и «равнодушных» (находящихся в состоянии равнодушия и апатии, 17% в 2016 г. и 11% в 2017 г.), что может стать тормозом активных процессов социально-экономического преобразования сельских сообществ.

Во-вторых, противоречивость и неоднозначность в оценке структуры социального самочувствия сельской молодежи проявляется также в том, что оптимизм сельской молодежи локализуется в парадоксальном сочетании относительно низких параметров их удовлетворенности отдельными сторонами своей жизни (от 2% по удовлетворенности своим материальным положением до 29% по удовлетворенности работой в 2016 г., по 3,1 балла из 5 возможных в 2017 г.) при заметно более высокой оценке удовлетворенностью жизнью в целом (44%, около 4 баллов из 5 в 2017 г.), а также в превалировании позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего.

В-третьих, в целом позитивная динамика социального самочувствия сельской молодежи с начала 2000-х гг. проявляется в полуторакратном росте «уверенного оптимизма» при почти двукратном сокращении «обеспокоенности и неуверенности в будущем». Тревогу у общественности и власти должно было вызвать сокращение масштабов позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего и двукратный рост «равнодушия и апатии» сельской молодежи, довольно ярко выраженные в кризисном 2016 г. Вместе с тем необходимо отметить, что в 2017 г., более благополучном в экономическом отношении, наблюдалось явное сокращение «напряженности» и «равнодушия» в молодежной среде сельских территорий края.

В-четвертых, улучшение социального самочувствия тесно связано с сокращением миграционных установок сельской молодежи. Почву для роста миграционных настроений в большей степени формируют «обеспокоенность» и «напряженность», тогда как именно «оптимисты», имеющие меньший потенциал миграции, могут образовать воспроизводственную основу сельских сообществ, стать базовым социальным ресурсом модернизации их экономики и социальной сферы. Одним из направлений улучшения социального самочувствия и, как следствие, сокращения миграции сельской молодежи является модернизация «социальных лифтов», направленных на закрепление их проживания на селе, и совершенствование системы их социальной поддержки силами государства и самих сельских сообществ.

Раздел IV. КЛЮЧЕВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ОЦЕНКА ИХ ВЛИЯНИЯ

Глава 12. ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ В СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ

12.1. Социально ориентированная политика сельского бизнеса: практики и факторы их развития

Российский сельский бизнес остается сегодня одним из наиболее значимых субъектов, участвующих в социальном развитии сельских территорий и поддержки сельского населения. Причем нередко именно благодаря действиям сельских работодателей остается «на плаву» жизнедеятельность сельских поселений. В данной статье рассмотрим, какие практики поддержки молодежи используются сельскими предпринимателями и каково, в конечном счете, их влияние на миграцию из села.

Актуальность исследования определяется сохранением и даже нарастанием в последние годы вызовов и угроз устойчивому социально-экономическому развитию сельских территорий, связанных с массовой миграцией сельской молодежи и нехваткой квалифицированных кадров. В наиболее явном виде данные вызовы и угрозы проявляются в ряде регионов с аграрной специализацией. Среди таких регионов следует выделить Алтайский край как регион с высокой долей сельского населения (по данным Росстата, 43,6% против 25,6% в России на 1 января 2018 г.).

Рассмотрим современные социально ориентированные практики сельского бизнеса в Алтайском крае, их динамику и факторов развития, дадим оценку их влияния на миграцию молодежи¹.

---

¹ Более подробно см.: Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. – 296 с.; Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования

Развитие социально ориентированных практик агробизнеса в 2008-2016 гг. До последних двух-трех кризисных лет, точнее в 2008-2013 гг. устойчивую и массовую приоритетность получили практики агробизнеса, прямо или косвенно повышающие доходы работников. Так, подавляющее большинство предприятий выплачивало отличившимся работникам денежные премии, причем доля таких предприятий заметно выросла за рассматриваемый период (95% в 2013 г. против 63% в 2008 г.). Половина предприятий реализовывала свою продукцию по более низким ценам, вместе с тем более редким стало премирование работников своей сельхозпродукцией (мука, масло подсолнечника и др.). Существенный рост популярности в целом за рассматриваемые 5-6 лет характерен для такой специфической практики, как приобретение скота, кормов, дров и других видов продукции хозяйства: в 2013 г. это применялось на каждом третьем агропредприятии, в 2008 г. встречалось лишь таких 12-15% случаев. Значительно выросла за рассматриваемый период распространенность такой традиционной практики социальной поддержки собственного персонала, как оказание материальной помощи нуждающимся работникам предприятия (70% в 2013 г. против 40% в 2008 г.).

Среди практик по формированию благоприятных условий труда персонала лидирующие позиции на агропромышленных предприятиях с нарастающей популярностью до последних двух лет занимали также организация для работников льготного питания и предоставление им служебного транспорта, техники (тракторов, грузовых автомобилей и др.) для использования ее работниками

ния и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – 298 с.; Сергиенко А.М. Сельский бизнес и социальная политика // Рынок труда Алтай. – 2010. – № 4. – С. 56-58; Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; Сергиенко А.М., Анисимова М.М., Кононенко А.С. Социальная политика агропромышленного бизнеса: современные направления и тенденции развития в Алтайском крае // Бизнес: социальное измерение (современные аспекты корпоративное социальной ответственности): сборник статей II межрегиональной научно-практической конференции / под ред. Бушмина И.А. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 81-93; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

в личных целях. Если в 2008 г. менее половины представителей агробизнеса применяли эти практики, то в 2013 г. их стало большинство, причем льготное питание организовывали уже три четверти хозяйств.

Особенностью внутренней социальной политики агробизнеса до последнего времени являлось нарастающее внимание к повышению профессионально-квалификационного уровня персонала. По данным опроса 2013 г., две трети представителей агропромышленного бизнеса Алтайского края направляло своих работников на курсы повышения квалификации, вкладывало средства в развитие своего персонала (для сравнения: в 2008 г. таковых было менее трети). В заботе о перспективах кадрового обеспечения каждое четвертое агропредприятие участвовало в образовательных проектах и программах, оказывало помощь в проведении молодежных мероприятий, каждое восьмое хозяйство помогало своим работникам оплачивать расходы на обучение в вузах их детей (предыдущие пять лет назад последняя практика была более редкой). Такая политика характерна в большей степени для относительно крупных сельхозпредприятий, хотя в последние докризисные годы широко использовалась и среди наиболее устойчивых в социально-экономическом отношении крестьянско-фермерских хозяйств.

Набрали популярность практики хозяйств, направленные на улучшение здоровья работников и членов их семей, обеспечения их жильем и организации комфортных условий быта работников (от четверти до половины предприятий). Более трети хозяйств оказывало помощь своим сотрудникам в диспансеризации и получении других форм медицинского обслуживания, дополнительного медицинского страхования, каждое четвертое предприятие погашало расходы работникам и их семьям по путевкам в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и т.п. (в 2008 г. такие практики применяло только примерно каждое десятое предприятие). Четверть предприятий АПК строили или предоставляли жилье для своих работников и приглашенных специалистов (предыдущие пять лет назад таковых было пятая часть); почти треть – выдавали ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на покупку или строи-

тельство жилья, хозяйственных построек и т.п. (в 2008 г. их было в три раза меньше). Но уже реже встречались практики выдачи ссуд или гарантий для получения кредита на приобретение дорогостоящих вещей (мебели, автомобилей и т.д.); только за предшествующие пять лет рассматриваемого периода их популярность сократилась в два раза (до 5%). И уже изжила себя практика полной или частичной оплаты расходов на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, что произошло благодаря переходу данной функции к государству (еще предшествующие пять лет назад каждое десятое агропредприятие осуществляло такие меры).

До последних кризисных лет 2014-2016 гг. социально ориентированные практики агробизнеса в целом стали носить более системный и массовый характер, что определялось ростом их экономического благополучия и развитием социальной ответственности руководителей. До этого времени ситуационность и фрагментарность социальной политики на агропромышленных предприятиях сохранялась в основном на малых предприятиях. По опросу 2013 г. практически не осталось хозяйств, не оказывающих никакой поддержки работникам (предыдущие пять лет назад их было 13%). В последние кризисные полтора-два года наблюдается сокращение спектра и массовости социально ориентированных практик агробизнеса, вновь выросла доля предприятий, не использующих такие практики (почти до 10%). По данным опроса, весной 2016 г. сохранились (при сокращении их объемов) практики, в первую очередь направленные на стабилизацию численности персонала и устойчивое развитие предприятия. Среди таких практик – выплата работникам премий в денежной и натуральной форме, реализация своей продукции по более низким ценам, реже предоставление работникам служебного транспорта.

Наиболее значимыми для работников социально ориентированными практиками агробизнеса (по опросам 2011 и 2016 гг.) являются денежные выплаты по результатам трудовой деятельности и материальная помощь нуждающимся, в том числе в виде реализации продукции предприятия по более низким ценам (в частности, льготы на приобретение скота, кормов, семян, дров и т.д.).

Многие работники считают важным предоставление служебного транспорта из-за значительной территориальной удаленности предприятий от жилья. Значимую ценность представляет для работников и помощь предприятия в оплате расходов на обучение детей в вузах.

Особое значение в политике, реализуемой на предприятиях агропромышленного сектора экономики, имеет социальный капитал работника, выраженный, в частности, в виде личных контактов работников с руководством. Ряд социальных практик реализуется по личной просьбе, адресованной руководителю предприятия. Так, по опросу 2011 г., около половины работников обращались к руководству предприятия с личной просьбой оказать помощь, содействовать в решении проблем и получили положительный результат; в 2016 г. таковых оказалось значительно меньше. Как правило, подобного рода просьбы касаются заблаговременной выдачи зарплаты, материальной помощи или предоставления служебного транспорта для личных целей.

Первостепенным признаком социально ориентированного работодателя является отсутствие различного рода социально-трудовых нарушений на предприятии, к числу которых можно отнести занижение уровня заработной платы, задержку ее выплаты, незаконное увольнение, высокий уровень эксплуатации работников, производственный травматизм и др. Большинство опрошенных нами в 2011 г. работников отрицали существование большей части таких практик. Исключение составляет задержка выплаты заработной платы, редко указывали заниженный уровень заработной платы и в единичных случаях отмечались незаконное увольнение и высокая эксплуатация. Несмотря на отмеченные нарушения, практически все работники агропромышленных предприятий были удовлетворены (71%) или частично удовлетворены (26%) существующими условиями работы на предприятии (неудовлетворенных – 3%). В 2016 г. работники хозяйств практически отказались говорить о нарушениях их трудовых прав (главным образом из-за боязни возможного увольнения). В то же время представители агробизнеса сознались в том, что такие нарушения встречаются в деятельности хозяйств, в первую очередь – это задержки выплаты заработной

платы, оформление на работу без трудового договора, работа без отпуска, отсутствие медицинского и пенсионного страхования.

Степень удовлетворенности условиями труда на агропромышленных предприятиях зависит во многом от качества рабочих мест, в первую очередь от уровня оплаты труда. Этот фактор выделили работники и руководители агропромышленных предприятий при ответе на вопрос о том, чего именно не хватает на предприятии для оптимальных условий работы.

Агробизнес продолжает играть сегодня значительную роль в социальном развитии сельских сообществ, их сохранении и развитии, в решении социальных проблем сельского населения, причем с начала 2000-х гг. до последнего времени роль социальных практик сельского бизнеса заметно выросла. Большинство представителей сельского бизнеса оказывают помощь не только своим работникам, но и остальным односельчанам (почти три четверти по опросу 2011 г.): в основном в приобретении скота, кормов, семян, сена и дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской и другой помощи. Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, на содержание детей в дошкольных учреждениях. По данным опросов 2008-2016 гг., агропромышленные предприятия выделяют спонсорскую помощь на проведение культурно-досуговых и спортивных мероприятий, оказывают помощь школам и детским садам (например, в проведении ремонтных работ, снабжают своей продукцией по низким ценам), предоставляют свои услуги по благоустройству села (очистка дорог и вывоз мусора, обустройство детских площадок, помощь в ремонте водопровода и других инженерных сетей). Вместе с тем по значимости в социальном развитии села и социальной поддержке сельских жителей агробизнес существенно уступает государственным и муниципальным органам управления. Об этом свидетельствуют оценки не только руководителей

агропромышленных предприятий, но и подавляющего большинства представителей местной власти, а также около половины опрошенных сельских жителей (в том числе полученные весной 2016 г.).

Традиции поддержки работников агропромышленных предприятий и социального развития села часто сохраняются вопреки экономической эффективности. На селе нередко встречаются представители бизнеса с ярко выраженной социальной ориентацией, в ущерб рыночным принципам («*все, что я хочу – это сохранить свое село*»). Местные власти все сильнее ощущают свою зависимость от поддержки села сельским бизнесом, это касается поддержки инфраструктуры, культурной жизни, расчистки и ремонта дорог.

Из интервью с агрономом (Павловский район, 2013 г.): *«Понятно, что от социальной сферы мы избавились когда-то, и сейчас муниципальным органам намного тяжелее. Помогаем, чем можем. Допустим, даем деньги на водоснабжение в поселке... Ну наши же работники все-таки в поселке живут, поэтому стараемся».*

Кадровые проблемы как фактор социально ориентированной политики агропредприятий. Преобладание низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве и отраслях сельхозпереработки, массовая миграция молодежи из села привели к значительному дефициту квалифицированных кадров. Оценка обеспеченности агропредприятий кадрами показала, что в последние годы наблюдается устойчивый нарастающий дефицит квалифицированных кадров. Так, в 2013 г. только в 40% хозяйств численность и квалификация работников соответствовала потребностям производства, тогда как остальные 60% испытывали нехватку квалифицированных работников; предшествующие 5 лет назад масштабы дефицита кадров были несколько меньше (половина предприятий).

В последние годы руководители агропредприятий стали более активно использовать различные методы кадровой политики, направленные главным образом на формирование постоянного состава преимущественно на основе местных жителей. Так, по опросу 2013 г. почти половина предприятий регуляр-

но проводит повышение квалификации кадров за счет предприятия, более трети – практикуют совмещение профессий, разработали свою систему стимулирования персонала. Кроме того, специфика сельскохозяйственной деятельности определяет популярность сезонного регулирования численности, его применяет четверть предприятий. Довольно редко, лишь на каждом восьмом-десятом предприятии расширяют штат путем совместительства и найма по договорам, принимают на работу безработных, направляемых центром занятости. Отдельные предприятия (15%) набирают кадры с учетом перспектив развития предприятия, и пока единичными являются случаи планирования индивидуальной трудовой карьеры.

Среди профессиональных и личностных качеств работников, которые не устраивают руководителей агропредприятий, в 2013 г. в первую очередь выделены низкий уровень профессиональной подготовки работников, а также (как и предыдущие пять лет назад), небрежливое отношение к ресурсам (к технике и другому имуществу) предприятия, склонность к хищениям. Почти половина руководителей отметила также повышенные притязания работников к уровню зарплаты, что наблюдается на фоне равнодушия и безразличного отношения к работе и высокой занятости в семейном подворье (по оценкам каждого третьего эксперта). На каждом восьмом-десятом предприятии руководителя беспокоят повышенные требования к условиям труда, недисциплинированность и пьянство, слабое здоровье работников. За предшествующие пять лет значительной стала доля руководителей хозяйств, которых полностью удовлетворяют профессиональные и личностные качества их работников (каждый пятый эксперт), выросли претензии руководителей к уровню профессиональной подготовки персонала предприятия и, напротив, существенно снизилась их недовольство, связанная с недисциплинированностью и пьянством работников.

Из интервью с представителями сельского бизнеса (Павловский район, 2013 г.): *«В сельском хозяйстве механизаторов не хватает, хотя у нас ПТУ есть, там готовят их. Вот, скорее всего (в малых селах в основном) доезжают на тракторах, и всё, их там тоже не будет. Сейчас уйдет это поколение, которое на земле и с землей росло, как говорится... А уже приходит поколение, которое выросло с интернетом и компьютером. Поэтому селу очень трудно будет»; «Люди очень, как говорится, изменились за последние годы. А молодежь сейчас, она не та, молодежь-то, и у нее нет мотивации такой, как вот у нашего поколения. То есть у них нет азарта, нет интереса в работе, только потребительское всё...».*

Из интервью с экспертом-представителем районной администрации (Михайловский район, 2013 г.): *«Скорее всего, в будущем Михайловка – это будет село пенсионеров. Сюда будут приезжать, если работа будет... Но помимо этого здесь есть еще несколько причин. Вот, понимаете, раньше в сельском хозяйстве был же экстенсивный путь развития – все больше земель осваивали и т.п. А когда интензивный путь идет, то людей много не надо, чтобы обрабатывать земли. Сейчас одним американским комбайном можно все земли Михайловского обработать. И поэтому людям деться некуда. Единственное... пенсионеры никуда не уедут, потому что им здесь жить... А вот именно эта молодежь, которая и есть генофонд..., так вот, генофонд будет уезжать».*

Практики сельского бизнеса, направленные на поддержку сельской молодежи. С начала 2000-х гг. выросла роль сельского бизнеса как ингибитора миграции молодежи. По результатам наших исследований, и сельское население, и представители местной власти признают значимую и растущую роль сельского (прежде всего агропромышленного) бизнеса в социальной поддержке молодых работников и решении социальных проблем села¹.

---

¹ Подробнее см.: Сергиенко А.М., Старосвет Е.А. Социально ориентированная политика агробизнеса: современные практики и факторы развития // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». – Т. III. – М.: Проспект, 2017. – С. 668-676.

Как отмечалось выше, до 2014 г. росла распространенность и системность социальной поддержки со стороны сельского бизнеса. В отношении поддержки молодежи устойчивую и массовую приоритетность получили практики, прямо или косвенно повышающие доходы молодых работников (дополнительные денежные выплаты, реализация продукции предприятия по более низким ценам, материальная помощь нуждающимся, организация льготного питания и предоставление служебного транспорта), а также различные формы развития персонала (повышение квалификации, поддержка молодежи через образовательные программы). За пятилетку до 2014 г. развитие получили практики хозяйств, направленные на улучшение здоровья молодых работников (помощь в диспансеризации, дополнительное медицинское страхование, погашение расходов по путевкам в санатории, летние лагеря), обеспечение их жильем. Все эти практики осуществляло от четверти до половины предприятий и практически не оставалось хозяйств, не оказывающих никакой поддержки молодым работникам (в 2008 г. их было 13%).

Какие новейшие практики влияния сельского бизнеса на миграцию в города и возвратную миграцию молодежи можно увидеть на селе? В последние годы развиваются прежде всего практики, напрямую связанные с экономическим эффектом привлечения молодых работников. Поскольку руководители хозяйств остро ощущают проблему нехватки молодых квалифицированных работников, они все чаще сами участвуют в подготовке кадров в сельских колледжах, и там себе отбирают молодежь в свои организации. Крепкие предприниматели более активно стремятся омолодить персонал, нанимают в управленческий аппарат выпускников вузов, все чаще покупают жилье для молодых специалистов с рассрочкой по выплате.

Из интервью с руководителем одного из сельскохозяйственных предприятий в Целинном районе (2015 г.): *«У нас нет проблем с молодежью. Своих из села посылаем учиться и лучших приглашаем из Аграрного университета. Мы полностью омолодили весь менеджмент».*

Хотя на селе до сих пор проявляется парадокс живучести социальной ответственности бизнеса: между жестко эффективным производством и сохранением села даже эффективные предприниматели выбирают второе, поддерживая иногда избыточную занятость и молодежь. Например, по словам руководителя одного из наиболее сильных инновационных хозяйств края (в Целинном районе), он хорошо знает, как сразу сократить занятость до трех-пяти человек и выйти таким образом на показатели производительности в немецких хозяйствах, но никогда не пойдет на это, сохранит рабочие места как минимум для 50 жителей своего села, повышая эффективность другим путем, через расширение хозяйства.

Сокращению миграции молодежи способствует также существенное уменьшение разрыва между зарплатой в сельском хозяйстве и средней зарплатой по экономике: за последние десять лет с двукратной разницы в крае до 30%-ной. Появилось немало рабочих мест для молодежи с зарплатой выше средней по краю – более 25 тыс. рублей.

По данным Росстата, в крае наблюдается значительное сокращение отставания заработной платы в сельском хозяйстве от средней по экономике за последние десять лет (с двух раз до 30%), что способствует сокращению оттока молодежи из села. Уже нередкими являются случаи привлечения сельской молодежи на рабочие места с зарплатой выше средней по краю. Около половины опрошенных предпринимателей выплачивают отличившимся работникам денежные премии.

По опросу 2017 г., в каждом пятом-шестом случае сельские работодатели направляют молодых работников на курсы повышения квалификации, поддерживают молодежь в участии в образовательных проектах и программах, организуют или оказывают помощь в проведении молодежных мероприятий. Каждое восьмое предприятие, попавшее в выборку, организует льготное питание, каждое десятое – оказывает материальную помощь нуждающимся работникам, реализует продукцию предприятия по более низким ценам. Чуть реже встречаются практики оказания помощи в организации медицинского обслуживания

в виде дополнительного медицинского страхования работников, предоставления путевок (погашения расходов) молодым работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и т.п. Иногда сельские работодатели премируют отличившихся работников кормами, скотом, семенами и дровами, предоставляют им в случае необходимости служебный транспорт в личное пользование (каждый двадцатый случай). Довольно редкими практиками являются строительство или предоставление жилья для молодых работников, выдача ссуд (кредитов) или гарантии для получения кредита на покупку или строительство жилья, хозяйственных построек и т.п. В сравнении с результатами ранее проведенных нами опросов руководителей сельских предприятий в настоящее время не применяются ранее встречавшиеся практики оплаты расходов (полностью или частично) на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях. Вместе с тем почти каждый третий предприниматель, по опросу 2017 г., ничего не предоставлял молодым работникам, что заметно больше, чем в конце «нулевых».

Сельский бизнес оказывает активную поддержку селу, в том числе молодым односельчанам, не работающим на предприятии. Наиболее популярными практиками, по опросу 2017 г., являются помощь местным властям, учреждениям культуры в проведении культурно-развлекательных мероприятий (около половины случаев), а также в благоустройстве села (прежде всего, помощь в уборке мусора – почти в половине случаев, ремонт и расчистка дорог – в каждом третьем случае). Треть предпринимателей оказывает помощь сельской школе, детскому саду и другим учреждениям образования, каждый четвертый – местным властям и спортивным учреждениям в проведении спортивных мероприятий, поддерживает молодежь в участии в образовательных проектах и программах, организует или оказывает помощь в проведении молодежных мероприятий. Каждое восьмое предприятие реализует односельчанам свою продукцию по более низким ценам. Сравнительно редкими практиками являются материальная помощь нуждающейся молодежи (инвалидам, бедным семьям

и др.), оплата расходов на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях. И самыми непопулярными практиками являются помощь молодежи, не занятой на данном предприятии, в приобретении семян, скота и дров, в строительстве жилья и хозяйственных построек, в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства. Только каждый шестой предприниматель не оказывает никакую помощь селу и проживающей в нем молодежи.

Государственная политика как фактор формирования социально ориентированного агробизнеса. Значительную роль в развитии социальной политики и формировании социальной ответственности агропромышленных предприятий играет государственная социально-экономическая политика, реализация государственных программ развития АПК и социальной поддержки села, усиление государственного контроля по их реализации.

В Алтайском крае до последнего времени повышалась роль региональных органов управления в стимулировании развития социально ориентированных действий бизнеса, чему способствовало проведение краевого конкурса «Лучший социально ответственный работодатель Алтайского края». Согласно указу Губернатора Алтайского края от 12.03.15 № 22 «О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края» социально ответственным работодателем является «работодатель (за исключением социально ориентированных некоммерческих организаций), деятельность которого на региональном рынке труда направлена на поддержание и повышение уровня эффективной занятости населения, а также в полном объеме соответствует утвержденным критериям отнесения работодателей Алтайского края к категории «социально ответственный работодатель» в сферах трудового законодательства, социального партнерства, заработной платы, охраны труда и поддержания здорового образа жизни работников, законодательства о налогах и сборах, о пенсионном обеспечении, об обязательном социальном страховании.

По данным Главтрудоооащиты Алтайского края в 2015 г. в реестр социально ответственных и социально ориентированных работодателей было вклю-

чено 374 организации Алтайского края (для сравнения: в 2009 г. таких работодателей было 9). В период 2010-2015 гг. доля сельхозпредприятий в таком реестре выросла на порядок и превысила половину общего состава признанных таковыми работодателей. Причем в первые годы количество признанных социально ответственных работодателей в АПК непрерывно увеличивалось (до 13 в 2013 г.). Если в 2010 г. удельный вес социально ответственных работодателей из сельскохозяйственного сектора экономики едва превышал 5%, то в последующие годы эта доля была выше в 7-9 раз (35-44%), а в 2015 г. составила ровно половину всех признанных социально ориентированными работодателями.

Оценка роли сельского бизнеса в поддержке молодежи и ее закреплении на селе. Среди организаций, участвующих в помощи молодежи в решении ее жизненных проблем, в 2017 г. представители бизнеса на первое место, с большим отрывом от остальных, поставили федеральные и региональные органы управления (каждый третий эксперт). Каждый восьмой эксперт отнес к таким субъектам поддержки органы местного самоуправления и каждый десятый – частные организации, предпринимателей. Реже такими организациями являются государственные и муниципальные предприятия и учреждения.

Относительно роли сельского бизнеса в закреплении молодежи на селе и сокращении ее миграции, мнение подавляющего большинства опрошенных ее представителей разделилось почти поровну: между теми, кто считает, что сельский бизнес влияет незначительно (*«есть только отдельные случаи поддержки и создания рабочих мест для молодежи»*), и теми, кто оценил, что бизнес практически не влияет (*«поддержки молодежи сельским бизнесом нет, рабочие места для молодежи не создаются»*). Вместе с тем каждый седьмой эксперт отметил значительное влияние сельского бизнеса (*«активно поддерживает молодежь, создает рабочие места для молодежи»*).

По данным опроса в 2017 г., представители местной власти дали в целом даже более высокую оценку роли сельского бизнеса в поддержке молодежи, молодых семей, в решении их жизненных проблем, что, в конечном счете, спо-

способствует сокращению их миграции из села¹. Хотя оценка вклада сельского бизнеса в поддержке молодежи существенно, в разы ниже, чем федеральных, региональных и муниципальных органов управления, сторонников такой точки зрения в сравнении с результатами проведенных нами ранее опросов стало значительно больше. Так, подавляющее большинство руководителей органов местного самоуправления считает, что сельский бизнес в той или иной степени влияет на закрепление молодежи на селе. Хотя в большинстве случаев отмечается незначительное влияние сельского бизнеса (*«есть только отдельные случаи поддержки и создания рабочих мест для молодежи»*), каждый восьмой представитель местной власти подчеркивает, напротив, его значительное и растущее влияние (*«активно поддерживают молодежь, создает рабочие места»*). В частности, каждый пятый руководитель органов местного самоуправления считает, что причинами возвращения молодежи в село, район после учебы и/или работы в городе все чаще становится их работа на семейном предприятии, участие в семейном бизнесе.

12.2. Особенности развития сельских общественных организаций и их роль в поддержке молодежи

На основе данных Управления Минюста РФ по Алтайскому краю, полученных в конце марта 2015 г., и по расчетам автора в регионе действовало около 2 тыс. НКО, в том числе 14,7% – в сельских районах. В сельской местности было зарегистрировано 175 общественных объединений, что составляло более

---

¹ Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.; Сергиенко А.М., Старосвет Е.А. Социально ориентированная политика агробизнеса: современные практики и факторы развития // Сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». Т. III. – М.: Проспект, 2017. – С. 668-676; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.

60% всех сельских НКО и только 14% всех общественных объединений региона. Более половины сельских общественных объединений составляли на тот момент общественные организации. Наиболее популярными среди них, помимо молодежных, являлись организации развития национальной культуры и досуга, спорта и здорового образа жизни, ветеранов и военно-патриотические, инвалидов. Большую группу общественных объединений (более 40%) в сельской местности образуют профессиональные союзы. По территории края сельские зарегистрированные общественные объединения распределены неравномерно (от 1 до 14 в 53 из 60 сельских районов), значительная часть расположена вблизи краевой столицы. Предшествующие 2015 г. семь лет относятся к периоду наиболее высоких темпов институционализации гражданских инициатив на селе. В этот период зарегистрировано около половины имеющихся сельских общественных объединений, что говорит о неисчерпанном потенциале сельского социума в проявлении гражданского сознания.

По данным проведенных в 2008 и 2011 гг. экспертных опросов руководителей действовавших в Алтайском крае сельских общественных объединений, среди наиболее многочисленных можно выделить молодежные организации, женсоветы, территориальные подразделения Советов ветеранов и пенсионеров. В 2008 г. только примерно каждая восьмая организация зарегистрировала свою деятельность, основная масса функционировала без оформления документов, в 2009-2014 гг. наблюдались более интенсивные процессы формализации общественных практик. В годы последнего кризиса с конца 2014 г., по оценкам руководителя Управления Минюста по Алтайскому краю по делам некоммерческих организаций и других экспертов, появились признаки постепенного слома этого позитивного тренда, сворачивание многих гражданских инициатив, более активное закрытие зарегистрированных организаций.

По результатам опроса руководителей сельских общественных объединений в 2011 г., треть организаций поддерживали практику неформальных отношений с сельским сообществом, остальные либо зарегистрировали свою деятельность, либо запланировали регистрацию на ближайшее время. Об устойчи-

вости развития гражданских практик в тот период свидетельствует существенный рост масштабов благополучия, размеров общественных объединений. Положение большинства исследуемых общественных объединений было благополучным, в каждой третьей организации наблюдалось улучшение, они стали более представительными по численности: в среднем 15 человек (от 3 до 55 человек). Вместе с тем в последние годы, по оценкам представителей сельских общественных объединений (опрос проведен в сентябре 2015 г.), наблюдался рост дифференциации инициатив и настроения гражданских групп и усиление связи между активностью гражданских групп и их статусом (формализацией), типом их организации, снижаются масштабы неформальной деятельности лишь отдельных типов объединений, активно поддерживаемых грантами региональных и муниципальных органов власти.

О таких процессах в крае свидетельствуют, в частности, усиливающиеся различия в деятельности территориальных общественных самоуправлений (ТОС), различающихся не только статусом, но и историей формирования, традициями самоорганизации. Первая модель – зарегистрированный ТОС, давно и эффективно действующий (по оценкам местных властей) в небольшом селе Гоньба вблизи Барнаула с большим историческим прошлым (это была «паромная» деревня, через которую отправляли каторжников на работу на Колыванский сереброплавильный завод). Жители объединились в ТОС, *«чтобы легче было провести газ, отремонтировать асфальтовые дорожки, решать проблемы с уличным освещением»*. В селе *«давно сложилось, что не надо ждать помощи сверху. Никто никого не заставляет... С каждого дома ежемесячно добровольно собираем по 150-200 рублей и регулярно получаем гранты местные и из краевого бюджета (примерно по 75 тыс. рублей несколько раз в течение года)»*. В 2015 г. дополнительно оборудовали 3 детские площадки (*«все жители собрались»*). Если в 1990-х гг. молодежь активно уезжала из села, то в последние годы молодые люди возвращаются после учебы, *«достраивают свое жилье возле дедовских домиков»*, недавно создали свою организацию. Другую модель представляет крайне отличающийся от первого недавно организованный и пока

не зарегистрированный ТОС в поселке Затон, также расположенном вблизи краевой столицы. В данном поселке вследствие ежегодных затоплений рекой Обью сельские жители получают пособия и уже устойчиво *«сформировалось потребительское отношение к власти и территории»*. Здесь *«регулярно возникают конфликты между руководителями поселкового сельсовета и председателем ТОС из-за распределения финансовых средств»*. Причем *«после освоения денег интерес к результату у жителей пропадает»*: *«Недавно выиграли грант на оборудование детской площадки, а через некоторое время даже никто не подошел поправить покосившуюся оградку»*.

За десятилетие до 2015 г. мощным фактором активизации процессов становления институтов гражданского общества в сельской местности являлись инструменты государственного стимулирования, в том числе целевая грантовая поддержка НКО на федеральном и региональном уровнях. Для развития институтов гражданского общества в сельской местности принят ряд политических решений на федеральном и региональном уровнях, стимулирующих гражданские инициативы сельских жителей и способствующих их формализации. Таким примером является создание в 2008 г. «Российского союза сельской молодежи», были организованы ее отделения в Алтайском крае и других регионах страны, что способствовало развитию сельских молодежных общественных групп. В средствах массовой информации Алтайского края в предшествующие 2014 г. пять-шесть лет отмечалась активизация сельских сообществ в проявлении гражданских инициатив, среди регионов страны Алтайский край выделялся как лидер в проявлении местных инициатив.

Другим примером воздействия государства на процессы развития и формализации гражданских инициатив, стимулирования новых акций на селе в 2008-2015 гг. является целевая поддержка общественных проектов. Так, в 2012 г. в Алтайском крае реализовался проект «Гражданские инициативы сельских территорий – новый уровень» для формирования знаний и навыков по созданию и управлению общественными объединениями, организации консультационной, методической помощи в регистрации общественных организа-

ций в сельских муниципальных образованиях. С 2010 г. существует краевая грантовая поддержка социально значимых проектов НКО, в том числе в сфере молодежной политики, отличающаяся относительно небольшими масштабами при положительной динамике. Так, в рамках целевой программы «Молодежь Алтая» на конкурсной основе в 2015 г. поддержано 50 проектов на сумму около 3 млн руб., в том числе 13 проектов сельских общественных объединений. До 2015 г. наблюдалось повышение регулярности и объемов грантовой и других форм поддержки и со стороны муниципальных образований, но чаще в отношении отдельных типов образований (например, таких как территориальные общественные самоуправления).

Развитие гражданских инициатив происходит на основе осознания вызовов социальному развитию села и потребностей отдельных групп сельского населения в социальной поддержке. Так, среди социальных проблем села лидирующим, по мнению руководителей общественных объединений в 2011 г., являлся отток молодежи из села, причем острота этой проблемы нарастает. Вторую позицию занимали низкий уровень жизни и бедность сельского населения, а третью – ее важная составляющая: низкий уровень пенсионных и других социальных выплат. Соответственно, именно эти группы становятся объектами особого внимания со стороны общественных объединений.

Сельские общественные объединения осуществляют широкий спектр (расширившихся до 2014 г.) практик участия в развитии социальной сферы села и социальной поддержке отдельных групп. Среди таких практик наиболее значительными являются масштабы участия сельских общественных объединений в организации массовых культурно-развлекательных мероприятий на селе. Вторая по распространенности группа практик включает в себя помощь администрации района, сельсовета поселения в благоустройстве села, а также поддержку пенсионеров, инвалидов, многодетных семей и других групп населения. Реже организации участвуют в поддержке деятельности школ, организации спортивных мероприятий, поддержании общественного порядка. Иногда ока-

зывают помощь детским садам, лагерям труда и отдыха, оборудуют детские площадки.

Специфические практики основаны на традиционных для сельских сообществ способах поддержки отдельных групп, помощи в организации их быта и досуга. Так, сельские молодежные организации, помимо распространенных мероприятий в сфере культуры и досуга, оказывали помощь молодым людям в получении жилья, социальных пособий, в ведении семейного крестьянского хозяйства, в решении проблем молодежи, связанных с нарушениями их трудовых прав, участвовали в организации общественных работ, вовлекали молодежь в различные образовательные программы.

В 2010-2014 гг. реализуется широкий спектр новых общественных практик. Сравнительно новыми получающими распространение на селе в те годы являются практики оказания помощи по решению проблем социальной исключенности, в том числе связанных с нарушениями социальных прав. С начала 2010-х гг. получают развитие новые практики деятельности молодежных организаций, например, организовываются молодежные парламенты (Думы) сельских районов, проводится «Вахта памяти», посвященная празднованию Дня Победы, разворачивается «Тимуровское движение» по оказанию помощи труженикам тыла, одиноко проживающим пенсионерам, ежегодной становится акция «Соберем детей в школу» и др. В 2012 г. при финансовой поддержке Института проблем гражданского общества были организованы молодежные отряды, задачами которых стали профилактика безнадзорности, снижение правонарушений несовершеннолетних, пропаганда здорового образа жизни, повышение мотивации молодежи к общественно-полезному труду, поддержка детей с ограниченными возможностями.

Результативность практик сельских общественных объединений можно оценить по их роли в решении социальных проблем села и отдельных групп сельского населения. Свою значимость в решении социальных проблем села представители общественных объединений оценили невысоко (пятое место из восьми возможных в 2011 г.). Еще более скромно оценивают роль этих объ-

единений представители местной власти и сельского бизнеса. Низкую роль общественным объединениям отводят и сельские жители, они редко обращаются за помощью в решении своих проблем в такие организации. Ничтожно мала была доля тех сельчан, кому общественные организации оказали помощь в решении проблем в 2008 г., здесь лидерами были и остаются государственные органы. Тем не менее лидеры сельских гражданских объединений осознают свою особую значимость в социальной поддержке сельских жителей.

12.3. Влияние семейно-родственных сетей на миграцию молодежи

До настоящего времени сохраняется высокая значимость традиционных практик поддержки в семейно-родственных сетях. В 2000-х гг. сетевые практики взаимопомощи набирали темпы: речь идет о материальной (денежной) помощи, помощи в натуральной форме, по хозяйству, в ремонте и строительстве жилья, в оказании транспортных услуг, трудоустройстве. В «нулевых» почти удвоилась (с 41 до 77%) доля сельских молодых семей, получивших помощь от родителей или родственников¹. И даже в этом десятилетии около половины бедных получали значимую помощь от односельчан.

В последнее десятилетие значительно усилилось влияние семейно-родственных сетей как катализатора миграции молодежи в города. В более 90-95% случаев родители и другие родственники активно содействуют отъезду молодежи в города на учебу и работу, чему способствовали не только качественный рост потребности в высоком профессиональном образовании и привлекательности городского образа жизни, но и сокращение профессиональных училищ, колледжей и филиалов вузов в сельской местности и в целом повышение уровня жизни сельских жителей, уменьшение влияние материального положения как ограничителя. Как следствие, наиболее высоким миграционным потенциалом обладают молодые селяне, слабо связанные с сельской средой

---

¹ Более подробно см.: Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.

жизнедеятельности: не имеющие хорошо оплачиваемой работы, собственного жилья, получающие профессиональное образование в городах и одновременно активно использующие ресурсы поддержки со стороны семейно-родственных сетей.

В последние годы общий вектор влияния семейно-родственных сетей на «выталкивание» молодежи из села не изменился, но появился довольно устойчивый тренд в виде «ручейка» реэмиграции детей сельских предпринимателей. После учебы в городах молодежь стала чаще возвращаться в село для работы на семейных предприятиях (в фермерские хозяйства, малый торговый, строительный и транспортный бизнес). Иногда родители помогают своим детям-выпускникам вузов организовать индивидуальные предприятия (ИП) в сельском хозяйстве, сфере торговли и общепита, транспорта, медицины (например, в последнее время появились платные стоматологические кабинеты). Это получает мультипликационный эффект, способствует созданию рабочих мест для другой молодежи.

* * *

Итак, *результаты изучения социально ориентированных практик сельского, в том числе агропромышленного, бизнеса в Алтайском крае в 2008-2016 гг. позволили выявить следующие особенности. Во-первых, сохраняются традиции содержания и направленности социальной поддержки работников сельских предприятий и социального развития села, в основе чего лежат моральные принципы взаимопомощи, высокая значимость коллективных социальных сетей в сельских сообществах. Произошли существенные изменения в спектре и распространенности социально ориентированных практик на сельских предприятиях, хотя ее основные направления сохранили свою значимость. До последних кризисных лет приоритетность получили практики, прямо или косвенно повышающие доходы работников, а также различные формы развития человеческого капитала, улучшения здоровья и обеспечения работников жиль-*

ем. В настоящее время сохраняются в первую очередь практики, напрямую воздействующие на сохранение кадрового состава и устойчивого развития предприятия.

Во-вторых, сельский бизнес играет значимую роль в решении социальных проблем села и социальной поддержке как своих работников, так и нуждающихся в ней жителей села, в том числе молодежи, причем в последнее десятилетие эта роль заметно возросла. До кризиса последних лет усилилась системность социально ориентированной политики агробизнеса, такие практики стали носить более массовый и регулярный характер, что определялось не только ростом их финансово-экономического благополучия, но также развитием социальной ответственности руководителей. Вместе с тем устойчивым данный тренд не стал. И по-прежнему слабым местом остается преобладание низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве и отраслях сельхозпереработки, что привело к значительному дефициту квалифицированных кадров.

В-третьих, в последнее десятилетие повысилась роль государственных (федеральных и региональных) органов управления в стимулировании развития социально ориентированного сельского бизнеса. Это проявилось, в частности, в позитивных сдвигах в формировании социально ориентированных практик агропромышленных предприятий, в сокращении масштабов социально-трудовых нарушений на предприятиях (до последних двух кризисных лет), в сокращении отставания зарплаты в сельском хозяйстве от средней в экономике. Расширение потенциала использования государством инструментов стимулирования развития социально ориентированных практик сельского бизнеса видится в предоставлении налоговых льгот и льготных кредитов, софинансировании социально значимых проектов, развитии материального и морального поощрения социально ответственных работодателей.

Анализ особенностей поддержки молодежи сельскими институтами гражданского общества показал следующее. Современные сельские сообщества по-прежнему характеризуются значительно более низким уровнем разви-

тия гражданских инициатив и институтов гражданского общества в сравнении с городом. В сельской местности Алтайского края действует седьмая часть общественных объединений, расположенных во многих случаях вблизи краевой столицы. Процессы формирования и институциализации сельских общественных объединений описываются следующими трендами: 1) волнообразное развитие гражданских инициатив и постепенное нарастание интенсивности процессов их институциализации в 1990-х гг.; 2) вялотекущие процессы формализации гражданских групп в «нулевые» годы при значительном росте масштабов неформальных практик, особенно в молодежной среде; 3) активизация институциональных форм гражданского общества в 2010-2014 гг. (зарегистрировано около половины сельских общественных объединений этого периода), развитие потенциала сельского социума в проявлении гражданского сознания и выражения устойчивого интереса к развитию общественных практик, о чем свидетельствует существенный рост масштабов благополучия и размеров общественных объединений (по оценкам их лидеров).

Мощным фактором активизации процессов становления институтов гражданского общества в сельской местности в 2008-2014 гг. являлись более масштабные и эффективные действия органов государственной и муниципальной власти в использовании инструментов стимулирования гражданских практик в сравнении с предшествующими годами, в том числе целевая грантовая поддержка социально значимых проектов НКО на федеральном и региональном уровнях, а также принятие ряда других политических решений по поддержке гражданских инициатив и их институциализации в селах. Несмотря на пока еще сравнительно незначительный, точечный вклад общественных организаций в поддержку молодежи, нельзя недооценивать их роль в сокращении миграции из села. Развитие молодежных организаций создает дополнительный импульс для формирования привлекательной активной жизненной среды в сельских сообществах.

Перспективы дальнейшего развития и институциализации гражданских инициатив в сельских сообществах определяются сегодня разнонаправленными

факторами. Они могут тормозиться современными политико-экономическими угрозами российскому обществу, оттоком активной части сельского населения в города. Позитивное воздействие оказывает всплеск проявления гражданского сознания в России в последние годы. Итоговый вектор влияния этих факторов во многом зависит от совместных усилий органов государственной и муниципальной власти, а также бизнеса по сохранению и развитию хрупкого потенциала сельского гражданского общества, его институтов.

Особое внимание также должно быть уделено сетевому фактору влияния на миграцию сельской молодежи, прежде всего усилению выталкивающего воздействия семейно-родственных сетей, вызванного целым комплексом причин не только социально-экономического характера, но и сформированным культурным, идеологическим кодом непривлекательности сельского образа жизни.

Глава 13. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОКРАЩЕНИЮ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

13.1. Оценка результатов государственной политики по улучшению социального положения и сокращению миграции молодежи

Анализ эффектов (результативности) влияния государственной политики на миграцию сельской молодежи проведен нами по 10 документам стратегического планирования и более 25 федеральным и региональным программам, реализуемым в Алтайском крае. Мы выделили два направления оценки результативности задач и мер в рамках данных документов – улучшение социально-экономического развития сельских территорий и социального положения сельской молодежи, прямо или косвенно влияющие на сокращение миграции из села. Так, к первой группе (по социально-экономическому развитию сельских территорий) относятся, например, такие крупные задачи и меры, как снижение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития сельских территорий, выравнивание территориальной неравномерности, преодоление различий в уровне жизни и сближение его стандартов между городским и сельским населением, сохранение и развитие сельских поселений для наиболее полного использования комфортной для проживания территории, повышение качества инженерного и транспортного обустройства сельских территорий. Среди группы задач и мер по улучшению социального положения сельской молодежи наиболее значимыми, к примеру, являются задачи управления миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов и привлечения молодежи в интересах демографического и социально-экономического развития, повышения рождаемости и ценности семейного образа жизни, развития системы господдержки семей (в том числе при рождении и воспитании детей), укрепления здоровья молодежи, повышения доступности качественного образования для молодежи в соответствии

с потребностями региональной экономики и содействия трудоустройству молодых специалистов, повышение образовательной и трудовой мобильности молодежи, создание доступных механизмов «социального лифта» для социально уязвимых групп.

Обобщенная оценка эффектов по двум направлениям была получена на основе экспертных оценок руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, представителей сельского бизнеса, молодежных и других сельских общественных организаций (по результатам полустандартизированных интервью в 2011, 2013 и 2017 гг. и глубинных интервью, собранных в экспедициях 2013-2015 гг.). Кроме того, использовались результаты опросов сельского населения и представителей сельской молодежи в 2011, 2013, 2016, 2017 гг., что позволило выявить сдвиги в удовлетворенности ситуацией и происходящими на селе изменениями в социально-экономической сфере, оценках влияния деятельности органов государственного управления и местного самоуправления на решение их проблем в различных сферах жизнедеятельности.

Анализ реализации задач и мер государственной политики в целом показал, что с середины 2000-х гг. ее роль как регулятора миграции сельской молодежи в целом значительно выросла. Значимыми противовесами оттоку молодежи из села являются прежде всего меры федеральной и региональной политики, реализуемые в программах устойчивого развития сельских территорий и аграрной сферы и направленные на развитие кредитования, поддержку занятости, улучшение дорожно-транспортной сети и обеспеченности мобильной связью и Интернетом, социальное развитие села¹.

---

¹ См., например, федеральные и региональные программы: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012-2020 годы», «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013-2020 годы», «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014-2020 годы, «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае» на 2015-2017 годы, «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015-2020 годы, «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015-2020 годы, «Земский доктор» в Алтайском крае на 2012-2018 гг., «Материнский капитал» в Алтайском крае с 2007 г.

Сельские жители отмечают позитивное, хотя и точечное, низкомасштабное влияние многих программ, проектов и других инструментов государственной политики («материнского капитала», программ «Обеспечения жильем молодых семей», «Земский доктор», «Льготная ипотека для молодых учителей», грантовой поддержки начинающих предпринимателей, фермеров). Селяне в целом признают позитивные сдвиги в федеральной политике со второй половины «нулевых» по отношению к селу: это госпрограммы поддержки села, газификации, поддержка молодежи, политика импортозамещения.

Результаты количественных опросов и фокус-групп в 2015-2017 гг. выявили сравнительно неплохую информированность сельской молодежи о действии таких программ и проектов: молодежь выделяет реконструкцию школ, детских садов, спорткомплексов, стадионов и парков как значимый эффект изменений на селе вследствие воздействия инструментов государственной политики. По оценкам руководителей органов местного самоуправления и директоров предприятий¹, действие этих программ зачастую останавливало отъезд молодежи.

Между тем не удалось приблизиться к решению множества продекларированных задач, в том числе по сокращению различий между городом и селом по уровню социально-экономического развития, территориальные различия продолжают расти². Недостаточными оказались меры по повышению рождаемости на селе, напротив, репродуктивное настроение (желание и планы рождения детей) сельской молодежи за последнее десятилетие в целом снизилось, хотя в 2017 г. вновь наблюдался его рост. По опросу 2017 г. 57% сельской молодежи планировали рождение детей, не планировали – 22%, в том числе 15% всех ответивших респондентов ориентировались на полную бездетность (против 67, 15 и 9% в 2008 г. соответственно).

---

¹ Использованы данные опросов представителей местной власти и сельского бизнеса в 2013 и 2017 гг. и материалы экспедиций 2013-2015 гг.

² Подробнее см.: Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.

Данные статистики сокращения объектов сельской социальной инфраструктуры, представленные в главе 6 монографии, отчасти отражают картину проведенной на селе политики реструктуризации и так называемой оптимизации. Несмотря на точно реализуемую грантовую поддержку ремонта и реставрации школ, больниц, детских садов, клубов, стадионов, с 2008 г. произошло массовое выбытие объектов социальной сферы, часто не в соответствии с сокращением численности населения и реальными потребностями в них.

Как следствие такой политики, не удалось существенно изменить в лучшую сторону удовлетворенность молодежи ситуацией в социальной сфере. Сельская молодежь в большей мере неудовлетворительно оценивает итоговые эффекты реализации мер государственной политики по развитию объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры, по улучшению качества и доступности услуг социальной сферы. При заметном повышении удовлетворенности ситуацией в торговле и дошкольном воспитании она наиболее значительно снизилась в сферах образования, здравоохранения, ЖКХ, культуры, физкультуры и спорта, благоустройства поселений (см. рис. 6.4).

Какие дефекты в действиях государственных и местных органов власти замечают сельские жители и в том числе молодежь? Это прежде всего замедленная реакция на процессы деградации в социальном развитии села. Например, запоздалое строительство крупного медицинского центра в одном из сельских райцентров края, где теперь работает два-три врача. Кроме того, отмечается невнимание властей к мотивации молодежи жить в селе, что выражается, в частности, в низком развитии объектов молодежного досуга, медленном и точечном восстановлении спортивных объектов. В целом отмечается отсутствие комплексного подхода, а *«точечный подход дает крошечный, а иногда и отрицательный, результат»*. Например, это строительство дороги, по словам одного из экспертов, в «умершее» село в Кулундинского района Алтайского края: пока приняли решение и построили качественную дорогу в село, оно уже опустело.

По результатам опроса сельских жителей в 2013 г., к наиболее активным участникам перемен, социальным драйверам социально-экономического развития села сельские жители отнесли в первую очередь местную власть и сельскохозяйственный бизнес (60% и 23% респондентов) – рис. 13.1. Селяне убеждены, что позитивные изменения на селе зависят сегодня в первую очередь от этих акторов (60 и 23% респондентов). От государства, от региональных органов (32%) и Центра (26%) сельские жители ждут большего участия в развитии села.

В связи с этим как оценивают сельские жители действия государства и местной власти по внедрению инноваций в последние годы? Оценки действий государства преимущественно невысоки по всем сферам (от 8 до 20% «отличных» и «хороших» оценок) – рис. 13.2. Наиболее высокие оценки получены в сферах образования, здравоохранения и сельского хозяйства, а наиболее низкие (36 и 45% «плохих» оценок) – по развитию рынка труда и жилищно-коммунального хозяйства.

Рис. 13.1. Инициаторы перемен, внедрения инноваций на селе, %
(опрос сельских жителей в 2013 г.)

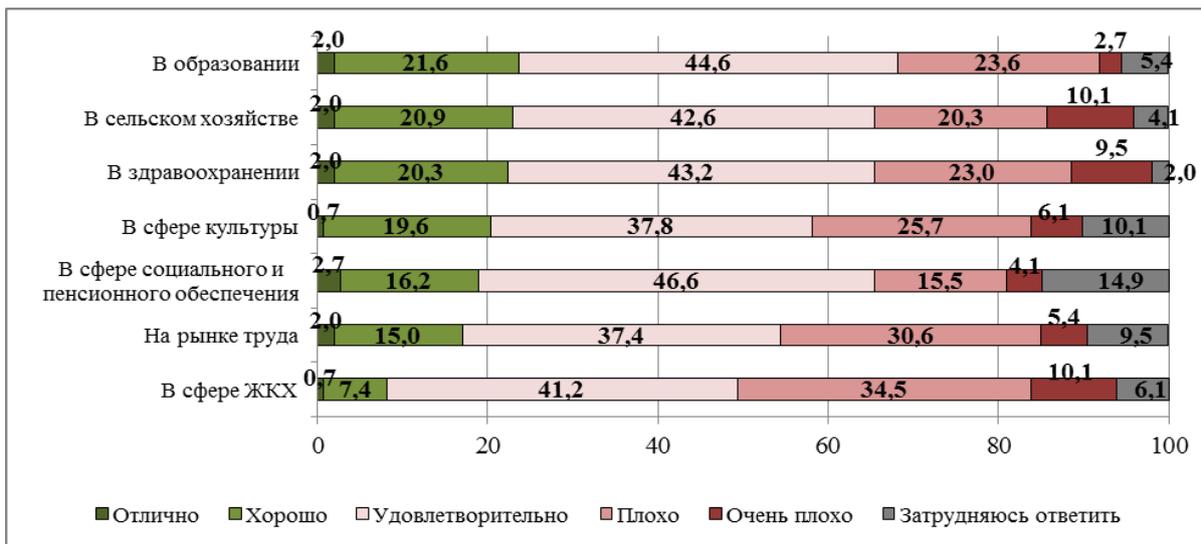

Рис. 13.2. Оценка сельскими жителями действий государства по внедрению инноваций в социальной и экономической жизни села в 2008-2013 гг., %

В сравнении с данными опросов 2008 г. эти оценки довольно значительно выросли, тогда доля высоких оценок не превышала 10%. Рейтинг оценок действий местных органов управления близок по масштабам и структуре к оценкам действий государства, но чуть более высоки оценки в сфере культуры, более низки – в здравоохранении (рис. 13.3.).

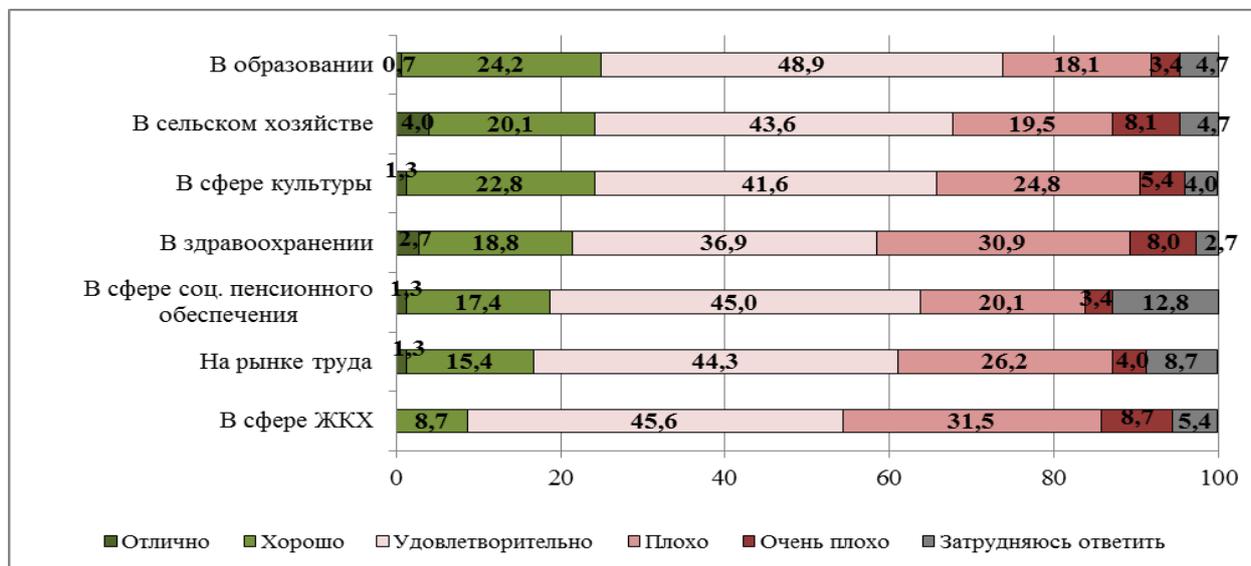

Рис. 13.3. Оценка сельскими жителями действий органов местной власти по внедрению инноваций в социальной и экономической жизни села в 2008-2013 гг., %

13.2. Оценки экспертов и сельских жителей относительно перспективных направлений социально-экономического развития села для сокращения оттока молодежи

По опросу 2017 г., представители местной власти видят корень решения проблемы миграции молодежи из села прежде всего в следующих сферах:

- *занятости*: через создание новых рабочих мест с достойной оплатой и условиями труда (93% экспертов) и расширение форм привлечения и поддержки молодых специалистов (35%);

- *благоустройства поселений* (54%);

- *улучшения жилищных условий* (43%) и жилищно-коммунального хозяйства (37%);

- *развития культуры* (46%), повышения качества услуг в сфере организации молодежного досуга и расширение доступных форм его проведения (43 и 39%);

- *развития здравоохранения*: улучшения качества медицинских услуг и повышения транспортной доступности медучреждений и специалистов (44 и 39%);

- *социальной поддержки* сельских молодых семей, в том числе семей с детьми (41%).

Среди мер по повышению уровня и качества образования, которые будут способствовать сокращению оттока молодежи, представителями местной власти, особо выделяются поддержка талантливой молодежи в получении образования (37%) и повышение транспортной доступности и качества учреждений школьного образования (28%). Значительно меньше тех, кто подчеркивает необходимость повышения доступности и качества учреждений дошкольного образования (15%) и профобразования (11%). И почти не поддерживается экспертами направление развития в сельской местности дистанционных форм обучения в высших учебных заведениях (6%) как мера по сдерживанию миграции из села.

Три четверти опрошенных нами в 2017 г. сельских предпринимателей единодушны в том, что корень решения проблем миграции молодежи связан в первую очередь с ее занятостью, созданием новых рабочих мест с достойной оплатой и условиями труда. В частности, каждый третий представитель сельского бизнеса говорит о необходимости расширения различных форм привлечения и поддержки молодых специалистов. Вместе с тем важнейшими задачами по сокращению миграции молодежи являются улучшение ее жизнедеятельности, в том числе повышение качества и транспортной доступности медицинских услуг на селе (так считает большинство экспертов), улучшение жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства поселений (около половины), развитие сферы культуры, физкультуры и спорта через расширение доступных форм проведения молодежного досуга, улучшение качества услуг его организации, развитие бытового обслуживания (почти каждый третий), повышение доступности и качества учреждений дошкольного образования (каждый шестой).

Особую роль в сокращении миграции молодежи, по мнению каждого третьего опрошенного предпринимателя, играет улучшение системы социальной поддержки молодых сельских семей, семей с детьми, их жилищных условий. Перспективным направлением в решении миграционной проблемы является также поддержка талантливой молодежи в получении образования, развитие дистанционных форм обучения в высших учебных заведениях, повышение транспортной доступности и качества школьного образования и учреждений профобразования. Одним из важных направлений должна стать также более активная борьба с алкоголизмом, наркоманией и преступностью на селе.

Оценки сельской молодежи согласуются с оценками экспертов, в частности в том, что занятость и образование являются важнейшими факторами решения проблем оттока молодежи из села. Так, каждый третий опрошенный в 2017 г. молодой селянин обратил особое внимание на необходимость поддержки талантливой молодежи в получении образования, каждый четвертый и пятый – на повышение транспортной доступности и качества учреждений школьного и профессионального (начального и среднего). Каждый восьмой ре-

спондент отметил необходимость развития дистанционных форм обучения в высших учебных заведениях.

По опросам 2016 и 2017 гг., оценки молодых селян относительно ключевых факторов или необходимых условий, которые в будущем могут повлиять на сокращение миграционного оттока сельской молодежи Алтайского края, значительно совпадают, что говорит об устойчивости результатов исследований. Так, по опросу 2016 г., среди таких факторов-условий лидирует (со значительным отрывом) решение проблем занятости молодежи на селе (66% опрошенных) – рис. 13.4. В первую пятерку вошли также меры по борьбе с бедностью и низким уровнем доходов молодежи (43%), улучшению жилищных условий (42%), развитию системы поддержки молодых сельских семей (41%). Большую актуальность имела также политика улучшения ситуации в отраслях социальной сферы в местах проживания (33%).

Рис. 13.4. Необходимые условия сокращения миграционного оттока сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опроса сельской молодежи в 2016 г.)

Оценки экспертов и сельской молодежи, полученные в 2017 г., во многом коррелируют с результатами более ранних опросов сельских жителей. Так, по опросу сельских жителей в 2013 г., способствовать позитивным изменениям в развитии села будет в первую очередь создание новых рабочих мест (так считали почти $\frac{3}{4}$ респондентов) и решение проблем в социальной сфере (в области социальной поддержки, обеспеченности жильем, образования, здравоохранения, культуры, 27-45% респондентов) – рис. 13.5.

Рис. 13.5. Факторы прожективных позитивных перемен в социально-экономическом развитии села (*«Что будет способствовать позитивным изменениям в социально-экономическом развитии села?»*), по мнению сельских жителей в 2013 г., %

13.3. Предложения по совершенствованию государственной политики в области регулирования миграционных процессов в регионе и сокращения миграции сельской молодежи

Приоритетные направления миграционной политики в регионе.

По нашему мнению, для преодоления миграционной убыли населения в крае, нейтрализации или хотя бы ослабления миграционных угроз следует учитывать то, что в ближайшей перспективе миграция будет являться единственно возможным источником увеличения трудового потенциала региона. Учитывая это обстоятельство, необходимо:

- определить роль и место современных миграций в развитии Алтайского края, ответить на вопросы о количестве и качестве требуемых региону мигрантов и механизмах ограничения притока нежелательных мигрантов. Важное внимание стоит уделить образовательной миграции как наиболее результативному инструменту привлечения и закрепления в регионе наиболее молодых, энергичных и образованных переселенцев¹;

- создать социально-экономические и правовые условия для снижения миграционной убыли населения в крае и закрепления молодежи, оптимизации внутрикраевых миграционных потоков и привлечения в село квалифицированных рабочих, менеджеров и специалистов; расширить финансовую помощь семьям переселенцев; ключевым направлением в политике регулирования миграций должно стать создание условий для повышения активности мигрантов в обеспечении своей занятости и строительстве жилья посредством выделения им земельных участков, льготных кредитов, строительных материалов и т.д.;

- усилить связи с финансово благополучными северо-восточными регионами страны по перераспределению на Алтай не востребованного там населения; создать в крае благоприятную среду для проживания газовиков и нефтяников, занятых вахтовым методом, лечения и отдыха других групп населения,

---

¹ Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический потенциал Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. акад. РАН В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. Гл. 5. С. 53-95.

предоставлять для этих целей земельные участки и использовать местные строительные мощности;

- наметить комплекс экономических, организационных и правовых мер, нацеленных на адаптацию мигрантов в регионе, распространить на них нормы трудового права, социального обеспечения и сбора налогов; разработать программы интеграции мигрантов в территориальные сообщества, предусмотрев в них создание центров социально-психологической поддержки мигрантов, их обучения русскому языку и основам трудового и миграционного права РФ, расширение межкультурных связей с широким использованием общественных механизмов;

- подписать двусторонние соглашения с соседними странами, направленные на упорядочение миграционных потоков, определение правил пересечения границ, открытие совместных пунктов пограничного и таможенного контроля, обмениваться информацией о ситуации в сфере занятости и образования, нарушителях федеральных и региональных законов и т.п.;

- создать законодательную базу и социально-экономические условия для деятельности трудовых мигрантов с целью уменьшить злоупотребления со стороны мигрантов, работодателей и государственных структур; положительное влияние на снижение незаконных трудовых миграций могло бы оказать использование механизмов государственно-частного партнерства, в том числе создание при региональных отделениях РСПП аккредитованных саморегулируемых организаций, осуществляющих набор, перемещение, трудоустройство и жилищно-бытовое обслуживание мигрантов и несущих солидарную ответственность за соблюдение законов в данной сфере; открытие в странах потенциальных мигрантов служб по организованному набору граждан этих стран на работу и профессиональное обучение в регионе¹.

---

¹ Курцер М. Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 11-12.

В условиях нарастающих угроз со стороны международных террористических организаций особое внимание необходимо уделять вопросам контроля за миграционными потоками, в приграничных территориях¹.

Для совершенствования государственной политики в области регулирования миграции, способствующих укреплению демографического потенциала сельских территорий и сокращению оттока молодежи из села, нами предлагаются также следующие меры.

1. Повышение открытости данных о миграции населения.

Повышение доступности информации о реальной миграционной ситуации позволяет скоординировать усилия органов исполнительной и законодательной власти, местного самоуправления, служб занятости, рекрутинговых фирм, крупных работодателей, НКО, учебных заведений, СМИ, научно-исследовательских институтов, что потенциально ведет к повышению качества социально-экономической среды, более полному учету потребностей населения и демографической нагрузки на социальную инфраструктуру².

2. Повышение пространственной мобильности населения через совершенствование транспортного сообщения.

Это позволяет эффективнее организовать работу органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий и учреждений организаций по созданию условий повышения мобильности трудовых ресурсов, в том числе:

- координировать трудовую миграцию и привлекать трудовые ресурсы в испытывающие в них потребность регионов, в том числе для реализации крупных инвестиционных проектов;

- создать механизмы поддержки работодателей, проводящих активные меры по привлечению граждан к трудовой деятельности;

---

¹ Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.

² Концепция мониторинга миграционных процессов в Свердловской области // Межкультурный диалог. Электрон. дан. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tolz.ru/library/?id=35>.

- содействовать экономическому развитию регионов, в том числе развитию рынка арендного жилья, транспортной инфраструктуры;

- обеспечить преимущества в трудоустройстве граждан Российской Федерации.

Совершенствование транспортного сообщения будет способствовать укреплению и развитию внутриэкономических связей региона, увеличению конкурентоспособности периферии региона по отношению к центру, созданию дополнительных рабочих мест, улучшению демографической ситуации региона за счет увеличения мобильности граждан и возможности поиска работы в малой и средней удаленности от мест проживания. Как следствие, повысится экономическая связанность территорий региона.

Реализация данной модели на практике в России осуществляется через программы по совершенствованию транспортного сообщения в субъектах РФ. Так, в октябре 2015 г. в Новосибирской области был утвержден «Комплексный план транспортного обслуживания населения Новосибирской области на средне- и долгосрочную перспективу (до 2030 года) в части пригородных пассажирских перевозок», в Свердловской области принята государственная программа «Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий Свердловской области до 2022 года».

Постановлением Администрации Алтайского края от 16.10.2014 № 479 утверждена государственная программа «Развитие транспортной системы Алтайского края» на 2015-2020 гг. Основной целью данной программы служит повышение доступности транспортных услуг для населения и устойчивое функционирование транспортной системы края. Среди предполагаемых итогов реализации Программы к 2020 г. следующие:

- обеспеченность дорогами общего пользования на 1 тыс. км² площади составит 95,84 км;

- удельный вес населенных пунктов, не имеющих дорог с твердым покрытием до сети автомобильных дорог общего пользования, составит 13,9%;

- доля региональных дорог, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности региональных дорог составит 50,4%.

Косвенными результатами Программы станут высокая внутрирегиональная и внутримunicipальная мобильность граждан, возможность контролировать и направлять миграционные потоки, развивать инфраструктуру вдоль крупных и средних магистралей.

3. Развитие внутрирегиональной системы селективной трудовой миграции.

Зачастую сельские населенные пункты и малые города нуждаются не в большом количестве рабочих рук, а в отдельных высококвалифицированных специалистах (врачах, учителях, агрономах, технологах и так далее). В этих условиях лучшим решением выступает организация селективной трудовой миграции – создание условий для переезда специалистов нужного профиля. В Российской Федерации, как правило, применяются меры перераспределения населения между регионами, редко – внутри отдельных субъектов. Опыт реализации таких мер может быть использован для управления внутрирегиональной миграцией не только в рамках точечного, разового обеспечения сельских территорий высококвалифицированными кадрами (например, врачами, учителями), но сформировать систему по селективному обеспечению трудовыми ресурсами. Реализация данных мер позволяет обеспечить населенные пункты специалистами нужного профиля, сохранив тем самым условия оказания значимых для населения социальных услуг.

4. Совершенствование информационного и организационного сопровождения процессов внутрирегиональной миграции.

Среди мер, необходимых для регулирования внутренней миграции российских граждан, можно назвать развитие государственных и негосударственных консультационно-информационных услуг для мигрантов, приезжающих в сельскую местность, по предоставлению сведений о возможностях их трудоустройства в селах, по оказанию конкретной помощи в поиске рабочих мест, по информированию о возможностях аренды жилья, получения профессио-

нального образования. Нужна также организация свободного доступа к банкам данных о реальных вакансиях в различных сферах, ориентированных на приоритетный поиск трудоустройства по кольцевому равноудаленному принципу. Такие услуги будут востребованы также молодежью после завершения их обучения в колледжах и вузах в городах. Четкое и управляемое сопровождение внутренней миграции способствует как привлечению мигрантов в сельскую местность региона, так и закреплению сельского населения в местах проживания.

5. Совершенствование системы управления внутрорегиональной образовательной миграцией.

Образовательная миграция из малых сельских населенных пунктов в крупные города в большинстве случаев является невозвратной. В связи с этим особое значение приобретает координация профориентационной работы вузов и сельских школ, сельских центров занятости региона. В условиях роста конкурентной борьбы вузов за абитуриента важно, чтобы все указанные структуры эффективно взаимодействовали в профориентационной работе с сельскими школьниками. Так, помимо ставших традиционными «дней открытых дверей» для старшеклассников необходимо более активно проводить на базе вузов ознакомительные экскурсии и олимпиады для младших школьников, зимние школы. Сайты вузов должны соответствовать информационно-коммуникационным потребностям молодежи и обеспечивать полноту представления сведений об условиях обучения, проживания и возможностях последующего трудоустройства выпускников. В России основным инструментом, мотивирующим молодых людей остаться в пределах родного региона, а тем более в сельской местности, служат информационно-пропагандистские и экономические методы. К последним относятся, как правило, гранты, губернаторские стипендии. Развитие такой модели поддержки образования и занятости позволит сохранить молодежь в сельских территориях, на сельском рынке труда.

Предложения по совершенствованию государственной политики в рамках модернизации сельской экономики и социальной сферы, устой-

чивого развития сельских территорий и пространственного развития России. В государственной политике особое внимание должно быть уделено поддержке сельской молодежи как важнейшего ресурса инновационного развития села¹. В условиях активного сокращения молодежи в структуре сельского населения, сохранения ее значительного миграционного потенциала необходимо учитывать неоднозначные последствия модернизации сельского хозяйства, внедрения агротехнологических инноваций: последние срабатывают как на притяжение, так и на выталкивание из села молодых специалистов.

Если кардинально не менять ситуацию, в настоящее время наиболее вероятен инерционный сценарий пространственного развития сельских территорий и миграции сельской молодежи. Этот сценарий связывается учеными и экспертами-практиками с прогрессирующей территориальной социально-экономической дифференциацией, точечным ростом больших сел и постепенным опустением малых². К последствиям таких процессов относится формирование более крупноселенной системы расселения, поскольку дисперсность поселений не требуется для высокотехнологичного сельского хозяйства, а большинство небольших деревень, особенно удаленных от городов и крупных сел («мелкая периферия»), не выдержат конкуренции по комфортности проживания и созданию высокотехнологичных рабочих мест.

Приоритет пространственного развития страны предполагает, на наш взгляд, актуализацию концептуального подхода к пространственному развитию сельских территорий с акцентом либо на выравнивание, либо на поддержку растущих центров деловой активности, либо на развитие опорных сельских населенных пунктов. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет являться важным резервом увеличения демографического потенциала алтайского села и единственным источником пополнения его трудового потенци-

---

¹ Подробнее см. в главах 7-9 монографии.

² Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М., 2010. – С. 128-145.

ала. Для того чтобы получить значительный эффект от государственной политики развития села и решения проблем закрепления молодежи на селе, необходимо провести инвентаризацию множества уже действующих программ по поддержке территорий и сельской молодежи¹ на предмет их непротиворечивости, масштабности и системности влияния.

Обобщив результаты проведенных исследований и принимая во внимание приоритетность пространственного развития страны и устойчивого развития сельских территорий, мы пришли к выводу, что позитивные сдвиги в миграционном поведении сельской молодежи можно ожидать только при условии создания привлекательных высокотехнологичных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе с учетом интересов молодежи. Для того чтобы повысить заинтересованность молодых людей жить и работать в селе, следует расширить профориентационную работу с сельской молодежью, повысить доступность получения профобразования, усилить экономическое и моральное стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, значительно увеличить масштабы финансово-экономической поддержки занятости и предпринимательства среди молодежи (речь идет, например, об увеличении грантовой поддержки начинающих фермеров)². Нужно развивать села с учетом интересов молодежи, сохраняя ключевые объекты жизнедеятельности и развивая современные средства связи, досу-

---

¹ Всего более 30 программ, среди них: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012-2020 годы», «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013-2020 годы», «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015-2020 годы, «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014-2020 годы, «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015-2020 годы, «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015-2020 годы, «Развитие образования и молодежной политики в Алтайском крае» на 2014-2020 годы, «Создание новых мест в общеобразовательных организациях в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными условиями обучения в Алтайском крае» на 2016-2025 годы, «Развитие здравоохранения в Алтайском крае» до 2020 года, «Развитие культуры Алтайского края» на 2015-2020 годы, «Развитие физической культуры и спорта в Алтайском крае» на 2014-2020 годы, «Социальная поддержка граждан» на 2014-2020 годы. Перечень действующих государственных программ представлен на сайте Министерства экономического развития Алтайского края [Электронный ресурс]. – URL: http://www.econom22.ru/prognoz/program/reg_programms/gos_programms/index.php.

² Выводы получены с использованием результатов опросов сельского населения и экспертов (представителей местной власти и бизнеса) в 2002, 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг., материалов экспедиций 2013-2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

гово-спортивную инфраструктуру, активнее поддерживать молодые семьи с детьми в приобретении жилья.

Для развития эффективной системы расселения и обслуживания сельских территорий, возможно, потребуется формирование многофункциональных центров социального обслуживания с целью сохранения небольших сельских населенных пунктов, имеющих особое значение для пространственного развития региона и страны. Это позволит, не проводя дискриминационную политику экономической оптимизации и учитывая исторический опыт полученных дефектов от политики расселения на основе деления сел на перспективные и неперспективные в 1970-х гг. в Советском Союзе, не столько сократить неэффективные расходы на содержание малокомплектных объектов социального назначения, сколько сформировать более эффективные и динамично развивающиеся центры социального обслуживания, привлекательные для сельской молодежи. Даже в кризисных условиях для устойчивого развития сельских территорий в государственной политике должен формироваться акцент на сохранении в сельских поселениях инфраструктурного ядра социальной сферы, обеспечении доступности базовых социальных услуг (здравоохранения, образования, культурно-досуговой сферы) и стимулировании сельского бизнеса и общественных структур, участвующих в социальной поддержке села.

С этой целью необходимо провести комплексную оценку социально-экономического развития сельских населенных пунктов. На основании полученной оценки необходимо проводить дифференцированную государственную политику по оказанию поддержки и содействию развитию социальной инфраструктуры в первую очередь в поселениях, перспективных для проживания сельской молодежи и для решения задач устойчивого развития сельских территорий и пространственного развития страны. При реализации данной государственной и муниципальной политики необходимо учесть опыт Казахстана, полученный конечный эффект и возможные дефекты от проведения в этой стране политики развития сельских территорий. В 2003 г. была утверждена Государственная программа развития сельских территорий Республики Казах-

стан на 2004-2010 гг. В отношении внутрирегиональной миграции, в том числе управления миграционными потоками сельского населения, программа предусматривала следующие шаги:

- прогноз объемов миграционных потоков сельского населения;
- проведение учета имеющихся земель запаса в разрезе населенных пунктов, анализ их состояния, разработка механизмов выделения сельскохозяйственных угодий для внутренних переселенцев;
- прогноз занятости в городах, поселках, сельской местности на объектах промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства, сферы социальных и инфраструктурных услуг в разрезе административно-территориального деления;
- создание стимулов для переселения граждан, предоставление государственных гарантий и льгот, субсидий и компенсаций;
- расчет необходимых финансовых затрат на переселение и обустройство мигрантов на основе утвержденных нормативов на одного переселенца или его семью;
- разработка оптимальных схем миграционных потоков, основанных на минимизации затрат на переселение, определение перечня СНП, поселков городского типа, малых городов и городов, рекомендуемых к приему дополнительного населения, и сбалансированности их с возможностями бюджетных ресурсов.

Большое значение для развития муниципальных образований имеет снижение уровня поляризации и более равномерное развитие социально-экономического пространства региона, создание сильных опорных каркасов расселения и обслуживания населения сельских территорий. Следует исключить риски возникновения больших малонаселенных пространств. Для решения этой проблемы можно использовать опыт Республики Казахстан в области содействия развитию сети опорных поселений, располагающих базовым комплексом учреждений и наличием рабочих мест.

В Республике Казахстан, наряду с программой по развитию моногородов, до последнего времени реализовывалась программа развития опорных сел. Комплексное развитие опорных сел направлено на обеспечение целевой продуктивной занятости в сельских населенных пунктах с высоким и средним потенциалом социально-экономического развития за счет концентрации мер государственной поддержки. Опорный сельский населенный пункт (ОСНП) – это благоустроенный сельский населенный пункт, в котором создается производственная и социальная инфраструктура для обеспечения необходимых социальных стандартов проживающему в нем населению и жителям прилегающих территорий. Согласно Методике определения опорных сельских населенных пунктов, к последним относятся населенные пункты, являющиеся центрами сельских округов, селами и поселками, не входящие в состав сельского округа, имеющие высокий или средний потенциал социально-экономического развития, расположенные в радиусе не менее 20 км от города или районного центра, с численностью населения не менее среднеарифметического показателя района среди центров сельских округов, сел и поселков, не входящих в состав сельского округа.

При определении таких ОСНП учитываются преимущественно центральное расположение в системе населенных пунктов и оптимальный радиус охвата группы населенных пунктов, преимущественно базовое предприятие (крупное сельскохозяйственное производство и другие), преимущественно приграничное расположение, расстояние от другого ОСНП не менее 50 км, развитая социальная и инженерная инфраструктура, территория для перспективного развития и застройки (наличие свободных земель, отсутствие ограничивающих факторов), транспортная доступность в отношении рынков сбыта, благоприятная экологическая ситуация.

В соответствии с разработанной методикой местные исполнительные органы по согласованию с центральным уполномоченным органом по вопросам регионального развития и оператором Программы определяют перечень опорных сельских населенных пунктов. Опорными становятся сельские населенные

пункты, которые имеют экономический и трудовой потенциал для их комплексного развития, где реализуются приоритетные проекты в рамках государственных, отраслевых программ и программ развития территорий, либо которые являются центрами притяжения наукоемких технологий, передовых производств, научно-образовательных, культурно-досуговых и финансово-посреднических услуг и требуют развития социальной и инженерной инфраструктуры.

Повышение кадрового потенциала опорных сел предусматривает государственную поддержку специалистов социальной сферы и агропромышленного комплекса, прибывших для работы и проживания в сельской местности, в виде выплаты подъемного пособия и обеспечения жильем. В результате происходит сглаживание неравномерности социально-экономического пространства, содействие трудоустройству и реализации иных потребностей населения, устранение «выталкивающих» факторов миграционного поведения.

Предложения по совершенствованию государственной политики в области улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции. Исходя из вышесказанного, а также опираясь на полученные результаты комплексного анализа социального положения и активности сельской молодежи, приоритетами государственной политики должны стать дальнейшее стимулирование ее активности и дифференцированная социальная поддержка с учетом территориальных, демографических и других характеристик ее положения, в том числе:

- развитие профориентации, повышение доступности и стимулирования получения профессионального образования;

- целевое обучение и социальная поддержка молодых специалистов, закрепление молодых специалистов в различных отраслях сельской экономики, внедрение системы муниципального заказа на подготовку кадров с учетом потребностей локальных рынков труда;

- содействие в трудоустройстве выпускников вузов по получаемым специальностям, безработной молодежи, стимулирование работодателей в трудо-

устройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, развитие молодежного предпринимательства;

- поддержка развития социальной инфраструктуры с учетом территориальных различий и интересов молодежи;

- социальная поддержка молодых сельских семей с детьми, содействие занятости молодых сельских женщин с маленькими детьми, поддержка в строительстве или приобретении жилья в местах постоянного проживания.

Дополнительный эффект могут дать меры по формированию ценностей сельского образа жизни среди молодежи с помощью культурно-образовательных учреждений и общественных организаций, а также информационной поддержки со стороны СМИ (в том числе интернет-СМИ) путем использования современных методов пропаганды привлекательности жизни на селе и информирования населения об успешных проектах сельской молодежи. В этом отношении позитивный результат может дать формирование и реализация государственной программы создания сети сельских корреспондентов, их грантовой поддержки, с предложением о принятии которой Российский Союз журналистов обратился к Президенту РФ.

* * *

Итак, анализ результативности государственной политики, реализуемой в Алтайском крае, позволил выявить усиление ее влияния как ингибитора миграции сельской молодежи за последние десять лет. Вместе с тем результаты опросов сельского населения, в том числе молодежи, свидетельствуют о ее низкой удовлетворенности ситуацией и изменениями в социально-экономической сфере села. Налицо также картина активного сокращения ядра социальной инфраструктуры, формирующей основу микросоциальной среды жизнедеятельности молодежи.

Необходимо понимать, что решение проблем сокращения миграции сельской молодежи осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мо-

бильности, улучшения положения сельской молодежи часто именно те, кто получает помощь, при удобном случае уезжает из села. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельской молодежи явно недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах «Земский доктор» или «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае»).

Учитывая вышесказанное, авторами разработан комплекс предложений по совершенствованию государственной политики по сокращению миграции сельской молодежи, который не ограничивается лишь мерами миграционной политики в регионе и улучшения отдельных составляющих социального положения сельской молодежи, а направлен на широкий спектр различных направлений политики, связанных с модернизацией сельской экономики и социальной сферы, устойчивым развитием сельских территорий и пространственным развитием России. Политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, на развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом пока еще живых практик самого сельского сообщества и в целом на создании комплекса жизненных условий с учетом интересов молодежи, на формирование привлекательности сельского образа жизни. Особое внимание нужно уделить поддержке очень тонкого, активно вымывающегося слоя сельской молодежи с ценностями традиционного сельского сообщества, на создание для них эффективных «социальных лифтов», направленных на закрепление проживания на селе. По опросу 2017 г. доля сельской молодежи, настроенной жить и работать в сельской местности составила 37%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ динамики, факторов формирования и механизмов сокращения миграции сельской молодежи в Алтайском крае позволил получить следующие основные результаты и выводы.

1. Сформированы теоретико-методологические основы исследования миграции сельской молодежи на основе комплексного анализа изменения ее социального положения и активности (глава 1).

Дано представление о социальном положении сельской молодежи как территориально-демографической группы и его изменении.

Комплексное измерение социального положения и активности сельской молодежи, положенное в основу исследования ее миграции, осуществляется с использованием социоструктурного и стратификационного подходов, а также деятельностно-активистского подхода. В рамках социоструктурного и стратификационного подходов мы опираемся на теории социальной стратификации и социальной мобильности П. Сорокина, концепции экономико-социологической структуры общества и социально-территориальной структуры общества, разработанные исследователями новосибирской экономико-социологической школы (Т. Заславская, Р. Рывкина, Е. Горяченко и др.). В рамках деятельностно-активистского подхода на теорию социального действия М. Вебера и типологию функциональных стратегий трансформационного поведения социальных акторов Т. Заславской.

В основу представления о сельской молодежи как территориально-демографической группе положены фундаментальные выводы ученых в области социологии молодежи (М. Карманов, П. Смелов, Е. Егорова и др.), а также концепции экономико-социологической и социально-территориальной структуры общества Новосибирской экономико-социологической школы (Т. Заславская, Р. Рывкина, Е. Горяченко и др.). В соответствии с задачами нашего исследования сельская молодежь идентифицируется на пересечении демографической и социально-территориальной структур как часть территориальной группы

сельского населения в возрасте 16-29 лет, рассматриваемая в совокупности с микросоциальной средой ее жизнедеятельности.

Социальное положение сельской молодежи представляет собой совокупность характеристик, определяющих ее место в социальной структуре общества и отражающих комплекс социальных различий как результата внутренней и внешней дифференциации позиций группы по различным критериям, в том числе по отношению к другим территориально-демографическим группам. Специфика исследования социального положения сельской молодежи как территориально-демографической группы проявляется в необходимости анализа ее социальных позиций в демографической и социально-территориальной структурах через соответствующий набор характеристик, а также в определении иных характеристик положения, отражающих проецирование других структур (профессионально-должностной, социально-трудовой и семейно-хозяйственной) на группообразующие для сельской молодежи. Первичные характеристики социального положения сельской молодежи (территориальные и демографические) признаны равнозначными по отношению друг к другу, остальные рассматриваются сквозь призму первичных. Собрав их воедино, можно сформировать комплексное представление о социальном положении сельской молодежи как территориально-демографической группы.

Изменение социального положения сельской молодежи определено через совокупность количественных сдвигов территориальных, демографических и прочих его характеристик, а также различий:

- внутригрупповых: между группами сельской молодежи, различающиеся по полу, возрасту, образованию, материальному положению, миграционным установкам и др.;

- межгрупповых: с сельским населением более старшего трудоспособного возраста и городской молодежью, являющимися территориально-демографическими группами, сопряженными с сельской молодежью.

Если такие различия имеют иерархический характер, соответствующий вид изменения социального положения группы является ее социальной мобильностью.

Сформировано представление о миграции сельской молодежи, выявлены ключевые теории и концепции, методологические подходы к исследованию миграции сельской молодежи.

Данное представление разработано на основе теоретических положений, исследования сельско-городской миграции Т. Заславской, теории трехстадийности миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского, а также ряда фундаментальных выводов российских и зарубежных ученых (Т. Нефедовой, F. Cartmel, A. Furlong, S. Pavis, S. Platt, G. Hubbard и др.) о практиках поведения мигрантов и особенностях влияния миграционных процессов на пространственное развитие страны.

Миграционное поведение молодежи является одной из стратегий реализации ее жизненных планов, представляет собой систему определенных действий, направленных на достижение конкретных целей, которые укладываются в жизненные планы. Миграционная активность сельской молодежи представляет собой особый вид ее территориальной активности, канал изменения положения данной территориально-демографической группы.

Для социологического анализа миграционных установок и миграционного поведения сельской молодежи целесообразно использование позитивистского, ценностного и деятельностно-активистского интерпретативного, сетевого и институционального подходов.

В рамках позитивистского подхода мы опираемся на известную концепцию pull/push (притяжения-выталкивания) (Г. Джером, Е. Ли). Актуальным в нашем случае является также использование ценностного и деятельностно-активистского подходов с применением теории социального действия М. Вебера и концепции социального поведения Т. Парсонса при оценке влияния ценностей и других субъективных факторов на миграционное поведение сельской

молодежи, описании его различных моделей как проявлений социального поведения.

На основе интерпретативного подхода полезным в исследовании миграции сельской молодежи является использование концепции социального капитала П. Бурдьё для оценки влияния миграционной системы связей. Концепции моральной экономики Дж. Скотта и теории социального капитала (П. Бурдьё, Р. Патнэма), корни которых связаны с институциональным и сетевым подходами, позволяют объяснить природу практик поддержки сельской молодежи со стороны сельского сообщества, его отдельных групп, акторов (сельского бизнеса, местных властей, общественных организаций).

Эффект применения институционального подхода очевиден, на наш взгляд, также при исследовании воздействия на миграцию сельской молодежи такого регулятора, как государственная политика.

2. Разработана методика исследования динамики и перспектив миграции сельской молодежи аграрного региона на основе комплексного анализа изменения ее социального положения и активности, оценки влияния государственной политики и других механизмов, определяющих миграционные установки и поведение сельской молодежи (глава 2).

Комплексное исследование динамики и механизмов миграционного поведения сельской молодежи предполагает:

- дифференцированный и сравнительный анализ миграционных установок и практик миграционного поведения данной группы и сопряженных с нею территориально-демографических групп (сельского населения более старшего трудоспособного возраста и городской молодежи), изменений социального положения и активности сельской молодежи в сравнении с данными группами;
- выявление совокупности его ключевых факторов-условий, а также оценка влияния регуляторов (механизмов) формирования миграции сельской молодежи.

Среди последних нами выделяется государственная политика, поддержка сельского бизнеса и общественных организаций, семейно-родственных и дру-

гих сетей сельского сообщества. Государственная политика по улучшению социального положения сельской молодежи региона и сокращению ее миграции из села рассматривается нами прежде всего как совокупность практик федеральных и региональных органов государственной власти по организации прогрессивных изменений территориальных, демографических и других характеристик положения данной территориально-демографической группы, влияющих в конечном счете на сокращение ее миграции.

Особое значение имеет также анализ комплекса демографических и социально-экономических особенностей развития региона и его сельских территорий, формирующих общий фон для формирования миграции сельской молодежи. Такой анализ предполагает выявление долговременных трендов и современной специфики, очагов территориальной напряженности, а также прогнозирование перспективных изменений.

Методика исследования динамики и механизмов миграционного поведения сельской молодежи аграрного региона включает систему индикаторов, количественных и качественных методов сбора и анализа социологической, статистической и нормативно-правовой информации, а также инструментарий выборочных опросов сельской молодежи и других групп сельского населения трудоспособного возраста, полустандартизированных и глубинных экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса и общественных организаций, глубинных и фокус-групповых опросов сельской молодежи. В частности, для реализации цели и задач исследования на основе данной методики в 2017 г. разработан инструментарий и проведены квотные выборочные опросы сельской молодежи (в том числе переехавшей в город) и более старшего сельского населения трудоспособного возраста, полустандартизированные и глубинные опросы экспертов-представителей местной власти и сельского бизнеса, глубинных и фокус-групповых опросов сельской молодежи.

Методика триангуляции позволяет осуществить совместное использование информации из различных источников (данных социологических опросов, статистики, материалов СМИ и др.), а также различных, адекватных задачам

исследования методов ее сбора и анализа, что дает возможность получить наиболее полные и достоверные знания о масштабах и динамике миграции сельской молодежи, факторах ее формирования и механизмах сокращения.

3. Дана характеристика демографических процессов в Алтайском крае на фоне России и Сибирского округа (глава 3).

Население Алтайского края отличается повышенной долей сельского населения, более старой его возрастной структурой и значительными диспропорциями в пространственном распределении. На начало 2018 г. число сельских жителей в крае в расчете на 1000 горожан составляло 772 человека, в то время как в Российской Федерации – 343, а в Сибирском федеральном округе – 368. Динамика изменения численности сельского населения свидетельствует о более быстрых темпах урбанизации Алтайского края, чем России и СФО.

В регионе более интенсивно происходят процессы старения населения, особенно в сельской местности. Возрастная структура населения края за период с середины 1990-х гг. перешла из прогрессивной в регрессивную вследствие превышения доли лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения над долей лиц моложе трудоспособного возраста. Средний возраст жителей края – 40,3 года – на 0,5 и 2 года превышает среднероссийский и среднесибирский показатели (соответственно). Негативным проявлением старения населения является рост демографической нагрузки на трудоспособное население. Коэффициент демографической нагрузки в городах составлял 744 нетрудоспособных на 1 тысячу трудоспособных, а в сельской местности – 970. На общем негативном фоне выделяются Немецкий национальный и Табунский районы с прогрессивной возрастной структурой населения, повышенной долей детей и лиц трудоспособного возраста и более низкой долей стариков.

Начиная с 1996 г. в Алтайском крае наблюдается устойчивое сокращение численности населения. Регион относится к территориям Российской Федерации, численность населения в которых сокращается вследствие естественной убыли и миграционного оттока. На протяжении всего анализируемого периода смертность населения превышает его рождаемость, при этом периоды их паде-

ния и роста неоднократно сменяли друг друга. В динамике смертности, начиная с 2003 г., прослеживается устойчивая тенденция ее снижения, последнее же повышение рождаемости отмечалось с 2007 по 2012 гг. В современных условиях естественная убыль населения Алтайского края увеличивается в связи со снижением рождаемости в силу сокращения численности потенциальных матерей и повозрастных коэффициентов рождаемости и недостаточными темпами снижения смертности.

По территории Алтайского края население распределено неравномерно, около 75% его сконцентрировано в городах и районах, к ним прилегающим. Сельские муниципальные районы существенно различаются по плотности населения.

4. Дана оценка современных миграционных процессов в Алтайском крае и перспектив их развития (глава 4).

Наряду с естественным приростом, другой детерминантой изменения численности населения в регионе является миграция. Миграционный прирост населения Алтайского края увеличивался лишь в 1990-1994 гг. и являлся главным источником сохранения демографического потенциала региона. Затем он начал уменьшаться, а в 2001 г. сменился на миграционную убыль, которая фиксируется и по сей день, в отличие от общероссийских тенденций. По коэффициенту миграционного прироста, характеризующему результативность внешних миграционных связей региона и его привлекательность для населения, в начале 1990-х гг. край лидировал в Сибири и России, однако сегодня он уступает большинству сибирских регионов. Начиная с 2011 г. доля миграции в общей убыли населения превышала 50%, а в отдельные годы поднималась до 70-80%.

Выгоды и потери от миграции неравномерно распределялись между городскими и сельскими поселениями. Города имели миграционный прирост в международных миграциях и, как правило, в обмене населением с селом. Во внутривосрийских миграциях для городов характерен неустойчивый баланс, в основном миграционная убыль. Сельские поселения отличались миграцион-

ным приростом населения в международных миграциях (до 2017 г.) и миграционной убылью в межрегиональном и внутрикраевом обмене (за исключением нескольких лет).

Относительно высокая миграционная убыль населения в Алтайском крае говорит о его низкой конкурентоспособности и скрывает в себе ряд угроз как для национальной безопасности России, так и для устойчивого развития региона. Отток населения может привести к обезлюдению больших территорий и потере социального контроля над ними, усилению миграционного давления на край со стороны перенаселенных азиатских стран и его заселению иностранными гражданами, ухудшению половозрастной и образовательной структуры населения, а также сокращению демографических ресурсов для социально-экономического развития региона и обеспечения обороноспособности страны.

На основе анализа демографических и миграционных процессов в сельских районах Алтайского края выделены зоны наиболее высоких рисков потери сельского населения и прежде всего молодежи, в том числе территории: а) с высокими темпами общей убыли населения; с высокими показателями миграционной убыли; б) с высокими показателями интенсивности миграции по выбытию; в) с высокими показателями миграционного оборота; г) с высоким уровнем безработицы; д) с низкой долей детей и молодежи в структуре населения; е) с низкой транспортной доступностью.

5. Проведен анализ динамики и дифференциации доходов населения в Алтайском крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2000-х гг. (глава 5).

В период экономического роста, имеющего восстановительный характер после драматического снижения реальных доходов в 1990-х гг., край отличался более значительным увеличением реальных доходов и оплаты труда и гораздо более чувствительной реакцией на кризисный 2009 г. В период экономического роста восстановительного характера после драматического снижения реальных доходов в 1990-х гг. край отличался более значительным увеличением реаль-

ных доходов и оплаты труда и гораздо более чувствительной реакцией на кризисный 2009 г. Среди позитивных трендов, выявленных с начала 2010-х гг.: 1) более интенсивный рост среднедушевых доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций края, а также их покупательной способности (соотношение данных показателей с прожиточным минимумом), чем в стране, и как следствие, сокращение отставания от среднероссийского уровня и усиление позиций в СФО; 2) увеличение реальных доходов при их снижении в России в целом и более значительный рост реальной заработной платы в сравнении со страной; 3) сохранение более низких показателей неравенств по доходам в сравнении со страной, а также значительное сокращение (почти на треть) уровня бедности при незначительном его уменьшении в стране, существенное улучшение позиций по бедности в СФО.

Вызовами устойчивому социально-экономическому развитию Алтайского края остаются значительные масштабы отставания от России по среднедушевым доходам (более чем на четверть в 2017 г.) и их покупательной способности. Основные угрозы в сфере доходов населения связаны с кардинальным отставанием заработной платы от страны в целом (более чем на 40%), негативной динамике ее покупательной способности с начала 2010-х гг., стабильно последней позиции региона по зарплате в СФО и уже предпоследней в стране. Кроме того, в текущем десятилетии в крае продолжается рост неравенства населения по доходам в отличие от российских тенденций их сокращения, что привело к значительному уменьшению отставания по этим показателям от России, близким масштабам дифференциации. В крае сохраняется высокий уровень бедности (17,6%), почти на треть выше среднероссийского показателя.

Особенностью отраслевых сдвигов в заработной плате является существенное сокращение отставания заработной платы в сельском хозяйстве от средней по экономике края до 20%. Однако в условиях роста социально-экономической мобильности населения даже такой разрыв при низкой средней заработной плате в Алтайском крае в целом способствует сохранению растуще-

го миграционного оттока экономически активной части сельских жителей края, особенно молодежи.

Все эти вызовы и угрозы социально-экономическому развитию региона, сконцентрированные в сфере доходов его жителей, должны стать объектами особого внимания для органов государственного управления. Причем следует учитывать ограниченные возможности государственной статистики в измерении доходов населения, процессов бедности и неравенств по доходам. И, кроме того, необходимо принимать во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе почти полуторакратное отставание российских сельских домохозяйств от городских¹.

Перспективные возможности роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств зависят от использования системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства и формирования других социальных лифтов преодоления бедности, активной борьбе с социально-экономической поляризацией. Огромную роль в преодолении вызовов и угроз, укоренившихся в сфере доходов населения региона, играет государственная социальная политика, происходящие перераспределительные процессы в социально-экономической сфере в пользу низкодоходных слоев населения². В частности, одним из реализуемых в настоящее время государственных мер роста реальных доходов и сокращения бедности, которые должны отразиться в первую очередь на регионах с самыми низкими доходами населения, является повышение минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума в регионе. Значительный эффект в таких регионах может быть получен и от сокращения теневой составляющей эффективной борьбы с коррупцией.

---

¹ Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 247-255, 315-331; Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 80-125.

² Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 230-239.

Преодоление вызовов и угроз, связанных с бедностью и неравенствами в регионах с высокой долей сельского населения, таких как Алтайский край, осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мобильности, улучшения положения сельчан часто те, кто получает помощь, «поднимается из бедности», при удобном случае уезжает из села¹. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельских жителей недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах привлечения молодых врачей и учителей в села, стимулирования начинающих фермеров). Помимо известных эффективных механизмов сокращения бедности и чрезмерных неравенств, которые можно применить ко всему российскому обществу (к примеру, постепенного введения прогрессивной шкалы налогообложения), политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом интересов и развивающихся практик самого сельского сообщества.

б. Дана характеристика социально-экономических изменений в сельской местности Алтайского края с начала 2000-х гг. (глава 6).

Анализ произошедших перемен в социально-экономической сфере села показал нарастание их разнообразия и усиление разнонаправленности процессов. С одной стороны, сохраняют в последние годы характер вызова масштабные проблемы низкой оплаты труда, безработицы, нехватки квалифицированных кадров (молодых специалистов), сокращения доступности медицинских и других базовых социальных услуг, а с другой стороны, наглядно видны пози-

---

¹ См.: Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы // Регион: Экономика и социология. – 2018. – №1. – С. 116-141; Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: колл. монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Davies A. Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities // Geographical Research. – 2008. – № 46. – P. 162-171; Min-Harris C. Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth // Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa – 2000. – P. 159-186; Shucksmith M. Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. – York: Joseph Rowntree Foundation, 2000. – 63 p.

тивные сдвиги вследствие реконструкции и строительства школ, детских садов, спортивных объектов, торгово-развлекательных и других организаций, распространения мобильной связи и Интернета, новых технологий в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, улучшения дорожно-транспортной сети, создания новых рабочих мест по программам занятости населения, сокращения алкоголизма. Вместе с тем на фоне растущего контраста с социально-экономическим развитием городов региона и страны в сознании сельских жителей негативные процессы на селе пока перевешивают позитивные, что отражается в росте недовольства изменениями и массовой миграции молодежи из села. Особенностью последних лет стало осознание сельским сообществом, местной властью оттока молодежи как угрозы первого плана для развития села.

7. Дана характеристика динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи в Алтайском крае (глава 7).

С начала «нулевых», за исключением недавних пяти лет (2011-2016 гг.), реальная миграция сельской молодежи росла. В последние годы вновь выросла и потенциальная миграция, достигнув почти до 60%. Лишь 7% молодых людей, по опросу 2017 г., планировали вернуться в село после учебы, работы в городах для дальнейшего проживания. Доминируют среди потенциальных мигрантов выпускники школ с намерением получить профессиональное образование в городе, а также молодые люди, не имеющие семьи и собственного жилья. Наряду с отъездом из села на постоянное место жительства преимущественно в города края и другие регионы выросли процессы маятниковой и сезонной миграции.

Значительное сокращение численности молодежи в сельской местности уже привело к качественным сдвигам в демографической структуре, последствиями чего являются сокращение среди сельских жителей трудоспособного возраста до четверти, проблемы демографического воспроизводства поселений и территорий, обеспеченности сельской экономики квалифицированными кадрами. Следовательно, можно утверждать, что масштабы и последствия миграции сельской молодежи таковы, что она уже является реальной угрозой устой-

чивому социально-экономическому развитию не только отдельных сельских территорий, но и региона в целом.

Массовая миграция молодежи из села – следствие влияния комплекса разнонаправленных факторов-условий и факторов-регуляторов, как позитивно, так негативно воздействующих на развитие села, положение сельских жителей, в том числе молодежи. В последние годы, с одной стороны, сказываются результаты более активной политики поддержки социально-экономического развития села, улучшение качества дорог, развитие Интернета и мобильных средств связи, аграрной политики и импортозамещения, но, с другой стороны, – это переход на новые технологии в сельском хозяйстве, следствием чего является сокращение занятости, а также последствия кризисных явлений 2014-2016 гг.

Наблюдается рост значимости таких причин потенциальной миграции, как нехватка рабочих мест с адекватной оплатой труда, стремление повысить уровень образования, низкая доступность и качество медицинских услуг, низкий уровень развития молодежного досуга и спорта, привлекательность городского образа жизни.

8. Проведен дифференцированный анализ демографических характеристик и образования сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. (глава 8).

С начала 2000-х гг. наблюдается существенное сокращение смертности среди сельской молодежи, вместе с тем выросло отставание по данному показателю от городской молодежи. Среди сельской молодежи смертность мужчин заметно превышает смертность женщин.

Особенностью половой структуры сельской молодежи Алтайского края является дисбаланс, выраженный в существенно меньшей численности женщин в сравнении с мужчинами. «Нехватка невест» является одной из причин нежелания остаться на селе, поскольку возникают трудности в создании семьи. Вместе с тем половая структура сельской молодежи края в сравнении с ситуацией в стране в целом является более сбалансированной.

Значительно снижается устойчивость брачного состояния сельской молодежи. Хотя с начала 2000-х гг. в сельской местности Алтайского края по-прежнему создается больше браков, чем расторгается, разница между сельской и городской молодежью по данному показателю нивелировалась. В структуре семейных союзов сельской молодежи значительно выросла доля незарегистрированных (каждый четвертый брак в 2016 г.), хотя среди городской молодежи данная тенденция выражена более значительно. В период с начала «нулевых» Алтайский край отличался более высокой брачной активностью сельской молодежи на фоне СФО и РФ, а также большей распространенностью незарегистрированных браков, чем в целом по стране.

Особенностью репродуктивного настроения сельской молодежи является то, что с начала 2000-х гг. сельские молодые женщины отличаются более высокой репродуктивной активностью в сравнении с городскими.

Состояние здоровья сельской молодежи оказывает значительное влияние на ее социальное положение: молодежь с проблемами здоровья отличается более высоким уровнем бедности, имеет больше проблем с получением образования, медицинского и социального обслуживания. Проблемы здоровья касаются в большей степени молодых мужчин, чем молодых женщин.

С начала 2000-х гг. наблюдаются значительные изменения в уровне образования сельской молодежи Алтайского края. По переписным данным, большинство сельской молодежи получили профессиональное образование, почти 70% занятой в сельской экономике молодежи имеют профессиональное образование. Доля сельской молодежи с высшим образованием выросла почти в три раза, достигнув 13%. Образование все в большей мере становится социальным лифтом, обеспечивающим доступ молодежи к более качественным рабочим местам в сельской местности, с более высоким уровнем заработной платы.

По уровню образования сельское население Алтайского края лидирует среди регионов СФО, хотя и уступает среднему уровню по РФ. Вместе с тем сельская молодежь края заметно уступает по уровню образования сельским жителям более старшего трудоспособного возраста и городской молодежи, причем

отставание от городской молодежи не сокращается. Несмотря на более высокий уровень образования, сельские молодые женщины имели более неблагоприятные характеристики занятости и доходов в сравнении с сельскими молодыми мужчинами.

В сфере сельского общего и профессионального образования наблюдаются неоднозначные процессы. С одной стороны, проявляются процессы обновления состава общеобразовательных организаций: ремонтируются, модернизируются имеющиеся, открываются новые школы, повышается их техническая оснащенность. С другой стороны, особенно активно со второй половины 2000-х гг. происходит закрытие малокомплектных школ и учреждений среднего и начального профессионального образования, что привело к снижению территориальной доступности школьного и профессионального образования, прежде всего для жителей малых поселений.

Демографическое состояние и уровень образования сельской молодежи влияют на ее миграционные установки. Наибольший миграционный потенциал имеют представители младшей группы сельской молодежи, холостые (незамужние), а также не имеющие собственных детей. Брачное состояние и наличие детей являются факторами, снижающими потенциальную миграцию сельской молодежи.

Стремление повысить уровень образования является одной из наиболее популярных причин формирования миграционных установок сельской молодежи, чему способствует ухудшение ситуации с доступностью профессионального образования в сельской местности. К наиболее острым последствиям миграции молодежи относится усиление проблемы обеспечения сельской экономики квалифицированными кадрами, и острота этой проблемы усиливается.

9. Проведен анализ положения молодежи на сельском рынке труда и дана оценка влияния сельского рынка труда на миграцию и миграции на сельский рынок труда (глава 9).

Миграция является одним из важнейших механизмов формирования и развития рынка труда Алтайского края. Отсутствие подходящих рабочих мест является одной из основных причин миграционного оттока молодежи, причем значимость его заметно усилилась. Актуальными проблемами в сфере занятости остаются низкий размер заработной платы и задержки по ее выплате, неблагоприятные условия труда, опасение потерять место работы, проблемы обеспечения социальных гарантий. Проявлением снижения привлекательности сельскохозяйственного труда для сельской молодежи является падение ее мотивации к труду в семейных крестьянских хозяйствах, ЛПХ и, как следствие, кардинальное сокращение ее в структуре основной занятости.

Вместе с тем на сельском рынке региона формируется значительный дефицит рабочей силы, который при сохранении существующих тенденций будет усиливаться, что может привести к существенным ограничениям в развитии экономики и социальной сферы сельских территорий. Необходим комплекс мер государственной политики, позволяющих сократить масштабы миграции молодежи с учетом специфики влияния такой миграции на региональный рынок труда. Среди таких мер, например, можно выделить повышение доступности и стимулирования получения профессионального образования, увеличение финансирования грантовых программ и развитие других форм экономической поддержки работающей молодежи, экономическое и моральное стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места.

Перспективы дальнейших исследований влияния миграции молодежи на рынок труда региона могут быть связаны с более детальным анализом мотивов и практик поведения молодежи на сельском рынке труда, с акцентом на анализ влияния различных видов возвратной и невозвратной миграции на состояние рынка, а также с исследованием результативности программ государственной политики по формированию механизмов устойчивого развития сельского рынка труда, позволяющих снизить остроту миграции сельской молодежи.

10. Проведен дифференцированный анализ изменения комплекса территориальных характеристик социального положения и активности сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. на данных статистики с использованием типологического анализа (глава 10).

Результаты типологизации сельских районов Алтайского края по уровню социально-экономического развития выявили устойчивость позиций регионов-«аутсайдеров». Узлы проблем развития этих районов сосредоточены в сфере АПК, что формирует низкие оплату труда и платежеспособность сельских жителей и, как следствие, высокий миграционный отток молодежи, низкую привлекательность этих территорий для квалифицированных работников.

К концу «нулевых» в сельских районах Алтайского края получен явно выраженный эффект взаимосвязи экономического благополучия и развития социальной сферы через влияние крупных городов и другие выгоды географического положения, который в последние годы еще больше усилился. Более благополучные позиции заняли районы, расположенные вблизи автомагистралей и железных дорог на границах с экономически более сильными регионами страны (Кемеровской и Новосибирской областями) и Казахстаном. В наиболее неблагоприятной ситуации оказались районы, не имеющие таких явно выраженных преимуществ, но особенностью выделенных районов-аутсайдеров является высокий природный потенциал, что может определить перспективу их социально-экономического развития.

11. Проведен анализ изменения материального положения и социального самочувствия сельской молодежи и дана оценка их влияния на миграцию (глава 11).

Несмотря на негативные процессы в кризисные периоды экономики, в целом наблюдается улучшение материального положения, сокращение бедности с начала 2000-х гг. В 2017 г. только десятая часть молодых селян отнесли себя к категории бедных. Трансформация структуры сельской молодежи по источникам доходов и средств существования отразилась в кардинальном сокращении доли молодых селян, получающих доходы от ЛПХ как основные, и значительном росте удельных весов получающих социальные выплаты и имеющих займы, кредиты. Актуальной остается проблема обеспеченности и качества жилья для сельской молодежи. Снизилась удовлетворенность моло-

дых селян жилищными условиями. Выросла роль данной проблемы как драйвера миграционного оттока.

Анализ структуры и динамики социального самочувствия сельской молодежи позволил выявить противоречивость и неоднозначность ее оценки: при преобладании относительно высокого уровня оптимизма (в сравнении с более старшими по возрасту группами сельского населения) сохраняется значимая доля «равнодушных» (находящихся в состоянии равнодушия и апатии) или испытывающих сильное напряжение и раздражение. Оптимизм сельской молодежи сочетается с относительно низкой удовлетворенностью отдельными сторонами жизни (в частности, качеством условий жизни в селе) и превалированием позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего. Все это может стать тормозом активных процессов социально-экономического преобразования сельских сообществ.

Динамика социального самочувствия сельской молодежи с начала 2000-х гг. проявляется в значительном росте «уверенного оптимизма» при сокращении «обеспокоенности и неуверенности в будущем», наряду с сокращением позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего и заметным ростом «равнодушия и апатии», формирующим почву для роста миграционных настроений. Наиболее мощными социальными лифтами для развития «оптимизма» сельской молодежи являются образование и занятость (прежде всего самозанятость и предпринимательство). Одним из направлений улучшения социального самочувствия сельской молодежи является модернизация «социальных лифтов», направленных на закрепление их проживания на селе, и совершенствование системы их социальной поддержки силами государства и самих сельских сообществ.

11. Изучено влияние таких социальных регуляторов миграции сельской молодежи, как сельский бизнес, общественные организации и семейно-родственные сети (глава 12).

Анализ влияния на миграцию сельской молодежи таких социальных драйверов сельских сообществ, как сельский бизнес, общественные организа-

ции и семейно-родственные сети позволил выявить противоречивую картину. Если первые (бизнес и общественные организации) являются, как правило, ингибиторами миграции, то последние часто играют роль катализаторов.

Изучены масштабы, динамика и факторы развития социально ориентированных практик сельского, в том числе агропромышленного, бизнеса. Анализ показал, что, с одной стороны, сохраняются традиции содержания и направленности социальной поддержки работников сельских предприятий и социального развития села, в основе чего лежат моральные принципы взаимопомощи, высокая значимость коллективных социальных сетей в сельских сообществах. Вместе с тем произошли существенные изменения в спектре и распространенности социально ориентированных практик сельского бизнеса, большее развитие получают в первую очередь практики, связанные с получением экономического эффекта в прямом или косвенном виде. Сельский бизнес играет значимую роль в решении социальных проблем села и социальной поддержке как своих работников, так и нуждающихся в ней жителей села, в том числе молодежи, причем в последнее десятилетие эта роль заметно возросла.

В последние годы повысилась значимость государственных органов управления в стимулировании развития социально ориентированного сельского бизнеса. Расширение потенциала использования государством инструментов стимулирования развития социально ориентированных практик сельского бизнеса видится в предоставлении налоговых льгот и льготных кредитов, софинансировании социально значимых проектов, развитии материального и морального поощрения социально ответственных работодателей.

Проведен анализ особенностей развития сельских институтов гражданского общества и их поддержки молодежи. Современные сельские сообщества по-прежнему характеризуются значительно более низким уровнем развития гражданских инициатив и институтов гражданского общества в сравнении с городом. В сельской местности Алтайского края действует седьмая часть общественных объединений, расположенных во многих случаях вблизи краевой столицы. Несмотря на пока еще сравнительно незначительный, точечный вклад

общественных организаций в поддержку молодежи, нельзя недооценивать их роль в сокращении миграции из села. Развитие молодежных организаций создает дополнительный импульс для формирования привлекательной, активной жизненной среды в сельских сообществах.

Мощным фактором активизации процессов становления институтов гражданского общества в сельской местности в 2008-2014 гг. являлись более масштабные и эффективные действия органов государственной и муниципальной власти в использовании инструментов стимулирования гражданских практик в сравнении с предшествующими годами, в том числе целевая грантовая поддержка социально значимых проектов НКО на федеральном и региональном уровнях, а также принятие ряда других политических решений по поддержке гражданских инициатив и их институционализации в селах.

Выявлено усиление влияния семейно-родственных сетей на миграцию молодежи из села с начала 2000-х гг., определены причины, способствовавшие этому. Среди таких причин не только факторы социально-экономического характера, но и растущее влияние непривлекательности сельского образа жизни.

12. Дана оценка результативности государственной политики по улучшению социального положения и сокращению миграции молодых селян в Алтайском крае, разработаны предложения по ее совершенствованию в данной области (глава 13).

Установлено повышение роли государственной политики как ингибитора миграции сельской молодежи на основе анализа эффектов (результативности) влияния государственной политики на миграцию сельской молодежи, оценок экспертов и сдвигов в удовлетворенности населения ситуацией и происходящими на селе изменениями в социально-экономической сфере. Значимыми противовесами оттоку молодежи из села являются прежде всего меры федеральной и региональной политики, реализуемые в программах устойчивого развития сельских территорий и аграрной сферы и направленные на развитие кредитования, поддержку занятости, улучшение дорожно-транспортной сети и обеспеченности мобильной связью и Интернетом, социальное развитие села.

Вместе с тем не удалось приблизиться к решению множества продекларированных задач, в том числе по сокращению различий между городом и селом по уровню социально-экономического развития, недостаточными оказались меры по повышению рождаемости на селе.

Сельские жители, в том числе молодежь, в целом признают позитивные сдвиги в федеральной политике со второй половины «нулевых» по отношению к селу. Вместе с тем выявлена ее сравнительно низкая удовлетворенность ситуацией и изменениями в социально-экономической сфере села, во многом связанная с нехваткой подходящих рабочих мест на селе и активным сокращением социальной инфраструктуры.

Решение проблем сокращения миграции сельской молодежи осложняется тем, что восходящая социальная мобильность, улучшение социального положения сельской молодежи часто способствует ее миграции при отсутствии комплекса жизненных условий и мотивации жить и работать в сельской местности. Поэтому особое внимание нужно уделить поддержке сельской молодежи с ценностями традиционного сельского сообщества, на создание для них эффективных «социальных лифтов», направленных на закрепление проживания на селе.

Разработан комплекс предложений по совершенствованию государственной политики по сокращению миграции сельской молодежи, который не ограничивается лишь мерами миграционной политики в регионе и улучшения отдельных составляющих социального положения сельской молодежи, а направлен на широкий спектр различных направлений политики, связанных с модернизацией сельской экономики и социальной сферы, устойчивым развитием сельских территорий и пространственным развитием России. Позитивные сдвиги в миграционном поведении сельской молодежи видятся прежде всего в создании привлекательных рабочих мест на новых технологиях и комплекса жизненных условий на селе с учетом интересов молодежи, и в целом в формировании привлекательного образа сельской жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – 296 с.
2. Алиев У.Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – №2 (192). – С. 97-108.
3. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.
4. Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. – 2012. – № 12. – С. 46-58.
5. Богомолова Т.Ю. Траектории перемещения населения России в пространстве «бедность – не бедность» в 1990-2000-е годы // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 108-120.
6. Борисенко М.А. Демографические изменения в сельских населенных пунктах Алтайского края в постсоветский период // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2017. – № 8(154). – С. 75-80.
7. Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). – Улан-Удэ, 2007. – 478 с.
8. Букин В.П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. – 2009. – № 1. – С. 51-55.
9. В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина М., Наталлис, 1999. – 319 с.

10. Вакуленко Е.С. Миграционные процессы в городах Центральной России и Сибири // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. – Кн. 3. / отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 3. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 103-112.
11. Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2011. – № 1. – С. 431-450.
12. Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 15. – С. 83-90.
13. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
14. Великий П.П., Дакирова С.Т. Влияние смыслов относительной депривации на жизненные планы сельской молодежи [Электронный ресурс] // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2014. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iagpran.ru/datas/users/48fc5c6bdbfeecc6b4b9f7933c339ea0.pdf> (дата обращения: 01.02.2017).
15. Великий П.П., Лучков Н.А. Парадоксы репродукции ресурсов жизни села // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 370-377.
16. Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 60-66.
17. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – 340 с.
18. Виноградский В.Г. Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы. – Саратов, 2010. – 195 с.

19. Витковская Г.С. Переселение в Россию из стран Центральной Азии: миграционный потенциал и роль интеграционных процессов (по данным социологических обследований в Казахстане, Узбекистане и Киргизстане) // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина, Комплекс-Прогресс, 1997. – С. 139-161.
20. Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей; под общ. ред. А.М. Никулина. – М.: Изд. дом «Дело», 2012. – 228 с.
21. Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие: из села в город // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 75-91.
22. Габидуллина Г.Р. Актуальные проблемы сельской молодежи // Вестник Башкирского университета. – 2006. – №4. – С. 174-176.
23. Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.
24. Глазырина И.П., Клевакина Е.А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 113-128.
25. Гонтмахер Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68-81.
26. Денисенко М., Чернина Е. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 40-57.
27. Дерябина О.Н., Широкалова Г.С. Специалисты для села и село для специалистов // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 26-39.
28. Ельчанинов П.М. Проблемы трудовой занятости сельской молодежи // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 133-135.
29. Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990–2010 гг.): монография. – Барнаул: Азбука, 2011. – 272 с.

30. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Социальная политика по формированию у молодежи отношения к здоровью. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 65 с.
31. Зайончковская Ж.А. Миграции в постсоветском пространстве. // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина, Комплекс-Прогресс, 1997. – С. 14-37.
32. Зайончковская Ж., Молодикова И., Мукомель В. Методология и методы изучения миграционных процессов. – М.: Адамантъ, 2007. – С. 259-301.
33. Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Миграция и демографический кризис в России. – М.: ИНП РАН, 2010. – 94 с.
34. Заславская Т.И. Избранное: в 3-х т. – Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – С. 348-387.
35. Заславская Т.И. К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района // Избранное. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 496-530.
36. Заславская Т.И. Миграция сельского населения (1970) // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – С. 205-277.
37. Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. – 1981. – № 3. – С. 42-52.
38. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социальная структура советского общества: экономико-социологический аспект // Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Глава 12. – С. 228-435.
39. Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 199 с.
40. Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. – 2017. – № 7. – С. 64-74.

41. Инновационная Россия – 2020 [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.
42. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – 180 с. – С. 65-79.
43. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический ракурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.
44. Калугина, З.И. Социальные риски воспроизводства человеческого потенциала в Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 57-75.
45. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 309 с.
46. Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. – 20 с.
47. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2016. – № 5. – С. 46-59.
48. Карманов М.В., Смелов П.А., Егорова Е.А., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Методологические вопросы экономико-статистического анализа социально-демографических групп населения. – М.: МЭСИ, 2010. – 342 с.
49. Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 115-120.
50. Колесникова О.Н. Инновации в образовании как составляющие социального благополучия населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 2. – Барнаул: Изд-во Алт.-ун-та, 2010. – С. 11-16.

51. Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.
52. Колосова Е.А. Жизнеобразующие смыслы сельской молодежи // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Гощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – Гл. 5. – С. 231-250.
53. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации / отв. ред. Т.И. Заславская. – Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1982. – 192 с.
54. Курцер М. Парадоксально, что на фоне огромного количества внешних мигрантов внутренняя миграционная подвижность россиян остается очень низкой // Человек и труд. – 2013. – № 9. – С. 11-12.
55. Лисовский В.Т. Социология молодежи. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1996. – 361 с.
56. Локшин М.М., Чернина Е.М. Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. – Т. 17. – № 1. – С. 41-74.
57. Матвеева Н.А. Образование как цель и фактор социализации сельских школьников: противоречия использования ресурса // Образование и общество. – 2011. – № 6. – С. 70-74.
58. Мау В.А. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 4-32.
59. Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 114-132.
60. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

61. Миграционные процессы в Алтайском крае 2011-2016: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Барнаул, 2017. – 72 с.
62. Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Серия: Миграционный барометр в РФ. – 112 с.
63. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – М.: Мысль, 1970. – 348 с.
64. Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. – 2015. – № 3. – С. 107-116.
65. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – С. 225-242.
66. Мкртчян Н.В. Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период // Современные исследования миграции населения. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 94-111.
67. Мореханова М.Ю. Социальные аспекты перехода сельского хозяйства на инновационный путь развития // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М., 2008. – С. 273-275.
68. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. Трансформация миграционных процессов в Хабаровском крае // Вопросы статистики. – 2015. – № 1. – С. 54-64.
69. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов. – М.: Академия, 2000. – 200 с.
70. Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник московского университета. – Серия 5. География. – 2017. – № 5. – С. 58-67.

71. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: URSS, 2013; доп. изд. 2014. – 310 с.

72. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. – Сер. Геогр. – 2015. – № 3. – С. 41-56.

73. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М., 2010. – С. 128-145.

74. Нечипоренко О.В., Самсонова В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю. Крестьянство современной России: жизненные миры и социальные практики. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 252 с.

75. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. – Новосибирск, 2010. – 302 с.

76. Октябрьская И.В., Смирнова Н.Е. Этническая компонента в формировании человеческого потенциала Сибири // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 431-453.

77. От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени: колл. монография / сост., науч., лит. ред. С.А. Панарин; ред. англ. текстов А.А. Космарский; Ин-т востоковедения РАН; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 436 с.

78. Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. – М.: Академический проект, 2001. – 312 с.

79. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М., 2010. – 390 с.

80. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.

81. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55.
82. Попова И.И. Сельский социум: мироощущение сельского жителя // Российское село в условиях глобальных вызовов: коллектив. монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 123-144.
83. Радаев, В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособ. для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. – 240 с.
84. Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М.: Статистика, 1977. – 295 с.
85. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 384 с.
86. Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. – М.: Независимый институт социальной политики, 2008. – 208 с.
87. Российское село в условиях глобальных вызовов: коллективная монография / под общ. ред. В.И. Староверова. – Уфа: БагСУ, 2014. – 280 с.
88. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (выпуск 5). Стадии миграционного процесса: монография. – М., 2001. – 159 с.
89. Салахутдинова Р.Р., Ларцева С.А. Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 242-250.
90. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ., под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. – М.: Новое изд-во, 2004. – 432 с.
91. Сергиенко А.М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 298 с.

92. Сергиенко А.М. Социальная интеграция в сельских сообществах: современные практики и механизмы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов Международной научной конференции / отв. ред. С.Г. Максимова. – Вып. 4. – Ч. 1. – Барнаул: Новый формат, 2016. – С. 38-46.

93. Сергиенко А.М. Социально-экономические факторы внедрения инноваций в землепользовании в районах Кулундинской зоны Алтайского края // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2014. – № 11. – С. 4-9.

94. Сергиенко А.М. Трудовая миграция в сельские районы Алтайского края и политика ее оптимизации: экспертные оценки руководителей сельских муниципалитетов // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2015. – № 12. – С. 29-33.

95. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Кадровая обеспеченность сельского хозяйства: проблемы и перспективы в условиях массовой миграции сельской молодежи // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: материалы III Международного экономического форума / под ред. д.э.н. С.Н. Бочарова. – Барнаул: Колибри, 2016. – С. 358-362.

96. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и социальные регуляторы // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 1. – С. 116-141.

97. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8: в 2 ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21-26.

98. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Образование и занятость как факторы миграции сельской молодежи Алтайского края: что изменилось с начала 2000-х? // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2016. – № 14. – С. 28-34.

99. Сергиенко А.М., Решетникова С.А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 202 с.
100. Сергиенко А.М., Старосвет Е.А. Социально ориентированная политика агробизнеса: современные практики и факторы развития // Сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». Т. III. – М.: Проспект, 2017. – С. 668-676.
101. Симарова И.С. Миграционный обмен как фактор внутрирегиональной связанности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 298-301.
102. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. – М.: Логос, 2005. – 576 с.
103. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С. 202-210.
104. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – 368 с.
105. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический потенциал Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. акад. РАН В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 53-95.
106. Соболева С.В., Чудаева О.В. Риски в формировании демографической среды // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 26-41.
107. Соболева С.В., Чудаева О.В., Смирнова Н.Е. Формирование демографического потенциала Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 161-191.

108. Солодова Г.С., Харченко И.И. Формирование экономического сознания выпускников общеобразовательной школы // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 89-95.
109. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. Под общ. ред. Л.В. Пеняевой – М.: Наука, 1994. – 560 с.
110. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – 669 с.
111. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
112. Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 141-144.
113. Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.
114. Сулейманова Ф.Г., Харченко И.И. Отношение молодежи сибирского региона к образованию как ресурс развития человеческого потенциала // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 137-152.
115. Сукнева С.А. Тенденции миграционной динамики в республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. – 2017. – №1(05). – С. 31–40.
116. Сушко П.Е. Сельская молодежь Ближнего Севера: основные типы и характеристики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. – 2015. – Вып. № 3 (50). – С. 106–112.
117. Тарасова Е.В., Ерохин А.В., Сбитнева Н.А. Внутрирегиональная миграция в Алтайском крае. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2015. – 76 с.
118. Тарасова Е.В. Особенности миграции населения старше трудоспособного возраста в Алтайском крае // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – Барнаул, 2013. – С. 153.

119. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М., 1996. – 195 с.
120. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого; ФАНО СО РАН, ИЭОПП СО РАН, Алтайский гос. ун-т [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 424 с.
121. Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. и др. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.
122. Троцук И.В. Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – № 3-4. – С. 180-190.
123. Трудовые мигранты в российском селе [монография] / под ред. проф. П.П. Великого. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – 293 с.
124. Унтура Г.А., Яковлева Т.И., Евсеенко А.В. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – С. 77-88.
125. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.
126. Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 264 с.
127. Чередниченко Г.А. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий): монография. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 392 с.
128. Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76-95.

129. Шабанов В.Л. Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики: монография. – Саратов: Саратовский источник, 2016. – 256 с.
130. Adesiji G.B., Omoniwa V., Adebayo S.A., Matanmi B.M., Akangbe J.A. Factors Associated With The Youths' Rural-Urban Drift In Kwara State, Nigeria // *Interdisciplinary journal of contemporary research in business*. – 2009. – Vol. 1. – № 8. – Pp. 69-77.
131. Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // *Journal of Rural Studies*. – 2016. – № 45. – Pp. 99-111.
132. Cairns D. (Ed.) *Youth on the Move: European Youth and Geographical Mobility*. – Springer, 2010. – 112 pp.
133. Caldwell W., Ball J., Chan Y., Ainley S. *Rural Research Priorities – Ontario*, 2010. – 62 pp.
134. Cartmel F., Furlong A. *Youth unemployment in rural areas*. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 46 pp.
135. Chiang Y., Hannum E.C., Kao G. Who Goes, Who Stays, and Who Studies? Gender, Migration, and Educational Decisions among Rural Youth in China // *International Journal of Chinese Education*. – 2012. – Vol. 1. – Iss. 1. – Pp. 106-131.
136. Corriero J., Walker L. *Engaging Rural Youth. Survey Results and Recommendations*. – Toronto: TakingITGlobal, 2004. – 24 pp.
137. Davies A. Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities // *Geographical Research*. – 2008. – № 46. – Pp. 162-171.
138. Heath A. *Social Mobility*. – Glasgow, 1981. – Pp. 107-136.
139. Min-Harris C. Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth // *Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa – 2000*. – Pp. 159-186.

140. Nlerum F.E. Youth Restiveness in Niger Delta rural areas: Lesson for Contemporary Nigerian Society // International Journal of Advancements in Research & Technology. – 2012. – Volume 1. – Issue 7. – Pp. 1-9.

141. Pavis S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. – York: York Publishing Services Ltd, 2000. – 403 pp.

142. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48, №2 (June). – Pp. 167-235.

143. Scott J. Moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 1977. – 254 pp.

144. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven: Yale University Press, 1985.

145. Shucksmith M. Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. – York: Joseph Rowntree Foundation, 2000 – 63 pp.

146. Weinstein S. Feel These Words: Writing in the Lives of Urban Youth / S. Weinstein. – State University of New York Press, 2009. – 189 pp.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергиенко Алие Мустафаевна – редактор монографии, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Лаборатория социально-экономических исследований Алтайского края), зав. базовой кафедрой экономической и социальной политики ИЭОПП СО РАН в Алтайском государственном университете.

Колесникова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета социологии Алтайского государственного университета.

Родионова Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Лаборатория социально-экономических исследований Алтайского края).

Перекаренкова Юлия Александровна – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Лаборатория социально-экономических исследований Алтайского края).

Снегирева Оксана Андреевна – магистр социологии, магистрант Алтайского государственного аграрного университета, социолог Центра специальной связи и информатизации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае.

Тарасова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, начальник контрольного отдела секретариата Губернатора Алтайского края Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края.

Вуст Андреас (Wust Andreas) – магистр, научный сотрудник Института региональной географии – член Ассоциации Лейбница (Германия).

Научное издание

**МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
в фокусе – Алтайский край**

Коллективная монография

Под редакцией доктора социологических наук
Алие Мустафаевны Сергиенко

Редактирование, подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*
Дизайн обложки *Ю.В. Плетнева*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 25.01.2019. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 19.

Тираж 500 экз. Заказ № 13

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66